
В. ВАНЮШИН
ЖЕЛТОЕ ОБЛАКО

В. ВАНЮШИН

ЖЕЛТОЕ ОБЛАКО

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Казахское
государственное
издательство
художественной
литературы
Алма-Ата — 1964

Р 2
В 17

Имя Василия Федоровича Ванюшина известно широкому кругу читателей по книгам «Вторая жизнь», «Старое русло», «Волчий глаз» и другим. «Желтое облако» — новое произведение писателя в жанре научной фантастики.

Когда на японские города упали американские атомные бомбы, озаботилось не только человечество Земли. Об атомных взрывах стало известно на далекой планете Альва. Альвины однажды пережили атомное нападение с соседней планеты Рам; обеспокоенные взрывами на Земле, они посылают свою экспедицию на Луну — ближайший спутник Земли.

Советский космонавт Николай Стебельков прилетел на Луну, чтобы положить здесь начало созданию научной базы. Совсем с иной целью появился на Луне Дин Руис, сын президента «Атлантик-компани»...

Альвинам были известны планы милитаристов — использовать для войны космос. Этого нельзя было допустить: «желтое облако» — сила, разрушающая металлы, но безвредная для человека, готова была уничтожить на Земле все оружие, а заодно и достижения цивилизации.

Борьба за сохранение мира и цивилизации шла не только на Земле, но и на Луне. Поистине героический подвиг совершил советский космонавт. О судьбе Николая Стебелькова и Дина Руиса стало известно только через семнадцать лет, когда неожиданно у Земли появился искусственный спутник, запущенный альвинами. С этого и начинается роман, развивающийся дальше динамично и напряженно.

Не допустить войны, сохранить мир, цивилизацию — вот основная идея романа.

ПЕПЕЛЬНЫЙ СЛЕД

1

Тунгусский метеорит все еще интересовал ученых. Инга Михайловна Карасаева долго работала в экспедиции и только что вернулась из Сибири. Ее пригласил к себе профессор Новосельский.

«Обращенный лицом к звездам» — так называлась одна из газетных статей, опубликованная о Новосельском в день, когда он полетел в космос, чтобы испытать созданную им новую защитную оболочку космического корабля. Статья была подписана неким Киджи. На подпись мало кто обратил внимание — имя Новосельского было тогда широко известно, и конечно читателей интересовал прежде всего тот, о ком было написано, а не тот, кто это написал.

Корреспондент нашел сказать кое-что новое о Новосельском. Правда, он повторил и уже известное: молодой

профессор в недавно вышедшей книге развивает мысль о неразрывной связи всего сущего на Земле с Солнцем, с звездами. Зеленые листья и хлебные злаки вскормлены излучением нашей звезды Солнца, кислород в земной атмосфере является результатом деятельности растений, человек состоит из тех же сложных молекулярных соединений, что и растения, он питается продуктом Солнца и значит состоит из обыкновенного звездного вещества. Корреспондент в шутку назвал Новосельского «звездным профессором» и дальше рассказал, что он по заданию Комитета космонавтики занят исключительно разработкой мер, которые должны обеспечить полную безопасность полетов советских астронавтов за пределы солнечной системы, к звездам. Абсолютно надежная защита от космических лучей, от губительного столкновения с метеорами, от встречи с потоком микрочастиц — вот чем заняты теперь Новосельский и его коллеги по институту.

Инга Михайловна часто встречала имя Новосельского в печати, оно всегда связывалось со звездами, с предстоящими полетами в глубины космоса.

Карасаева когда-то училась вместе с Новосельским, но потом дороги их разошлись. Теперь Новосельский приглашал ее в сектор метеоритики института.

В институте было тихо, безлюдно. Инга Михайловна прошла по длинному светлому коридору. Всюду за стеклянными стенами белели пульты, и на них вспыхивали и гасли разноцветные огни. В большой полукруглой комнате по полу скользили тени от деревьев. Инга Михайловна задержалась перед дверью кабинета. Новосельский, видимо, ждал ее. Дверь открылась сама — плавно, без стука отодвинулась и исчезла в стене.

Новосельский стоял у окна, откинув полы белого халата и заложив руки за спину. Инга Михайловна не встречалась с ним давно. Новосельскому было тридцать с небольшим, столько же, сколько и Карасаевой.

Слегка прищурив глаза, Инга Михайловна с любопытством смотрела на «звездного профессора». Он был все такой же крепкий (в студенческую пору считался лучшим спортсменом), но лицо стало бледнее, черты грубее, резче. Видно, он много работает, не выходя из кабинета и лабораторий. А работать он умеет и не щадит себя.

— Как хорошо загорела! — сказал Новосельский и дружески улыбнулся. И сразу же вернулся к ним обоим

в разговоре простой тон, свойственный только студентам.— Неужели и там, на севере, в Сибири, жара?

— Всю весну я была в Каракумах.

— Да-да, знаю... И всюду ты находишь что-то интересное. А из Каракумов, я слышал, привезла редкостное растение, за которым, может быть, будущее тех мест. Удивительно, что ты находишь время заниматься ботаникой.

— Это — попутно. Это просто любопытно. Там скоро будет достаточно воды.

— Да-да... Искали там метеорит. И нашли. Ты счастливая, Инга.

— Что вы, Евгений Викторович! — сказала Инга, погрустнев.— Нахожу, но не то, что нужно.

— Найдешь. Есть мудрость, которая пережила века и сохранилась в наш век атомной энергии, электроники и космических полетов: ищите — и отыщется.

— Надеюсь.

— Ну, теперь поговорим о деле.— Новосельский переменил тон.— Вы, конечно, слышали о полете болида прошедшей ночью?

— В районе Альп?

— Да. В нашем институте смотрят на эти явления не отвлеченно. Для нас что важно? Безопасность космических полетов. Мы должны давать прогноз «погоды», предугадывать метеорные дожди. Мы с вами знаем, что в пределах солнечной системы существует несколько метеорных роев, резко различающихся по своему происхождению. Очень важно установить закономерность в возникновении и направлении метеорных потоков. Теперь нас будет интересовать каждый случай падения метеорита.

— Расскажите, Евгений Викторович, что известно о полете болида? — попросила Инга.

Новосельский повернулся к стене, на которой висела карта, и показал на темно-коричневый горный массив.

— Вот здесь... Это довольно странное явление. Сообщения местных радиостанций противоречивы, но в общем картина такова. Горы были покрыты тучами, и там шел небольшой дождь. Сверкнула молния — необыкновенная молния, она была видна с большого расстояния. Сверкнула высоко над тучами на фоне звездного неба, и не изломанной линией, а прямым, как стрела, огненным росчерком, и после нее не раздалось грома. Полет болида обыч-

ио сопровождается громовым ударом. Значит, это был не болид. Дальше вот что сообщило радио: из туч, осевших на горы, выплыл бледно светящийся шар, он пролетел иад городом,— Новосельский отыскал на карте точку города и провел линию с юга на север,— пролетел медленно, покачиваясь, и исчез над равниной. Не раздалось иикакого шума, ни одной искры не упало на землю. В некоторых радиосообщениях утверждается, что это был не шар, а продолговатое светлое пятно. Утверждается, что это была шаровая молния, а некоторые высказывают опасения, ие случилось ли несчастья с одним из космических кораблей, возвращавшихся на Землю. Но со всеми кораблями, находящимися в полете, поддерживается постоянная связь, и все они благополучно совершают свои рейсы. Тогда что же это было? Большинство мнений сводится к тому, что это был все-таки болид. Такого же мнения придерживается профессор Дольц, проживающий в Швейцарии.

Карасаева приблизилась к карте, рассматривая место, которое показал Новосельский. В просторных окнах полыхало августовское солнце. Пышные дымчатые волосы Инги Михайловны отсвечивали желтизной. Новосельский посмотрел на нее и перевел взгляд на свои маленькие кисти рук.

— Ты что думаешь, Инга Михайловна? — спросил он, снова переходя на «ты».— Я не специалист по метеоритам и не буду высказывать своего мнения.

Карасаева выпрямилась и повернулась к Новосельскому. Солнце осветило ее лицо, обветренное, ровного загара, без единой морщинки, только возле глаз виднелись острые уголки складок.

— Что я думаю?

— Да.

— А скажите, отметили что-нибудь радиолокациониые станции, расположенные вблизи Альп?

— Ни одна! — весело сказал Новосельский.— Только астрономическая станция нашего института зарегистрировала полет некоего тела, но не отметила его падения. Кажется обоснованным вывод: болид сгорел. Однако мы знаем, что такое горящий болид. Он рассыпает крупиые искры, летит быстро. В этом случае ничего подобного не было. Светящийся шар плыл по воздуху со скоростью менее километра в секунду, он покачивался, словно его несло ветром. Странный солнечиый зайчик иочью...— Но-

восельский подвинул Карасаевой лист бумаги.— Вот данные нашей станции. Она оборудована новейшими высокочувствительными приборами, ей можно верить. Смотрите: вычерчена почти горизонталь, она внезапно оборвалась, словно небесное тело растворилось в воздухе.

Карасаева долго рассматривала чертеж, прочитала короткие надписи.

— Если не было сгорания, что-то должно упасть на землю.

— Да,— согласился Новосельский.— Иначе остается предположить, что это была шаровая молния, или... вернуться к фантастическим «летающим блюдцам» из космоса, которыми когда-то буржуазная печать интриговала читателя.

— А почему бы и не вернуться? — задумчиво проговорила Карасаева.

— Метод аналогии. Что ж! Он дал возможность в прошлом открыть электреты — электрические аналоги постоянного магнита. Но ведь электричество — это не фантастические «летающие блюдца».

— Евгений Викторович! — воскликнула с улыбкой Карасаева.— Не вы ли совсем недавно писали в статье, что нужно как можно больше фантазии, не надо бояться ее: все равно вымысел отстает от фактов.

— Да, да,— улыбнулся и Новосельский.— Смелость мысли свойственна молодым. Хорошо, что у нас в науку пришли молодые силы. У нас есть один молодой человек, который предложил грандиозный проект...

Карасаева не слушала, она задумчиво смотрела на карту.

— Я сегодня же еду на место.

— Это очень хорошо.

— Я поеду одна и прошу не ограничивать меня во времени. До свидания! — Карасаева подала руку.

— Подожди. Разговор не кончен,— удержал ее Новосельский.— Хотя поездка предстоит не в пустыню и не в дебри тайги, тебе понадобится помощь. Побывай у профессора Дольца. Я с ним познакомился на конгрессе. Это выдающийся астроном, честнейший человек, мы с ним подружились. Я поговорю по телефону, он окажет содействие.

— Спасибо. Я непременно повидаю профессора.

Карасаева вышла из кабинета.

* *
*

В городе кончалось утро. Хотя было только десять часов, уже наступила дневная жара.

Нужно было собраться с мыслями. Инга Михайловна миновала высокие жилые корпуса, перед ней раскинулся огромный парк — дубы вперемежку с березами и тополями.

Узкий белый луч, вырвавшись из центра парка, косо взлетал в небо, на сузившемся конце его рдела рубиновая звезда-ракета. Это был памятник погибшему космонавту Стебелькову. Впечатление от памятника меняется, если смотреть на него из окна троллейбуса, который делает вокруг парка кольцо. От ракеты рубиновый свет стекает по многочисленным граням луча, вспыхивает всеми цветами радуги: луч будто вздрагивает, свет пульсирует в нем, и думается, что рубиновая ракета вот-вот оторвет от земли свой огненный хвост и унесется ввысь.

Инга вошла в тень деревьев. Сразу стало прохладней, легкий ветерок чувствовался в узких густых аллеях.

Прямая дорожка с астрами по краям вела к основанию памятника, тут лежали свежие цветы. Памятник был сделан из полупрозрачного белого сплава — множество длинных полос, соединенных ребрами. На высоте человеческого роста — строгие, глубоко высеченные буквы: «Через тернии — к звездам», а ниже—«Стебельков Николай Алексеевич».

2

...Это произошло семнадцать лет назад.

Была теплая июньская ночь. В небе настороженно мигали звезды и холодно светился полудиск Луны. Мир знал уже много имен советских космонавтов, летавших вокруг Земли, затем вокруг Луны и делавших там посадку, и эта ночь была бы обычной в истории завоевания космоса, если бы полет Стебелькова прошел благополучно. Однако случилось несчастье. Вначале все шло хорошо. Стебельков сообщал о хорошем самочувствии и об отличной работе двигателей и бортовой аппаратуры.

«Лечу по круговой орбите»,— радировал Стебельков. А через несколько минут: «Скорость минимальная. Иду на посадку в районе Цирка Архимеда. Включаю тормозные двигатели».

Затем — тишина. Непривычное, после длительной непрерывной связи с космическим кораблем, жуткое молчание. Что это — авария при посадке? Или та же история, что неоднократно повторялась при испытательных полетах без экипажа — как только ракета приближалась к Луне, сигналы передатчика слабели?.. Да, слабели, но не пропадали совсем.

Корабль Стебелькова молчал. Всего несколько минут нужны на его посадку, и эти минуты, тягостные, как сама неизвестность, истекли. Значит...

Мысль о катастрофе была горькой и обидной. Но, возможно, это еще не конец?

После длительного молчания радиостанция космического корабля ожила. Стебельков передал несколько фраз, разорванных, с пропуском целых слов:

«...желтое облако... рушение... ла... коем случае нельзя... айте»

И все. Радиопередатчик корабля замолк. Сколько ни ждали от Стебелькова хоть звука, сколько ни отыскивали его позывные,— не был зарегистрирован ни один сигнал. Надежды не оставалось. Это был конец.

В комитете космонавтики не верили в случайность. Постоянных метеорных потоков в июне обычно не бывает, столкновение с крупным метеором — исключение. Корабль

новой конструкции был в совершенстве отработан на посадку. Но что же произошло? Что это за таинственное «желтое облако»? Никогда не отмечалось возле Луны ничего подобного. Неполные слова радиограммы «...рушение ...ла» можно было принять за «разрушение сопла ракеты». Но это маловероятное обстоятельство не могло привести к катастрофе, потому что корабль уже шел на посадку и работали одни тормозные двигатели.

Пожалуй, не вызвал разночтений только конец радиограммы. Это было предупреждение Стебелькова: «Сюда лететь ни в коем случае нельзя». А последнее слово означало: «Прощайте!»

Старт другим кораблям был отменен. На Луну послали ракету, которая должна была сбросить в тот же район контейнер с продовольствием и запасом кислорода. Попало ли все это по назначению — проследить не удалось. Судьба Стебелькова оставалась неизвестной.

Спустя полмесяца на Луну рискнул полететь Дин Руис. Он благополучно прилунился, но не вернулся на Землю, погиб при загадочных обстоятельствах.

А потом зловещая тень войны легла на землю, и людям стало не до космоса...

Но тень прошла, гроза не разразилась. Взоры людей снова обратились к планетам и звездам. Были предприняты новые экспедиции на Луну, найдены там сброшенные контейнеры с продовольствием и кислородом, но никаких следов Стебелькова и Руиса обнаружить не удалось. Если предположить, что корабль Стебелькова был поврежден метеором и ушел мимо Луны в космическое пространство, то ракета Руиса побывала на Луне. Куда же она девалась? Одно стало ясно: непосредственно на Луне никакой катастрофы не произошло. «Желтое облако» осталось тайной космического пространства.

...Говорят, что этот памятник слишком красив как памятник. Но таким он и должен быть. Он не гасит мечту человека — проложить дорогу дальше в космос, к звездам,— и в то же время напоминает о терниях на этом трудном пути.

Инга Михайловна долго стояла у памятника, думая о разговоре с Новосельским, о своей поездке. Громкий

разговор вывел ее из задумчивости. Молодой русский парень рассказывал группе негров о Стебелькове. Он знал только то, что было известно из печати.

Инга слушала экскурсовода и думала о том, что она знает куда больше о Стебелькове. Инга знала Стебелькова.

Они жили в одном доме. Их квартиры были напротив, через площадку. Отец Стебелькова погиб в годы войны. Мать Николая — Анна Симоновна тоже была на фронте, служила в штабе переводчицей, после войны поступила в институт иностранных языков и кроме немецкого изучила английский язык. Она преподавала английский язык в той же школе, где училась Инга. Мать Инги — актриса — в те годы еще не ушла из театра, но выступала на сцене редко. Матери дружили, Николай Стебельков тоже заходил к Карасаевым и играл с маленькой Ингой в лото с картинками. Потом он стал показываться реже и реже, а однажды появился в форме военного летчика.

В четырнадцать лет Инга узнала, что Стебельков — будущий космонавт. Как-то он приехал в отпуск. Теперь Инга стала пристальней смотреть на него: что-то необыкновенное хотелось увидеть в Стебелькове, но он был все такой же скуластенький, с узким подбородком, курносый, с белыми бровями и с плохо причесанными волосами — на затылке торчал смешной упрямый вихор. Этот вихор казался особенно смешным потому, что на Стебелькове была аккуратно пригнанная военная форма.

Однажды весной Инга сидела и готовила уроки, а в соседней комнате разговаривали две матери. Пришел Стебельков. Мать Инги спросила, скоро ли он полетит в космос. Николай ответил: скоро. Анна Симоновна вздохнула. Инга оставила учебник и вышла к ним.

На этажерке стоял глиняный филин; искусно раскрашенный, ушастый, с светящимися глазами, он был как живой. Николай подошел к филину и опустил монетку в щелку на голове между ушами — огненные глаза на мгновение потухли и снова засияли.

— Зачем вы?..— спросила Инга.

— Это же копилка,— сказал Николай.

— Какое нехорошее слово! — Инга смутилась и, словно оправдываясь, стала рассказывать — который раз! — о том, как оказался у нее этот филин.

Отмечался ее день рождения — ей исполнилось восемь

лет. Пришли подруги из класса, некоторые с родителями, пили чай. Подарки, в коробках и завернутые в бумагу, складывались в комнате Инги. Ей тогда очень хотелось сразу же посмотреть, кто что принес, но мать сказала, что так поступать нехорошо. Тогда и появился у нее вот этот филин. На шее у него висела бумажка, на которой было написано: «Вскрыть через десять лет в такой же торжественный день». Инге понравилось, как филин мигает глазами, и она опускала в него монетки, но после она поняла, что копить деньги вообще нехорошо, и филин остался как памятный подарок, глаза его уже не моргали. Инга так и не узнала, кто его подарил.

— Глупый подарок,— сказал Стебельков, отходя.

Инга вернулась в свою комнату, Николай еще какое-то время оставался и потом ушел вместе с матерью. На другой день он заглянул проститься перед отъездом, и Инга больше не видела его.

Когда случилось несчастье, Анну Симоновну увезли в больницу. Мать Инги не позволяла включать радио, и в квартире было тихо и немного страшно. Инга не хотела верить, что Стебельков погиб. Все космонавты улетали и возвращались невредимыми, счастливыми, прославленными. Почему же несчастье должно было случиться с человеком, которого она хорошо знала? Неужели она и все, кто жил рядом с Николаем, такие несчастливые? И теперь виноваты перед ним? Нет, нет, нельзя верить... О нем надо думать, ждать его, надеяться увидеть. Ведь совсем не случайно он жил рядом.

Но годы шли, сглаживая остроту переживаний. Инга мало видела Анну Симоновну: несчастная мать, пережив потрясение, редко выходила из квартиры. Однажды — это было когда Инга заканчивала среднюю школу,— они столкнулись на лестничной площадке. Анна Симоновна долго с удивлением смотрела на нее.

— Какая ты стала красавица! — сказала Анна Симоновна со вздохом, и снова Инга почувствовала себя в чем-то виноватой...

Перед отъездом в университет Инга разбирала свои вещи и нечаянно задела филина. Он упал, раскололся на черепки. Звякнули и раскатились в разные стороны монеты, Инга не обратила на них внимания. Она увидела сложенную вчетверо маленькую бумажку. Развернула ее и прочитала:

«Маленькая Инга, дружок мой!

Когда тебе исполнится восемнадцать лет и ты в день рождения разобьешь эту глиняную птицу, меня дома может не оказаться. К тому времени я полечу уже не на Луну, а куда-нибудь подальше и на много лет. Я знаю, какой ты будешь тогда. Мне очень захочется увидеть тебя, и ты верь, всегда верь, что я вернусь.

Николай Стебельков».

Записка была незаметно опущена в тот день, когда Николай заходил прощаться,— на ней стояла дата. Инга не отмечала свое восемнадцатилетие и не думала о филине. Сейчас она вспомнила, как будучи подростком не хотела верить в гибель Стебелькова, но как ей теперь, уже взрослой, когда прошло четыре года и Стебелькову поставлен памятник, отнестись к этой записке? Может быть, только ей одной он и написал: «Верь, всегда верь»? Можно ли сказать себе: «Не верю»? Ведь была дружба, она обязывает верить всегда.

В университете она избрала своей специальностью метеоритику. Метеориты — единственные вещества космического происхождения, попадающие на землю, они несут с собой много загадок, их надо уметь читать и думать, думать...

Инга отыскала старые газеты и журналы. В них были напечатаны сообщения Комитета космонавтики, помещены фотографии Стебелькова, статьи специалистов. Много тогда писалось и о Дине Руисе: «Цель полета Руиса — установить рекорд», «Дин Руис летит один — больше комфорта, меньше научного груза», «Руис застраховал свою жизнь в миллион долларов», «Руис обещает разыскать следы русского космонавта», «Руис водрузил государственный флаг на Луне».

В газетах не было официального правительственного сообщения о гибели Стебелькова. Последующие поиски в архивах показали, что Комитет космонавтики не утверждал этого факта. Значит, у него не было достоверных данных. И тогда-то утвердилось обнадеживающее сомнение...

Инга Михайловна смотрела на памятник и думала: «Семнадцать лет прошло, а я все еще надеюсь. Анна Си-

моновиа умерла с иадеждой и верой, что сын ее не погиб. Осталась я — едииствеииый человек, который приходит сюда с пустыми руками. Ведь только на могилу и к подиожию памятника кладут цветы».

Оиа посмотрела еще раз иа прорисоваииые золотом букеты и повериулась, чтобы идти — пора собираться в дорогу. И задержалась. Среди экскурсаитов возник оживленный разговор, часто повторялось: «Руис, Руис».

По узкой дорожке к памятиику шел высокий старик с иепокрытой головой, ои тоже нес цветы. Этому человеку было ие меиее семидесяти лет, но у него еще что-то оставалось от военной выправки. Подбородок был гордо поднят, губы сжаты, брови опущеиы. Белые, как иией, короткие волосы расчесаиы на пробор. Его сопровождала группа молодых людей, среди них были фотографы.

— Это Пат Руис, отец Дина Руиса,— услышала Инга Михайловна.

— Бывший геиерал.

— Бывший миллиоиер.

— Бывший президеит «Атлаитик-компаии».

Пат Руис подошел к постамеиту и бережио положил цветы. Фотографы щелкиули аппаратами. Руису подали в руки черную чашечку микрофона.

Кто бы ни был этот бывший, но ои потерял сына. Дин Руис после иеудачиого полета Стебелькова решился иа героический подвиг. Ои хотел помочь русскому и погиб. Отец такого сына заслуживал почтительиого уважения.

— Дорогие мои соотечествеииики, я иадеюсь, вы слышите мой голос,— скорбио заговорил Пат Руис, не поднимая глаз. Солице кропило его седую голову золотыми брызгами лучей.— Я приехал в великую страиу и сейчас стою перед памятииком иемеркнущей славы. Преклоияюсь перед именем того, кто погиб далеко от Земли, но оставил память о себе здесь.

Ои вскииул голову и опустил дрожащие веки; лицо покрылось горькими морщииками. Экскурсаиты слушали его молча, с почтительностью людей, которым еще ие довелось совершить никакого подвига, достойного славы.

— В свое время я шел иеправильной дорогой, но я стряхнул с себя все старое,— продолжал Руис жестким голосом.— Новое правительство моей страны простило мие ошибки. Я переродился духовно и рад, что вижу иад землей мирное иебо. Ныне иароды ие разделяет вражда.

Это я чувствую сам, потому что меня встретили здесь по-братски. Спасибо вам, советские люди!

И снова его голос обрел скорбный оттенок.

— Сейчас, когда я стою перед этим памятником, мысли о смерти невольно тревожат мою душу. Но мне не страшно умереть. Мне было бы совсем не страшно умереть, и я посчитал бы, что выполнил до конца свой земной долг, если бы увидел на этом памятнике рядом с славным русским именем имя и своего сына. Он заслужил этого. В моей стране тоже будет воздвигнут такой памятник, и на нем напишут два имени. Да, я могу гордиться своим сыном, он видел дальше меня и совершил свой подвиг во имя науки, во имя мира. Он — и ваша гордость, дорогие советские люди.

Руис кончил говорить, и корреспонденты стали задавать вопросы. Он отвечал кратко.

— Из Советского Союза вы вернетесь на родину?

— Да, только не сразу. Сейчас я еду лечиться, мне нужен альпийский воздух.

— Почему непременно альпийский?

Руис нахмурился. Видно, ему не хотелось слышать вопросов, не связанных с его выступлением перед этим памятником.

— Там у меня знакомые врачи.

Он отдал микрофон, поклонился подножию памятника и пошел по аллее, величественный и строгий.

Корреспонденты оживленной толпой двинулись к выходу из парка. Они громко говорили.

— Вы, Лео, напрасно донимали старика неуместными вопросами.

— Нисколько. О Руисе я должен знать больше, чем вы. На то у меня есть моральное право. Мне известно, к какому врачу поедет Руис. Он едет к Шкубину. А Шкубин...

Инга посмотрела на часы и заторопилась домой: пора было собираться на аэродром.

3

В швейцарский курортный город Инга Михайловна приехала утром и остановилась в отеле «Эдсльвейс». Она позвонила профессору Дольцу и спустя час уже подходила к узкому двухэтажному домику с крутой черепичной

крышей. От дома навстречу ей шел высокий мужчина лет тридцати. Лицо его показалось знакомым Инге: совсем недавно она видела этого человека с пышной шапкой кудрей на голове. Поравнявшись, мужчина внимательно посмотрел на нее. Инга прошла мимо.

У профессора Дольца, известного швейцарского астронома, она пробыла недолго. И когда вышла, кучерявый стоял на прежнем месте и крутил на указательном пальце белую цепочку, вероятно, с ключом от машины.

— Вы Лео Киджи? — спросила Инга Михайловна.

— К вашим услугам,— курчавая голова отвесила поклон.— Здравствуйте! Когда вы звонили профессору, я сидел в его кабинете. Он предложил... Впрочем, я сам навязался к вам в помощники.

Профессор Дольц сказал, что он послал всех своих сотрудников на поиски метеорита. Дольц настойчиво рекомендовал «фройляйн» хорошо знакомого, честного корреспондента, любителя астрономии Лео Киджи — он только что приехал и взял машину напрокат. О, это порядочный человек, хорошо знающий всю местность вокруг, и он, Дольц, будет спокоен за «фройляйн» и очень доволен, что честно выполнит просьбу своего друга профессора Новосельского. Инга вынуждена была согласиться.

— Уважаемая Инга Михайловна, что же мы стоим?— сказал Киджи, поигрывая цепочкой.

— Отбросьте первое слово. Называйте впредь меня просто по имени и отчеству.

— Пожалуйста. А меня называйте просто Лео.

— Договорились.

Машина стояла за цветочной оградой. Они сели рядом. Киджи взялся за руль.

— Куда?

Карасаева развернула карту.

— Вот! — она показала маршрут на север от гор, по желтому плато к зеленой долине реки.

— А сотрудники профессора отправились в горы,— сообщил Киджи.

Работать вместе нельзя без доверия друг к другу, и ей первой следовало проявить эту доверчивость.

Инга провела пальцем по белой кромке карты — там наспех были сделаны крохотные чертежи и нанесены колонки цифр.

— Видите? Это мои расчеты. Предположим, что от болида, который сверкнул молнией высоко в небе, отломился кусочек, тогда он должен был лететь в том же направлении и скорее всего сгорел бы так же, как болид. Зачем нам ехать в горы? Там работают сотрудники профессора Дольца — сил достаточно и без нас. Но не только по этой причине мы поедем на север. Есть другое предположение: этот кусочек — не однородный материал, вкрапленный в болид, он, должно быть, очень легкий, поэтому и путь метеорита к земле иной. Известны направление и скорость ветра в тот день и час. По расчетам получается, что метеорит долетел вот досюда,— Инга Михайловна ногтем мизинца показала на зеленую пойму реки.— Но он не упал.

— Это очень интересно,— Киджи нагнулся над картой.— Я не могу сказать о вашем предположении ничего другого, как только то, что оно интересное и смелое.

— Тут есть одна странность,— объяснила Инга,— и вы, пожалуйста, не смейтесь, если это покажется вам глупым. Посмотрите грубую схему полета болида. Линия до сих пор, включая изгиб над горами и горизонталь над городом, вычерчена по данным нашей радиолокационной станции и дальше, за неимением их, продолжена по моим вычислениям. Видите, этой горизонтали не было бы конца. Обратите внимание на волнообразность линии. Это наталкивает на мысль, что метеорит очень легкий, его несло низко над землей течением воздуха, больше того, он растворился в воздухе.

— Это действительно странно,— откинул голову Киджи.

— Я говорю, может быть, немыслимые вещи. Он растаял, словно облачко, и этого не могла отметить никакая радиолокационная станция.

— Значит, едем на север? — задумчиво спросил Киджи.

— Да.

В городе большинство жителей были немецкие швейцарцы, что накладывало на него определенный отпечаток. Инга видела островерхие крыши домов, попадались кирхи, старинные замки с квадратными башнями и рыцарские дома с мансардами и застекленными балкончиками, похожими на большие фонари.

Киджи знал город, знал дорогу и прибавил скорости.

— А может, никакого болида и не было,— сказал Киджи и рассмеялся.

— В 1751 году недалеко от этих мест упал метеорит. Венский профессор Штютц спустя почти двадцать лет сказал об этом примерно так: можно себе представить, что в 1751 году даже самые просвещенные люди могли поверить в падение куска железа с неба,— смотрите, насколько слабы были тогда их познания в естественных науках...

Киджи улыбнулся.

— Вы, оказывается, самолюбивы.

— То был все-таки профессор,— продолжала Инга.— После его авторитетного слова во многих музеях метеориты были убраны из коллекций, из опасения сделать музеи посмешищем.

Киджи в смущении покрутил головой.

— Прошу прощения, Инга Михайловна. Я верю вам.

— Хорошо. Однако слушайте, что было дальше. Вскоре после очистки музеев от компрометирующих их камней и кусков железа во Франции около города Жюллен упал метеорит, и это видели многие. Мэр города, чтобы не показаться глупцом, составил протокол об этом событии, который подписали сотни очевидцев, и послал в академию.

— После этого ученые, конечно, поверили.

— Ничего подобного. Референт академии сказал: можно только пожалеть общину, во главе которой стоит мэр, столь глупый, что верит в сказки о метеоритах.

Киджи расхохотался.

— А один из академиков, Делюк, сказал: если даже такой камень упадет у меня перед ногами и я вынужден буду признать, что я его видел, я добавлю, что поверить в это не могу. А другой академик, Фоден, заметил, что подобные вещи лучше отрицать, чем опускаться до попыток объяснить их. Вот так...

— Но, Инга Михайловна, вы же сами говорили, что здесь было что-то непохожее на болид. Облачко, туманность...

— Но что-то было,— сказала задумчиво Инга.— Мы должны установить, что именно, и уж конечно не побоимся опуститься до попыток объяснить это явление.

Город остался позади. Машина выехала на широкое плато.

День был ясный — яркий августовский день с густым наливом летних красок, которые, однако, стали заметно выцветать. Деревья на обочинах дороги были темно-зелеными и немного поседевшими от пыли. Травы сохли, желтели, напоминая о приближающейся осени.

Киджи приоткрыл боковые стекла, и свежий ветер заметался в машине. Инга, подняв обнаженные руки, придерживала волосы и с грустной мечтательной улыбкой смотрела на открывающуюся перед ней даль.

— Простите, Инга Михайловна, вы не скажете, где мы встречались? Память на лица у меня неплохая, тем более...

— У памятника космонавту.

— Неужели! Но тогда понятно. Меня очень занимал Пат Руис.

— Я это заметила.

— Откровенно сказать, отчасти из-за него я поспешил сюда. Но он еще не появился. У меня есть, в связи с этим болидом, задание от редакции, и я в вашем распоряжении.

Инга не стала спрашивать, какая причина заставляет Киджи преследовать Руиса. Пусть сам скажет. Доверие обязывает. Она без просьбы высказала свое предположение насчет метеорита. Теперь его очередь.

Но Киджи молчал.

Они миновали кукурузные поля, мелкие участки пшеницы. Останавливаться здесь не имело смысла. Всюду работали крестьяне, каждый на своем клочке земли.

Машина свернула с шоссе и по песчаной дороге спустилась в пойму реки. Инга свернула карту. Киджи остановил машину и открыл дверцу — сразу же нахлынула жара.

Когда Карасаева производила расчеты, она мало думала о местности. Ей всегда было все равно — тайга это или пустыня. Выработалась привычка к огромным пространствам, они увлекали и таили неожиданности. Там действительно надо искать.

Здесь было совсем другое. Где тут искать? На участках пшеницы и кукурузы, среди огородов? Какой хозяин

разрешит топтать хлеб и траву! Тут все расчищено и разделано до последнего клочка. Посевы застрахованы. Если бы упал метеорит, хозяин сразу бы заявил об этом, рассчитывая на страховое вознаграждение.

Оставалась надежда только на пойму реки. Тут было пустынно. Луга выкошены, отросла отава.

Они тихо поехали к реке. Берега и дно ее были сплошь усеяны камнями, крупными и мелкими, черными, белыми и серыми. Найди среди них небесный камень, если он упал! Вода неслась стремительно, перекатами, с грохотом и шумом, как и во всякой реке, берущей начало в горах.

Киджи повел машину берегом. Они увидели старика немца, в помятой черной шляпе, с мотком веревки на плече, и остановились. Старик смотрел то на лошадь, запряженную в длинную телегу с деревянными перильцами, то на небольшую скирду сена, как бы оценивая свои возможности одному управиться с делом. Это был хвост истории, протащившийся почти до конца двадцатого века.

Инга заговорила со стариком о событии, случившемся позавчера ночью.

Да, он видел падающую звезду. Она сверкнула молнией, и свет был такой, что несколько секунд горы были освещены сиянием — словно луна вдруг сорвалась с неба и полетела на землю. Звезда беззвучно ударилась о горы, покрытые тучами, и из них вылетел светлый круг, он много медленнее пролетел над городом и погас. Это плохая примета. Такой величины падающая звезда, породившая другой свет, предвещает смерть не одному человеку...

Не упало ли что на этих лугах? Нет-нет. Он вчера работал здесь, возил сено, ничего не заметил и не слышал никакого разговора. Молодые люди, несомненно, богаты, у них праздный интерес к этому. Он не разрешает ездить по лугу и мять траву, на то есть дорога.

Киджи повел машину дальше берегом реки, наткнулся на тропинку и повернул в сторону шоссе. Всюду была теснота — злаки, фермы, дороги, столбики, отграничивающие земельные участки,— а за всем этим были люди — и казалось, что незаметно упасть небесному телу просто некуда. Киджи сворачивал на еле заметные колеи, в которых еще не поднялась примятая трава, и они изъездили так всю пойму реки.

— Надо отдохнуть и подумать, что делать дальше,— сказал Киджи.

Он остановил машину на высоком берегу реки. Тут обдувало ветерком и было не так жарко.

Киджи вытащил из машины коврик и раскинул на траве. Потом достал лимонад, шипучий, как шампанское, и, откупорив, опустил в бутылки по кусочку шоколада. Шоколад стал медленно кружиться, вокруг него роем вспыхивали искры.

— Кроме расчетов мне говорит чувство: я не должна ошибиться.— Инга, подобрав платье, опустилась на колени.

— Как это ни странно, однако и у меня есть предчувствие,— сказал Киджи, подавая ей бутылку.— Пейте прямо из горлышка, не стесняйтесь. Сдается мне, что наш совместный путь лежит много дальше этой реки, но нас постигнет неудача, если мы не станем откровенны во всем. Я сказал, что примчался сюда вслед за Руисом, и должен кое-что объяснить. Вам не попадался журнал «Космос» с моей статьей?

— Нет. Там одна фантастика, впрочем я люблю ее.

— Мне нельзя фантазировать. Хотите почитать? Я взял этот журнал с собой на тот случай, если придется разговаривать с Патом Руисом.

Киджи пошел к машине, достал журнал с цветной обложкой, развернул его и подал Инге Михайловне. Она увидела заголовок «Это еще не все»... и стала читать.

«Мне было одиннадцать лет, когда умер мой отец, и я хорошо помню его худое лицо и ласковые гибкие пальцы. Отец работал у мистера Руиса, он был его личным радистом. Я знал, что Пат Руис был очень богат, он имел собственную радиостанцию, чтобы разговаривать со всеми заводами и фирмами, которые были у него в разных странах. Конечно, он без моего отца ничего не мог бы сделать — я так понимал,— потому что мой отец был главным на этой радиостанции.

Однажды отец сказал, что он может разговаривать даже с Луной. Это было тогда, когда сын Руиса — Дин Руис полетел на Луну и погиб там, об этом все знали. Мать сразу же оборвала отца:

— Довольно, Ген. Если хоть одно слово дойдет до мистера Руиса, он немедленно лишит тебя работы.

Отец засмеялся:

— Как же оно дойдет? Не через тебя ли? А Лео у нас умница, он будет молчать.

Мать рассердилась и ушла на кухню.

Умницей я не был. Но я понимал, что значит потерять отцу работу. Когда он получал деньги, то приходил домой веселый, и мать была довольна всем. Работу и деньги давал мистер Руис,— значит, он был добрый, хороший человек, наше счастье зависело от него. Но упоминание о Луне, с которой может разговаривать мой отец, вытеснило из моей головы эти зачатки экономических познаний.

Отец уходил на работу утром и возвращался к вечеру, потом он стал уходить вечером, и я не знал, когда он возвращался. Но я догадывался, что по ночам он разговаривает с Луной, потому что Луна появляется только ночью и тогда лучше разговаривать с ней, и однажды прямо сказал об этом за столом. Мать почему-то испугалась и выронила из рук тарелку, а отец рассмеялся, провел пальцем под моим носом и потом нажал на него, как на звонок.

— Тр-р-р! Мистера Киджи-младшего ждут тетрадки и учебник. Садись за уроки, малыш!

Я решил изменить тактику и все-таки выведать у отца секреты про Луну. Я не спал ночь, поджидая, когда он вернется с работы. Отец пришел на рассвете. Он не стал тревожить мать и открыл входную дверь своим ключом. Я вышел к нему и сказал, что не могу спать. Он поцеловал меня в лоб и повел к кровати.

— Расскажи сказку,— попросил я.

— Сказку? — Он сидел у моих ног.— Ты, Лео, уже не маленький.

— Я хочу знать про Луну. Что там есть и... про все.

Он пощекотал мне шею и сказал:

— Ты хитер, Лео. Но про Луну сказок нет.

— Раньше ты умел сам придумывать их,— капризничал я.— Расскажи.

— Ты настойчив, как корреспондент,— рассмеялся отец.— Боюсь, что, когда вырастешь, будешь корреспондентом. Ладно, сказку я тебе расскажу. А потом будешь спать.

— Хорошо.

— Слушай. Жил-был на свете очень богатый человек...

— Как мистер Руис?

— Да, как мистер Руис. Он имел заводы, корабли, всякие машины и миллионы долларов. Этого было мало. Ему хотелось, чтобы люди убивали друг друга. Для этого нужно оружие. И на его заводах делалось оружие, его покупали и платили дорого. И еще — когда люди, схватившись, дерутся, они забывают обо всем, что у них есть, кроме, может быть, своей жизни. В это время их легче ограбить, понимаешь?

— Это я понимаю, папа. У нас в школе подрались два мальчика. Они катались по полу, и у одного высыпались из кармана две монетки. Их кто-то подобрал. А они дрались из-за этих монет.

— Вот, вот! И еще задумал мистер Руис... Хм, как я сказал?

— Ты сказал, папа: «И еще задумал мистер Руис».

— Лео, я устал на работе у мистера Руиса, и неудивительно, что у меня путается в голове. Но сказку я закончу. Запомни — начатое дело надо всегда доводить до конца, в особенности, если ты дал слово. Так вот, задумал тот богатый человек присвоить себе Луну. Он хотел построить там дворцы и жить, когда на Земле начнется большая страшная война. Сначала он послал туда разведчика, чтобы он поставил на Луне столбик с надписью: «Луна принадлежит моему хозяину...» И подпись. Разведчик полетел на Луну в космическом корабле, и что же он увидел? Луна была занята людьми с другой планеты, они построили там себе прочный светлый дворец и занимались наукой.

Отец рассказывал долго, все про ученых — для меня это было неинтересно. Я заснул.

Когда я проснулся, отца не было. Я вспомнил его сказку и подумал, что это еще не все — отец вернется, и я попрошу рассказать сказку до конца.

Отца я больше не увидел. Утром его срочно вызвали на радиостанцию, он так и не ложился спать. Говорили, что его убило током. От мистера Руиса принесли конверт с деньгами и письмом, в котором было написано, что мой отец допустил какую-то оплошность на работе. Мать плакала и твердила «не верю». После похорон отца она сказала мне:

— Хоть бы ты, Лео, вырастал скорее...

Она хотела, чтобы я скорее стал работать,— так я подумал и ошибся тогда. Мистер Руис продолжал посылать нам деньги, так что мы особенно не нуждались, но я со временем все больше удивлялся: зачем он это делает, не хочет ли загладить свою вину?

Мать не дождалась увидеть меня большим и здоровым, она умерла. Перед смертью она сказала мне:

— Запомни, Лео,— отец твой погиб не случайно, он не мог допустить оплошности. То, что сказал мистер Руис, это еще не все... Вырастешь большой, заклинаю тебя: узнай, как это случилось...

С тех пор прошло много лет, но я до сих пор ничего не могу сказать в свое утешение: я не выполнил завещания матери. Я знаю одно: мой отец погиб вслед за катастрофой, случившейся с космическим кораблем Дина Руиса, а до этого была еще трагедия — Стебельков...

Я часто повторяю себе: факт — это еще не все. Я ищу связь фактов и их причины. И до самой смерти буду искать ответ на вопрос: как это случилось и почему погиб мой отец?

В последнее время я узнал... Но об этом расскажу позже».

* *
*

Инга вернула журнал, подумав: «Да, наши пути, кажется, совпадают».

— Я уверен, что моего отца погубил Руис,— твердо сказал Киджи.— Статья содержит прямой намек на это, хотя и не доказывает его вину. Вы видите, Инга Михайловна, чем может это кончиться: либо я до конца разоблачу Руиса, либо прослыву человеком весьма легкомысленным, и Руис, если начнет против меня процесс за оскорбление в печати, выиграет его.

— Но в конце статьи содержится намек, что у вас есть дополнительные факты,— напомнила Инга.

— Я пока молчу об этом. Но вам — расскажу. В прошлом году я возвращался с Марса. Да, я там был и почти ничего не написал об этом. Все, что я видел, было описано раньше, но то, что я увидел... У меня пересохло горло. Ужасная жара! — он взял свою бутылку и отпил несколько глотков.

— Вы просто волнуетесь,— заметила Иига.

— Вероятио. Еще бы! Этого ие придумаешь. Вот как было дело. Мы возвращались иа Землю вдвоем — пилот и я. Полет длительиый, скучный. Мы подмеияли друг друга. Управление автоматическое, следи за приборами — и все. Впрочем, ие так-то просто, как на словах.

Короче говоря, иаступило время отдыхать пилоту, ои уснул — здоровый русский парень, красивый такой, и во сне как младеиец, мне просто жалко было будить его. А радар показывал, что впереди иеблагополучно. Крупиый метеорит! Приборы определили его траекторию: ои летел параллельно иашему кораблю, но с меиьшей скоростью. Это не грозило иам опасиостью, и я решил не тревожить командира корабля.

Сначала я увидел эту штуку иа переднем экране — темной точкой она ползла влево. Когда иаш корабль стал нагонять ее, она показалась иа боковом левом экране, хорошо видимая. Представьте себе, Инга Михайловна, большую сигару, которая, падая, лениво и беспорядочио кувыркается, и скажите, может ли быть такой формы метеор?

— Нет! — торопливо ответила Иига.— Скажите, Киджи, это была ракета, да?

— Что с вами, Инга Михайловиа? — удивился Киджи.— Вы побледнели, это видно даже сквозь загар.

— Ответьте же, это была ракета?

— Да.

— Ну и что?.. Рассказывайте!

— Я пожалел, что не разбудил командира корабля. За одну минуту, пока она была близко, нужно было успеть сделать миогое. Я щелкиул фотоаппаратом, потом сигналил ей, вызывал по радио — иикакого ответа. Она перешла иа задиий экраи, превратилась в точку и стала отклоняться. Она летела по орбите вокруг Солнца.

— Но ведь это же...— Иига не закончила мысль, и не потому, что она была сильио взволиована.— В ией, вероятно, находился человек!

— Это был «Сириус», Инга Михайловна. Корабль Дииа Руиса.

— Вы уверены?

— Я сфотографировал его. Взгляните на сиимок.— Киджи достал фотокарточку из виутреинего кармана своей спортивиой куртки.

Инга хорошо помнила по фотографиям в старых газетах и журналах советский космический корабль, который не вернулся на Землю. Этот, на снимке Киджи, отличался от корабля Стебелькова формой, особенно в носовой части, и имел стабилизаторы в виде треугольников.

— Да, это «Сириус»,— сказала Инга, возвращая фотографию.

— «Сириус» перед полетом Руиса был так разрекламирован, что найти на Земле его снимок было нетрудно. Я сличил фотографии. Это он!

— И вы ни слова не написали об этом!

— Нет. Не написал и пока не напишу,— сказал Киджи, отведя в сторону темные глаза, в которых мелькнул недобрый рыжий огонек.

— Вы — индивидуалист,— упрекнула Инга.

— Может быть. Но в этом деле я иначе поступить не могу. Я не хочу сыграть на руку Руису. Если бы я сказал о «Сириусе» хоть слово в печати или по радио, он использовал бы его в своих целях: мой сын — борец за прогресс, рискнул полететь на помощь русскому парню и стал вечным спутником Солнца! Не верю, не могу и имею на это моральное право. Я однажды поспешил опубликовать статью,— Киджи показал рукой на журнал «Космос», лежавший у ног,— теперь спешить не буду. Семнадцать лет «Сириус» летает по орбите вокруг Солнца, теперь уже ничто не поможет Дину Руису, об этом и думать нечего... Найти «Сириус» в космосе невозможно, вторая случайная встреча мало вероятна. Я подожду публиковать этот снимок. Прошло семнадцать лет, пусть пройдет еще семь или семнадцать дней — это теперь дела не меняет. Пожалуй, меня легкомысленным не назовешь, правда?

— Да,— сказала Инга и добавила,— но, может быть, немножко жестоким.

— Этого я не боюсь, это мою совесть не потревожит. И тогда,— Киджи снова показал на журнал,— я не мог поступить без оснований. Но скоро я доведу начатое дело до конца — это мой святой долг. Руис едет к Шкубину не лечиться, их связывает давняя дружба. Я должен узнать, зачем понадобилась столь неотложная встреча.

Киджи взял пустые бутылки и одну за другой швырнул их в реку, первая ударилась о камень и разбилась, вторая, подпрыгивая, понеслась в бурном течении. Инга

смотрела вдоль реки. Много интересного узнала она от Киджи. Пожалуй, он скорее добьется своей цели: из космоса ему ждать нечего, земные загадки разгадывать легче...

— Кто-то, как и мы, не знал, что тут делать, и разжег костер,— медленно проговорила Инга.

— Костер? Не может быть!

— Куча золы. Это было вечером или ночью...

Киджи встал рядом с ней. Шагах в пятидесяти на берегу среди зеленого разлива травы виднелось большое серое пятно.

— Очень похоже на золу, но... Дело в том, Инга Михайловна, что вы опять забыли, где находитесь. Крестьянин — хозяйчик этого луга — не позволит никому разжигать тут костер и уничтожать траву.

Они пошли прямо по траве, не думая о том, что скажет им хозяин луга.

Это была зола. Но откуда она взялась? Трава под ней не обгорела — костер тут не разжигали. Осмотревшись вокруг, Инга заметила, что в некоторых местах трава была припудрена такой же золой или пылью. Тонкий серый слой тянулся полосой к реке, и разноцветные камни в этой полосе словно поседели. А рядом, на перекатах бурлила вода, омывая камни, и они были чистые, смеющиеся. И за речкой, на том берегу, они блестели, смоченные брызгами,— белые, черные, оранжевые, синие, всех красок и оттенков.

— Послушайте, Лео,— обратилась Инга к своему спутнику.— Я согласна, что здешний крестьянин не разрешит раскладывать костер на своем участке земли и уничтожать траву. Но будет ли он сам носить сюда из дома золу и рассыпать вдоль берега? Видите, часть ворохом лежит на траве, часть рассеяна по камням.

— И это невероятно,— сказал Киджи.— Но почему именно зола! Это просто пыль.

— Дождя в этих местах давно не было?

— Давно. Вы видели по дороге деревья — они серые от пыли. Здесь, вблизи гор, часто вспыхивают ветровые вихри, они поднимают столбы пыли.

— Вы меня разочаровываете,— сказала Инга с сожалением.

— Ученые утверждают,— усмехнулся Киджи,— что в каждом кубическом сантиметре воздуха содержится до

тысячи пылинок, и человек вдыхает их за сутки до шести миллиардов. Это ужасно!

— Ученые утверждают также,—в тон ему сказала Инга,— что в образовании столь большого количества пыли повинны и сгорающие в воздухе метеориты. На землю каждые сутки падают десятки тонн метеорного вещества в виде отдельных метеоритов и космической пыли.

— Этого я никак не подозревал. Хотелось бы знать... Впрочем, лучше не заикаться, а то вы опять приведете какой-нибудь пример из истории.

— В таком случае, помогите мне собрать вот этой пыли по щепотке из разных мест, а я буду делать пакеты.

— С удовольствием,— сказал Киджи. Чувствовалось, что он разочарован. Еще бы! Он повидал в жизни многое, изъездил всю землю, недавно побывал на Луне и Марсе, видел в космосе «Сириус», а тут — пыль! Что она, даже метеорная, может доказать?

5

Это была не просто пыль и не зола.

На другой день Инга отправила фототелеграмму профессору Новосельскому. В ней говорилось:

«Уважаемый Евгений Викторович!

Как и следовало ожидать, здесь никакого метеорита не обнаружено, и вообще поиски его прекращены повсеместно: считают глупым искать кусок небесного тела под ногами — многим он представляется непременно золотым. И считают неправдоподобным, чтобы золото оставалось под ногами долго. Метеорит мог упасть только на территорию частного землепользования, и хозяин, отлично знающий свой участок, непременно заметил бы его. Он сразу же огородил бы его и выгодно продал или потребовал бы страховое вознаграждение за попорченный посев, покос и т. п. Но подобных претензий в местное страховое агентство не поступало.

Вывод: данные радиолокационной станции верны, метеорита нет.

Мы нашли нечто вроде золы, рассыпанной среди луга и по берегу реки. Она занимала довольно большую площадь, но в двух местах лежала кучно. Первый анализ, произведенный самим профессором Дольцем, показал, что это не зола. Совершенно ясно, что вдали от населен-

ных пунктов мы имели бы золу растительного топлива, однако в ней не оказалось ни малейшего присутствия калия, фосфора, кальция, магния или бора. Профессор не решился сказать что-то определенное, ссылаясь на отсутствие в своей лаборатории возможностей для более глубокого и разностороннего анализа. Он порекомендовал обратиться к другому ученому, который известен здесь больше как врач. Это — Валентин Юльевич Шкубин, отец его — выходец из России. В. Ю. Шкубин оказался любезен, он располагает большой собственной лабораторией с вполне современным оборудованием. Я задержусь здесь, чтобы выяснить, есть ли тут какая-нибудь связь с метеоритом.

Посылаю Вам почтой пять проб для анализа в лаборатории нашего института».

* *
*

Выйдя из почтамта, Инга долго и без всякой цели ходила по городу. Профессор Дольц звонил Шкубину, и доктор сказал, что будет свободен только в четыре часа. Сейчас было два часа.

Люди обгоняли ее на тротуаре, спешили по своим делам, по улице проносились машины — это мешало думать. Инга улавливала обрывки разговора. Она знала немецкий язык. Его основательно пришлось подучить в университете, чтобы прочитать в подлиннике книгу Э. Хладни «О происхождении найденной Палласом железной массы и других подобных ей масс». На самом деле этот железный метеорит был найден в Сибири учителем Медведевым, который показал неземное железо русскому академику П. С. Палласу. А чешский ученый Хладни описал это железо в своей книге, изданной на немецком языке в Риге в 1794 году. С тех пор и зародилась новая область науки — метеоритика. Не прочитав в подлиннике этой книги, нельзя с полным правом называться ученым-метеоритиком.

Инга вошла в сквер. Под деревьями стояли узкие скользкие скамейки. Свободных мест было много — в эти часы людям не до отдыха.

Пепельный след на траве, которая не обгорела,— кто его оставил?

В воздухе, которым мы дышим, есть удивительный

газ — аргон; его не много, и он словно бережет себя, не образует соединений, его атомы не улетают в межпланетное пространство. Бывает, аргон образуется при радиоактивном распаде калия в горных породах, но атомы его не гибнут. Следовательно одни и те же атомы аргона побывали в легких одного человека, другого, третьего, их вдыхали миллионы людей от первобытного общества и до наших дней.

«Я вдыхаю сейчас те же атомы аргона,— размышляла Инга,— которые побывали в легких у древних римлян, средневековых рыцарей, знаменитых поэтов и художников, у прототипов героинь и героев классических романов, которые мы и теперь читаем с таким волнением за их судьбы. Те же атомы аргона, которые сию секунду во мне, были «знакомы» с великими людьми, имена которых будут жить вечно, как и эти атомы. Если бы они были наделены хоть какой-то памятью, я узнала бы о великих людях что-то новое, что осталось для нас тайной. И конечно легко было бы узнать, кто оставил пепельный след.

Отдохнув, она пошла в отель. Киджи сидел в беседке, тут же лежали газеты и журналы. На них шевелились кружевные тени. Кто-то играл на рояле, звуки падали из открытого окна. Инга села рядом. Киджи заговорил первый.

— Мне не нравится ваш бывший соотечественник.

— Предубеждение,— сказала Инга.

— Нет. Есть поговорка: скажи, кто твой друг... Только не спешите обижаться — это не про вас. Повторяю, если Шкубин дружит с Руисом, это что-нибудь да значит. Мы говорим: победил мир, коммунизм — можно жить и работать спокойно. Но для меня судьба что-то оставила из прошлого. Я сегодня скучен для вас?

Он был явно озабочен, недоволен тем, что Инга намерена пойти к Шкубину.

Инга смотрела вверх, где сквозь листву вместе с солнечным светом струились звуки музыки.

— Мне неожиданно пришла в голову мысль, что необыкновенная зола — дело рук неземного человека.

— Неземного? — усмехнулся Киджи.— Можно подумать, чертовщина какая-то. След пепла из пекла...

— Каламбур неплох. Вы давно живете в нашей стране?

— Пять лет учебы в Москве, столько же работы кор-

респондентом, но с частыми поездками в другие страны.

— Немало. Пора забыть о чертовщине.

— Это к слову. Мне хорошо известно, что все, что есть на Земле хорошего и плохого,— все от человека, во всем заслуга или вина только его. Я вот, пока вы ходили на почту, тоже не бездельничал,— Киджи показал на газеты, тряхнул какой-то брошюркой.— Кое-что я знал о господине Шкубине и раньше, теперь знаю больше.

— Все равно, что бы вы ни рассказали о нем, это не повлияет на мое решение. Профессор Дольц живет пятнадцать лет здесь, и если он рекомендовал пойти к Шкубину...

Киджи вскочил, глаза его горели.

— Поверьте же и мне хоть немного. Я беспокоюсь за вас. Вы делаете, может быть, непоправимый шаг.

— И все-таки я пойду. Это нужно, поймите — необходимо, и тут нет ничего опасного. Зачем сердиться из-за пустяков.

— Пустяки? В таком случае, наша... совместная работа кончилась,— Киджи встал.

— Подождите, Лео, не уходите.

Киджи достал из кармана блокнот, вырвал из него несколько листков и протянул их Инге.

— Прочитайте. Здесь сказано, кто такой Шкубин и что такое «Орден крови из ран Христовых», в котором скрывается ваш бывший соотечественник.

Инга взяла листки. Киджи отвесил поклон и скрылся, свернув на улицу.

«ОРДЕН КРОВИ ИЗ РАН ХРИСТОВЫХ»

1

Когда-то жил в Сибири человек по прозванию Юлий Цезарь. Цезарем его прозвали не только потому, что у него было имя Юлий. Он прославился как духовный оратор и любил, чтобы его почитали и слушались.

Юлий Шкубин умер глубоким стариком в небольшом городке на границе Швейцарии. Здесь среди духовной литературы нашлась небольшая книжечка самого Шкубина. Она автобиографична.

Свою духовную деятельность Юлий Шкубин начал в тысяча девятьсот двенадцатом году, создав маленькую общину: в то время он был простым плотником. Через три года он уже доверенное лицо торговой фирмы. Разъезжая по сибирским городам для заключения торговых сделок, Шкубин в то же время выступал с проповедями. Росло число созданных им общин.

В ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года в Омске состоялся съезд сибирских баптистов. Делегат Шкубин был избран разъездным благовестником, а на следующем съезде, в декабре тысяча девятьсот девятнадцатого года, рукоположен для духовной работы в «сибирском братстве». В следующем году он отправился в Москву на пленарное заседание совета союза баптистов.

В своих воспоминаниях Шкубин не выходит за рамки духовных интересов. Был царизм, и пал царизм. Появились люди с алыми повязками — красногвардейцы, затем люди с еловыми веточками на шапках — колчаковцы. Началась гражданская война. Победила Советская власть и утвердилась навсегда. О всех этих событиях Шкубин не обмолвился и словом. Только в одном месте, говоря о притчах иерусалимского царя-философа, он заявляет: «Ничего нет и не будет нового. Были войны и будут войны, все пройдет, но ничего не изменится, и прежде всего — вера, она как была, так и останется. Некоторые говорят: смотри, вот это новое. Но еще иерусалимский мудрец ответил: это было уже в веках, бывших прежде нас...».

Шкубин быстро подвигался к руководству. В тысяча девятьсот двадцать седьмом году сибирские баптисты съехались на очередной свой съезд, они избрали его главным казначеем и делегатом на всемирный конгресс баптистов, назначенный в городе Торонто. Побывав в Канаде, Шкубин приехал в Соединенные Штаты Америки и после этого выступил активным сторонником объединения баптистов и евангельских христиан в один союз. Теперь он является одним из руководителей этого союза и главным лицом в «сибирском братстве».

В тысяча девятьсот сороковом году Шкубин опять поехал за границу; на этот раз он уехал из Советской страны навсегда. К тому времени он остался вдовым и десятилетнего сына Валентина взял с собой.

За границей Шкубин пользовался поддержкой президента «Атлантик-компани» Пата Руиса. То была могущественная компания финансовых и промышленных магнатов разных стран двух континентов — своеобразное государство среди многих государств — во главе со своим президентом. Шкубин много ездил по свету, был знаком с видными священнослужителями протестантской и като-

лической церкви. Стремление объединить различные религиозные верования привело к тому, что баптист Шкубин вошел в католический «Орден крови из ран Христовых», давно созданный в Альпах, на границе двух государств. Возглавлял этот «орден» старый священнослужитель по имени Иоахим. В его филантропической деятельности Шкубину понравилось то, что все богоугодные заведения «ордена» пользовались иммунитетным правом наравне с монастырями и в то же время имели поддержку местных комитетов Красного Креста. Власти не вмешивались в его дела. Под вывеской «Ордена крови из ран Христовых» Шкубин с сыном открыл клинику и пансион, в котором нашли спокойный приют бывшие генералы и крупные военные промышленники, бежавшие из стран после свержения там их власти. Пансион был неприкосновенен, и все же его питомцам пришлось жить под видом немощных стариков, у этих обездоленных предусмотрительно было переведено немало денег в банки малых нейтральных стран, и хорошую плату получал от них Юлий Шкубин.

Сын Шкубина Валентин мало интересовался делами отца. Он получил медицинское образование и хотел продолжить изучение физики и химии, мечтал о научной работе. Но отец отговорил его и убедил, что он будет хорошим помощником и в роли врача. Валентин согласился работать в клинике под вывеской «ордена» и выпросил у отца средства на оборудование лаборатории, чтобы заниматься опытами.

После смерти отца Валентину Юльевичу досталось большое и хлопотное наследство. В коттеджах, огороженных вместе с клиникой кирпичной стеной с железными прутьями-пиками, доживали свой век бывшие генералы и президенты различных компаний, они требовали внимания и расходов. Валентин Юльевич Шкубин обращался в местный комитет Красного Креста с просьбой принять от него безвозмездно пансион вместе со всеми его жильцами — себе он хотел оставить только клинику,— но все осталось по-прежнему. Говорят, в это дело вмешался Пат Руис, он воспротивился передаче пансиона Красному Кресту, из чего можно заключить, что Руиса и Шкубина что-то связывает. Говорят, лаборатория Шкубина целиком оборудована на средства Пата Руиса.

Мало кто знает, что Руис до сих пор остается очень

богатым человеком. Сам он, когда заходит об этом разговор, напоминает всем известный факт национализации предприятий и капиталов «Атлантик-компани». Но это не так. Предвидя угрозу, Руис сумел многое сохранить. Тогда был период «золотого кровоизлияния». Руис через Юлия Шкубина, проживавшего под вывеской «ордена», скупал в странах Европы акции своей и других компаний и превращал их в золото. Хотя банки и хранили тайну сделок, но достаточно посмотреть газеты того времени, и от тайны ничего не останется. Капитал Руиса после ликвидации «Атлантик-компани» оценивался по меньшей мере в миллиард долларов. Руис, видимо, больше не доверяет банкам — на его счетах осталась весьма скромная сумма. Где золото Пата Руиса? — это действительно остается тайной...

Киджи к своим записям в блокноте больше ничего не смог добавить.

2

Не только клиника и коттеджи пансиона, но и двухэтажный дом, стоявший в южной стороне, ближе к горам, и большой участок леса вокруг — все это принадлежало Валентину Юльевичу Шкубину и было обнесено кирпичной оградой с железной решеткой.

Валентин Юльевич вставал рано и сразу же шел в лес подышать свежим воздухом. В это утро он проснулся еще раньше: предстоящая встреча и разговор с Патом Руисом беспокоили его.

Руис некоторое время жил здесь, в пансионе. Тогда он передал Валентину Юльевичу один документ, содержащий формулы и в целом рецептуру изготовления особого сплава металлов. Так, во всяком случае, объяснил это Пат Руис. Он сказал, что сын его мог погибнуть только на обратном пути от Луны к Земле и причиной была скорее всего лучевая болезнь: Дин потерял сознание, не смог связаться по радио с Землей и управлять кораблем — «Сириус» ушел в неведомые дали космоса... Один ученый, состоявший на службе у Руиса в научно-исследовательском бюро, долго работал над созданием сплава, способного полностью отражать космические лучи. Он умер, не сумев довести дела до конца. Очень важно завершить эту работу. Ученых до сих пор беспокоит вопрос о надежной защите космонавтов от поражения радиоизлу-

чением. Очевидно, эта проблема долго еще останется волнующей.

Изучив документ, Валентин Юльевич сказал, что его лаборатория не позволяет производить подобные опыты — нужна специальная аппаратура. Тогда было заключено соглашение: Руис даст средства на приобретение нужной аппаратуры и оборудования; Валентин Юльевич работает для Руиса, который обещал не жалеть на это дело денег. Шкубина прельстила мысль иметь первоклассную лабораторию. Он мечтал о спокойной работе под вывеской благонамеренного «Ордена крови из ран Христовых», в дела которого никто не вмешивался, думать только о больных и о науке. Валентину Юльевичу нравилось быть отгороженным от мира каменной стеной, он редко появлялся в городе, не читал ничего, кроме специальной литературы, и лишь радио сообщало ему о том, что происходит на земле.

Руис исчез из пансиона, он пропадал где-то много лет. Все это время Валентин Юльевич регулярно два раза в год получал из банка деньги — по заранее сделанному Руисом распоряжению,— они шли для бывших компаньонов Руиса, проживавших в коттеджах, и на расходы по лаборатории. И вот Руис снова объявился, громогласно заявив о себе. Теперь он на свободе и полностью реабилитирован. Валентин Юльевич слушал по радио его речь, произнесенную перед памятником русскому космонавту. Руис каялся в своих прежних грехах, говорил о мире и дружбе. Видимо, у него намерение жить по-новому, приносить пользу людям. Он приедет сюда и заговорит о работе над защитным сплавом, крайне нужным человечеству в век космических полетов. Но у Валентина Юльевича за эти годы дело нисколько не подвинулось. Что же последует с приездом Руиса? Руис передаст работу другому ученому, Валентин Юльевич лишится лаборатории, созданной на деньги Руиса, и еще останется в долгу перед ним. Лучше бы лишиться пансиона, даже клиники, даже собственного дома, но не лаборатории. Валентину Юльевичу только и осталось в жизни, что бесконечные опыты и эксперименты, опыты какие угодно и над чем угодно, лишь бы они привлекали все его внимание, уводили в мир атомов и молекул, не оставляли времени думать о себе, опыты, порой такие же бесцельные, как и его жизнь...

Валентин Юльевич прошелся по аллее до самых гор и повернул обратно.

Пока еще только август, а уже кое-где появились первые листья на земле, оранжевые, будто вырезанные из меди. Неужели близка осень? В предгорьях ее прнзнаки появляются рано.

Валентин Юльевич всегда уже с середины лета думал о прнближающейся осени, угадывал ее. Он не любил ее, одинокий пожилой человек, ему бывает скучно и тяжело осенью.

Маленький трактор тянул по узкой аллее тележку, наполненную всяким садовым сором. За рулем сидел старик. Поравнявшись с Валентином Юльевичем, он остановил трактор и снял старую шляпу с высокой конусообразной тульей.

— Доброе утро, господин Шкубин!

Валентин Юльевич сдержанно поздоровался со своим садовником.

— Что будем делать с тем дубком, господин Шкубин? — садовник показал рукой вдоль аллеи.

Он говорил про дубок с кривым стволом. Деревцо на метр отступало от ровной кромки аллеи. Если проезжал трактор с тележкой, то втулка колеса непременно задевала ствол выступившего из общего строя дерева. Кора его была повреждена, слезилась. Ствол несколько раз обмазывали раствором глины, обвязывали, но на него опять обрушивались удары колеса, наносились новые раны. Объехать дерево в очень узкой аллеё было трудно.

— Надо осторожнее,— заметил Валентин Юльевич.

— Я всегда осторожен.— Старик надел шляпу и взялся за руль.— Но не помогает моя осторожность. Срубить его надо, господин Шкубин. Оно нарушает аллею, как недисциплинированный солдат в строю.

— Нет-нет,— покачал головой Валентин Юльевич.— Как можно! Спилить, срубить — очень просто. Надо огородить.

Он подошел к несчастному дереву. Оно имело жалкий вид. Разодранная кора ствола свисала лохмотьями, верхние сучки начинали сохнуть. Листва поредела. Оно было еще молодо, но уже напоминало костлявого старика.

Это дерево посадил отец Валентина Юльевича незадолго перед своей смертью. Он тогда плохо соображал и вкопал его чуть ли не на середине аллеи. И сказал:

— Обещай, Валентин, что и этот мой труд, самый последний, не пропадет даром.

Сын обещал.

«Надо бы выкопать его и перенести на другое место,— подумал Валентин Юльевич.— Ведь это память об отце. У меня никого не было, кроме отца, и никого нет теперь...»

Он поднял грабли и принялся сгребать листья, опавшие с отцовского дерева, но услышал звенящий гудок автомашины и отставил грабли. Неужели Руис? Так рано!

Валентина Юльевича беспокоило то, что он так и не придумал, как лучше объяснить положение дела Руису. Старик может разгневаться и за одну минуту лишить Валентина Юльевича лаборатории и клиники.

Он быстро пошел к дому и увидел Руиса — тот стоял возле машины. Валентин Юльевич замедлил шаги.

Руис стягивал перчатку с правой руки, чтобы поздороваться, но Валентин Юльевич, увидев своего садовника, сначала подошел к нему и долго объяснял, что нужно сделать с тем дубком. Старый садовник удивлялся несуразному решению хозяина — перенести дерево. Это можно сделать только поздней осенью. Валентин Юльевич мало думал о дереве, он собирался с мыслями. Наконец он пошел навстречу гостю.

— Мистер Руис, я рад вас видеть в добром здоровье и бодрого духом,— сказал Валентин Юльевич, пожимая гостю руку. На самом деле Руис выглядел скверно: лицо серое, опавшее, веки покраснели. Длинный путь в самолете утомил его.

— Благодарю. Я тоже рад вас видеть.

— Этот садовник,— как бы извиняясь, сказал Валентин Юльевич,— чуть не сгубил лучшее дерево! Всюду надо смотреть самому. Я еще не успел позавтракать. А вы?

— С аэродрома я прямо сюда...

— Отлично сделали. Идемте в дом.

Валентин Юльевич напомнил себе, что нужно все делать не спеша. Он не торопился повести гостя в столовую, где начнется разговор о главном. Он задержался на веранде, глянул в затененный угол.

— Смотрите, ожила!

Руис подошел и увидел аквариум. На дне стеклянного

ящика было немного воды, зеленели водоросли и лежали три крупных булыжника. Больше ничего Руис не разглядел.

— Спряталась, проказница! Смотрите, мистер Руис, вот она!

Из-за камней высовывался тонкий змеиный хвост необыкновенной окраски — ярко-желтые пятна на черном.

— Зачем вы держите змею! — Руис был удивлен и недоволен поведением Шкубина.

— Это не змея, а саламандра, пятнистая саламандра — редкость здешних мест,— стараясь казаться излишне обрадованным, пояснил Валентин Юльевич.— Тут были еще и лягушки — для препарирования. А у саламандр я изучаю лечебное действие выделений кожных желез. Служанка не заметила, что вода в аквариуме высохла, и саламандра впала в оцепенение. Вчера вечером я пустил воду, и, как видите, эта проказница ожила. Прошу, мистер Руис! Извините, что задержал вас. Всюду нужен заботливый глаз.

Стол был накрыт. Руис снял шляпу и не глядя протянул ее влево, но там ее некому было принять: служанка — старуха, жена садовника — удалилась, как только хозяин и его ранний гость вошли в столовую. Шляпу гостя принял хозяин.

3

— Дорогой мистер Шкубин, я надеюсь, вы догадываетесь, зачем я поспешил сюда. Конечно же не для того, чтобы посмотреть необыкновенную саламандру и позавтракать. Благодарю, я сыт.

— Выпейте вина, мистер Руис. Когда-то вы очень любили вот это...

— Еще раз благодарю. Но утром не пью. Старость!..

— Один глоток. Разрешаю, как врач.

— Мне надо беречь остатки здоровья и сил,— мрачно сказал Руис, но отпил глоток.— Когда я был в расцвете и дела шли отлично, вдруг последовал удар... Сначала бешенство, потом какое-то оцепенение...

— Да, оцепенение,— задумчиво повторил Валентин Юльевич.— Вы видели саламандру. Она напоминает человека — пусть это не будет унизительным для него. Лиши человека воздуха и чего-то еще небольшого, ради

чего стоит жить — и он впадет в оцепенение, как саламандра без воды.— Говоря это, он думал о лаборатории, и Руис словно угадал его мысли.

— Прежде, чем начать серьезный разговор, мистер Шкубин, мне хотелось бы спуститься в лабораторию.

— Там все в порядке, мистер Руис.

— Но мне хотелось бы сначала заглянуть в свою комнатку,— сказал Руис.

«Своей комнаткой» в нижнем, цокольном, этаже Руис называл нечто вроде кладовой, отгороженной железными грубо сваренными щитами и с железной дверью. Про эту комнату Валентин Юльевич знал только то, что еще при отце Руис оборудовал ее для хранения документов «Атлантик-компани» и фамильных вещей большой давности — их в тюках вносили туда какие-то рабочие со стороны.

— Надеюсь, никто не проявлял к ней интереса! — подозрительно взглянул Руис.

— Сэр! — обиделся Валентин Юльевич.

— Я не хотел оскорбить вас, мистер Шкубин. Дайте, пожалуйста, ключ от лаборатории.

Валентин Юльевич вынул из ящика стола ключ. Руис, насвистывая какую-то старенькую мелодию и подергивая в одну сторону головой, вышел.

Он спустился вниз и открыл дверь в лабораторию. О, это он видел впервые! Комнатные перегородки во всем этаже были убраны, оставалась только железная стена, отгораживающая по всей высоте «комнатку» Руиса, образовался большой зал. На столах и на подставках блестели металлические и стеклянные колбы и цилиндры, спирально змеились трубы, соединяющие их; белели пульты с темными точками регуляторов. Да, Шкубин тратил деньги по назначению. Интересно, чего он добился?.. Однако Руиса прежде интересовала «своя комнатка».

Он достал из брючного кармана свой ключ и открыл железную дверь. В правом углу над полом возвышался металлический купол диаметром около метра, напоминающий люк канализационной трубы. Руис внимательно осмотрел полусферическую крышку, запорошенную пылью. Кажется, все было так, как и прежде. Он отчетливо начал считать: «Один, два, три, четыре...». С одиннадцати он повел счет в обратном порядке, дошел до семи и громко произнес: «Аут!» На крышке загорелся крошеч-

ный глазок рубинового цвета. Руис стер пыль, достал тонкий плоский ключик со шнуром и воткнул в еле заметную щелку, отошел, разматывая провод, нащупал внизу стены замаскированную розетку и вставил в нее вилку. Тяжелая металлическая крышка откинулась с такой силой, что, окажись рядом человек, он был бы убит. Но если бы другой, уцелевший, попытался проникнуть в открывшийся круглый колодец, его ожидали бы иные сюрпризы. Все кончилось бы тем, что прорвалась бы канализационная труба, проходившая рядом, залила бы грабителей нечистотами, а золота так никто бы и не увидел.

Оно было на месте, в целости.

«Я не мыслю своей жизни без него,— думал Руис, закрывая тайник.— Что я значу без золота, без богатства! Ученые утверждают, что углеродный и кислородный обмен является основой и дыханием жизни, а какой-то аргон совершает вечный круговорот».

Взбодрившийся Руис поднялся наверх, он сказал Шкубину:

— Когда прикоснешься к родным с детства вещам, чувствуешь себя моложе. Теперь можно перейти к делу.

Валентин Юльевич встал, подошел к окну и поднял штору. Ослепительно яркое солнце глянуло в окно. Гор не было видно — голубоватая дымка покрывала их. Деревья, кажется, поредели. В столовой на хрустале и стекле вспыхнули и загорелись звезды.

— Не лучше ли закрыть окно,— Руис болезненно сморщился. Хозяин опустил штору. Посуда на столе погасла.

— Я слушаю вас,— Валентин Юльевич остался у закрытого окна, и на лице его лежала тень.

— Мистер Шкубин,— сказал Руис с ноткой торжественности в голосе, словно начал тост,— мы очень давно с вами не встречались и поэтому не лишне будет кое-что из того, что нам известно, повторить, возобновить и закрепить в памяти. Итак — долгое время меня и вашего отца связывала крепкая дружба, основанная на взаимном доверии. Я надеюсь, такое же чувство испытываете и вы. Помимо того — и это ничуть не противоречит дружбе, а наоборот, еще больше укрепляет ее — у нас были деловые отношения, которые остаются и теперь, не так ли? В чем они заключались, не стоит много говорить об этом — часть дел завершилась благополучно, часть пре-

доставлена решению нашему всеобщему богу — времени, событиям, независящим от нас, но об одном деле мне хочется вспомнить и поговорить подробнее.

Руис уселся поудобнее и окинул взглядом комнату, словно отыскивая что-то.

— Но прежде всего,— сказал он тихо,— мне хотелось бы узнать, цел ли тот документ с формулами, помните?

— Помню,— глухо ответил Валентин Юльевич и подошел к столу.— Могу показать.

— Не надо. Я вам верю. Каковы же успехи?

— Невелики. Все опыты, а их были сотни, кончились неудачей. Я уже решил, что это не по моим силам и не в моих возможностях, однако интерес к дальнейшим опытам не пропал. Могу сообщить кое-что.

— Кое-что — это значит ничего,— строго сказал Руис.— Нам нужен сплав. Мой ученый, безвременно погибший, перед смертью сожалел: «Ах, если бы еще неделя— и я добился бы результата».

— Простите, мистер Руис, я вас прерву,— осторожно заметил Валентин Юльевич.— Но запись формул и расчетов сделана не ученым. Там масса ошибок, пропусков. Мне пришлось решать задачу со многими неизвестными.

— Совершенно верно,— согласился Руис и закрыл глаза.— Несчастный продиктовал свои расчеты будучи тяжело больным. Я уже не помню, кто оказался тогда возле его смертного одра.

— Я не смогу решить эту задачу один,— признался Валентин Юльевич.— Не обратиться ли за помощью... Пригласим сюда другого ученого, будем работать вместе.

— Вы сказали величайшую глупость,— резко оборвал его Руис.— Ключ важного открытия в ваших руках, разве можно доверять его еще кому-то? Или вам безразличны слава и награда?

— Я об этом не думал.

— Странный вы человек,— усмехнулся Руис.— Впрочем, не будем обострять отношений. Я хочу услышать, что же означает это «кое-что», достигнутое вами?

Валентин Юльевич рассказал: производя многочисленные опыты, он пришел к мысли, что путь, указанный расчетами и формулами умершего ученого, не может при-

вести к созданию сколько-нибудь прочного сплава, это — путь скорее к разрушению металлов.

— О! — воскликнул Руис и замолчал. А потом тихо спросил: — Вы можете показать хоть несколько крупиц того, что получили?

— Нет,— ответил Валентин Юльевич.— Но в моем представлении это что-то сыпучее, из чего нельзя сделать прочного покрытия космического корабля.

— Продолжайте, продолжайте работу, мистер Шкубин, она должна принести успех,— сказал Руис, оживившись.–Я полагаю, сыпучая масса может служить компонентом сплава, впрочем не мне об этом судить. Доведите дело до конца, мистер Шкубин. Вас ждет слава!

— Но одному, без помощника, очень трудно. Приходится все готовить своими руками,— сказал Валентин Юльевич.

— Возьмите себе лаборанта,— разрешил Руис.— Только главного не доверяйте. И не жалейте денег на опыты, приобретайте любую аппаратуру. Я пока еще могу вести денежные расчеты.

Руис сам налил себе вина, выпил, поговорил о погоде, о предстоящих выборах на его родине и уехал.

К удивлению Валентина Юльевича, встреча эта прошла много лучше, чем он предполагал.

4

Профессор Дольц был единственным здесь ученым, которого знал Валентин Юльевич. Они изредка встречались в городе, но друг у друга не бывали. Только однажды профессор побывал у Шкубина и похвалил его лабораторию. У них могли бы установиться хорошие, дружеские отношения, если бы профессор проявил инициативу, но он лишь в крайних случаях обращался к доктору Шкубину, и это касалось главным образом проведения различных анализов, чего профессор не мог сделать у себя.

Валентин Юльевич был польщен, когда Дольц попросил его произвести анализ материала, который, возможно, представлял собой остатки сгоревшего болида. Он назвал час, когда может прийти помощник профессора, и в четыре часа увидел с веранды, как к дому подходила молодая женщина, высокого роста, красивая, с удивительными светло-дымчатыми волосами. Типичная немка, запечат-

ленная на картинах многих художников. Валентин Юльевич поднялся с шезлонга.

— Фройляйн очень аккуратна. Вы ведь от профессора?

Фройляйн сразу же назвала свое имя и передала привет от профессора.

— Мы можем приступить к работе. Надевайте халат. Где ваши пробы?

Фройляйн вынула из сумочки несколько маленьких плотных конвертов.

— Что вы установили с профессором? — спросил Валентин Юльевич, рассматривая сероватые на вид порошки.

— Лишь то, господин доктор, что это не зола.

— Ну да. Это ведь космическая пыль. Идемте.

В лаборатории было прохладно и сумрачно. Валентин Юльевич отдернул шторы на окнах и подошел к столу, на котором стоял квантовак — прибор для проведения химических анализов.

— Исследование неметаллов нужно производить в вакууме,— сказал он.— У профессора, я знаю, нет квантовака.

Инга стояла рядом и следила за его работой с выражением напряженного ожидания, и Валентин Юльевич подумал, что лаборантка профессора Дольца совсем неопытная — смотрит так, словно ждет какого-то фокуса; богатства лаборатории ее не удивили и не заинтересовали.

— Наденьте,— сказал Валентин Юльевич, подавая защитные очки, и сам тщательно заправил дужки таких же очков за уши.— Включаю!

Он нажал кнопку. Вспыхнула дуга, силу и цвет ее нельзя было определить сквозь стекла-фильтры. Через

полминуты дуга погасла. Валентин Юльевич взял из авторегистратора темную полоску с разноцветными линиями.

— Посмотрим,— Валентин Юльевич повернулся спиной к окну и поднял к глазам карточку, фройляйн Инга стояла рядом и вглядывалась в карточку.— Вы разбираетесь в этих вещах?

— Немножко.

— Каждый элемент обладает своим характерным, присущим только ему спектром. По расположению различных полос и линий в спектре неизвестного образца можно узнать, из каких элементов он состоит,— объяснил Валентин Юльевич.— Кальций светится красноватым цветом — его у нас нет, калия тоже нет, фосфора, магния, бора — нет. Конечно, это не зола. А это что за линии? — он задумался, потом сказал: — Сделаем другой анализ.

Снова вспыхнула световая дуга, и через минуту Валентин Юльевич держал в руках другую карточку, разрисованную регистрирующим прибором.

— Что же тогда есть? — размышлял он, начиная волноваться.— Присутствует в небольшом количестве... Но это не совсем похоже на германий. Возможно, есть титан. Но странно, что... Дайте, фройляйн Инга, другую пробу.

Валентин Юльевич волновался. С таким материалом ему никогда не приходилось иметь дела. Он проанализировал все пробы, рассматривал мельчайшие пылинки в электронный микроскоп, руки его дрожали.

— Что с вами, господин доктор? — спросила Инга.

— Скажите, пожалуйста, фрау Эльзе — это моя служанка, она сейчас в столовой,— пусть принесет воды,— он приложил руку ко лбу, закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Лаборантка вышла. Валентин Юльевич отсыпал из двух порошков по небольшой порции космической пыли, завернул в бумажку и спрятал в стол.

Принесли стакан с водой, он выпил и немного успокоился. Нужно было написать заключение для профессора Дольца, но что написать?

Валентин Юльевич не знал, что представляют собой эти пробы, но догадывался... Только он один мог догадаться, пусть делают сколько угодно анализов с применением любой аппаратуры. Тут крылась страшная правда, и он не понимал, кому нужна эта правда. Она не нуж-

на Дольцу, самому Валентину Юльевичу, пожалуй, никому не нужна. И Руис, для которого он работал, хотел тоже не этого... В этой лаборатории Валентин Юльевич не сделал ни одного открытия, сейчас же он был в преддверии первой своей большой удачи и — боялся ее.

Следовало все хорошо обдумать, не спешить с окончательным ответом профессору. Валентин Юльевич написал, что ему пока ничего существенного выяснить не удалось. Если господин профессор может подождать, работа будет продолжена, но без заверений в успехе.

— Можете прочитать,— сказал он лаборантке.— Пробы возьмите.

Фройляйн Инга прочитала и, кажется, немножко побледнела. Отчего? В записке — неопределенный ответ. Такая ли уж она неопытная, эта фройляйн Инга? Нет, она не побледнела, это просто показалось. Наступили сумерки, и лицо ее выглядело сероватым.

— Очевидно, мне придется побеспокоить вас завтра, а может, и послезавтра?

— Как пожелает профессор, я — к его услугам.— Валентин Юльевич старался казаться равнодушным.— Приходите лучше всего часов в восемь утра, или даже в семь. Я встаю очень рано, но завтра работать мы не сможем, нужно кое-что приготовить... Передайте дружеский привет профессору, мы с ним так редко встречаемся. Подождите, фройляйн, я вас провожу.

Сумерки тянулись по земле, обволакивая деревья, а вверху было светло, полнеба охватывала заря, она лежала на вершинах гор. Но на севере, над городом, широкой полосой темнели тучи.

— Ночью будет дождь,—сказал Валентин Юльевич.— Даже раньше, через два-три часа.

— Как он не кстати,— пожалела фройляйн Инга и заторопилась.

Простившись, она быстро пошла тропинкой между деревьями, прямая и высокая, и ее голова задевала золотые листья. Валентин Юльевич долго смотрел ей вслед.

Дождь начался через полчаса. Подул резкий северный ветер, загудело в лесу, и обрушился ливень. С гор понеслись потоки воды, они захватывали опавшие листья и гнали их по асфальтированным дорогам в город на тротуары, дождь смыл пыль с деревьев и крыш домов,

она исчезла всюду, где была до сих пор, и сразу, как это всегда случается в горах после сильного дождя, стало прохладнее, словно дохнуло осенью.

Руис приехал утром, когда Валентин Юльевич гулял в своем саду. Снова сияло солнце, розово-желтое, оно плыло над горами, янтарный свет лился со снеговых вершин и гас в голубоватом ельнике. Дубовый лес стоял молчаливый, в аллеях было чисто и влажно. Длинная машина Руиса пронеслась, вся в скользящих солнечных бликах и неровных тенях от листвы, похожая на сказочную саламандру.

Валентин Юльевич провел гостя в свой кабинет. Тут пахло лекарствами. Вдоль стен были полки, и на них стояли банки с препаратами. У окна — стол, на нем микроскоп и аптекарские весы.

— Ночью я много думал и пришел к мысли, что надо ускорить работу, за которую вы взялись,— сказал Руис, сев в кресло и вытянув длинные худые ноги.— В моем возрасте надо спешить.

Валентин Юльевич развернул бумажный пакетик и аккуратно высыпал в чашечку весов темноватую порошкообразную массу.

— Что это такое? — потянулся взглянуть Руис.

— Это все, что дадут ваши формулы,— сказал Валентин Юльевич.

Руис встал, нагнулся над столом, осторожно взял несколько пылинок, потер их между пальцами.

— Это пепел от сигары.

— Я не курю, мистер Руис.

— Тогда — любая зола.

— Нет. Анализы подтверждают...

— Тогда, черт возьми, просто пыль. Вы смеетесь надо мной, мистер Шкубин! — Руис сказал это не сердясь, скорее восторженно.

— Может быть, пыль, но только не обыкновенная. Подобный материал получается в результате радиационных повреждений металла, прежде всего за счет действия нейтронов и осколков деления.

Руис боязливо посмотрел на пальцы, которыми трогал пыль, потер руки, тряхнул ими, словно стараясь отделаться от чего-то грязного и опасного.

— Не бойтесь. Счетчик Гейгера ничего не отметил. Полное отсутствие радиации вещества, и это-то самое странное,— сказал Валентин Юльевич.

— Значит, это вот и получилось в результате ваших опытов?

Валентин Юльевич сел на стул. Он почувствовал боль под ложечкой, не сильную, но надоедливую сосущую боль. Пришлось принять лекарство. Спустя несколько минут он мог продолжать разговор.

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, мистер Руис, мне хотелось бы узнать, устраивает ли вас это? Ведь вы надеетесь получить секрет изготовления некоего сплава, который бы отражал космические лучи, не так ли?

— Да.

— Но здесь получилось обратное. Прочнейшие металлы превращаются в пыль, в прах.

— Да, если верить вам.— Руис сидел спокойный, непроницаемый...— Полагаю, вы на верном пути. Если возможно превращение металла в прах, как вы сказали, то возможен и обратный процесс. Есть закон сохранения массы. Вероятно, что-то спутано в формулах, вы об этом говорили, и я согласен с вами.

— Нет, мистер Руис,— дело не в этом. Вы, очевидно, слышали о законе сохранения массы, но в ядерных превращениях масса веществ не сохраняется. Здесь должен действовать закон, сформулированный Эйнштейном. Сохраняется сумма масс и энергии, но энергии нет, она исчезла и унесла с собой часть массы.

— Гм... в этих вещах разбираться вам, дорогой мистер Шкубин. Я хотел бы услышать...

— Я помню ваш вопрос. Пока я не добился получения вот этого порошка. Вы слышали о полете болида здесь, над горами? Я наблюдал это явление. В ту ночь мне плохо спалось. Я проснулся очень рано, было еще темно. Вдруг необычайное сияние разлилось над горами. Другие очевидцы утверждают, что это была молния. Этого я не скажу. Я не видел молнии, но сильный свет заставил меня вздрогнуть. Он погас, а затем я увидел летящий шар.

— Да, я слышал об этом,— вставил Руис.

— Поиски метеорита не дали результата. Но найдена рассыпавшаяся местами вот эта масса. Можно предположить, что болид, состоящий целиком из металла, сгорел-

каким-то странным скоротечным огнем, без высокой температуры, без искр и над самой землей превратился в пыль.

— Вот как!

Валентин Юльевич потер ладонью грудь, боль не унималась. Он принял еще одну таблетку.

— Мне не хотелось бы продолжать работу,— сказал он тихо.— Это — страшная работа. В формулах выпало звено, я понимаю... Но передо мной — результат, вот этот порошок. Теперь нетрудно найти связующее звено.— Он поднял глаза и посмотрел прямо на Руиса.— Зачем вам нужно это — не понимаю.

— Как зачем? — Руис постарался выразить искреннее удивление.— Я полагаю, из такой массы нетрудно приготовить сплав и испытать его, я уже говорил об этом. Но если ваша работа привела к неожиданному результату, давайте рассмотрим его с практической точки зрения. Ведь теперь горы расступятся перед человеком, недра сами раскроются, мистер Шкубин!

— Да, вероятно, возможны подобные превращения не только металлов, но и каменных глыб.

— Вот видите! — Руис, оживившись, выискивал примеры эффективного применения неожиданного открытия. Он был деловым человеком и мог многое придумать.— Мы не будем спешить с объявлением о своем открытии, надо все хорошо взвесить... Конечно, мистер Шкубин, я признаю, что заслуги мои, по сравнению с вашими, ничтожны, и готов заменить недостающую долю труда.

Руис достал чековую книжку, быстро с необычайной твердостью движений руки выписал чек.— Вот пожалуйста!

Валентин Юльевич взял протянутый бланк. Он не поверил своим глазам — сумма была очень велика.

— И это не все,— сказал Руис.— Вы получите еще столько же, когда опыты будут закончены. Дело за вами. А сейчас, я полагаю, можно вспомнить и вчерашнее.— Он потер руки.— Приглашаю вас к себе, мистер Шкубин. Отпразднуем первый наш успех.

Валентин Юльевич держал в руках чек и все еще не решался положить его к себе в карман. Никогда он не имел столько свободных денег. Клиника не приносила ему никакого дохода: там лежали безнадежные больные большей частью из безработных. В пансионе бывшие генера-

лы и президенты компаний все чаще говорили об отсутствии средств, они знали, что за всех платит Руис. Долг Руису возрастал с каждым годом. Но теперь положение могло измениться. Валентину Юльевичу очень хотелось выйти из зависимости Руису, иметь собственную лабораторию и делать в ней все, что он захочет сам.

— Спасибо за приглашение, мистер Руис,— вздохнул он.— Сегодня я не могу. Чувствую себя неважно, если не сказать больше.

Руис не задержался. Он сослался на дела и быстро ушел. По дороге, между деревьями, сомкнувшими свои ветви, пронеслась его машина и исчезла. Он показался Валентину Юльевичу сразу сбросившим с плеч по крайней мере десять лет, снова появилась в нем энергия и предприимчивость.

Валентин Юльевич прошел в столовую, включил радиоприемник и настроил его на Москву. Он любил родной язык и часто слушал Москву.

Молодой ученый рассказывал о своем проекте, как сделать Северный Ледовитый океан незамерзающим. Проблема эта не интересовала Валентина Юльевича, ему было просто приятно слушать русскую речь. Северный океан напомнил ему о Сибири, его родине, и он вспомнил о тайге, о том, как мальчишкой ездил на пароходе по Оби. Боль приутихла.

В конце передачи выступил профессор Новосельский — это имя Валентин Юльевич в последнее время слышал по радио часто. Голос русского профессора был чист, звучал по-молодому задорно и уверенно, но Валентину Юльевичу Новосельский представлялся почему-то стариком с белой головой и бородкой клинышком.

Русский профессор говорил о болиде над Альпами.

— Это не болид,— сказал Новосельский.— Это, возможно, космический корабль. Не из тех земных, что возвращаются одни за другим с Луны, Марса и Венеры,— все они благополучно совершают свои рейсы. Это был, вероятно, корабль из глубин космоса, скорее всего, без пилота, автоматически управляемый разведчик с неизвестной планеты. Да, к сожалению, он сгорел, если можно так выразиться, и трудно сейчас сказать, случилось это по несчастью или самоуничтожение корабля было запрограммировано. На землю упала только зола. Анализ ее показал, что произошло превращение металлов в пыль.

Пожалуй, вслед за этим кораблем можно ожидать появления гостей...

Валентин Юльевич улыбнулся. Приятно все-таки знать больше всех. Но ощущение радости быстро прошло. Снова появилась озабоченность. Руис верил в него, но он не совсем верил Руису и чувствовал себя одиноким. Он стал думать о фройляйн Инге. Вот кого хотелось бы к себе в помощники! Тем более, что Руис разрешил взять лаборанта. Надо будет поговорить об этом с фройляйн Ингой.

«СЛУШАЙ, ЗЕМЛЯ»

1

Прадед Лео Киджи был негр, он служил в богатом доме Руисов. Племянница главы семьи полюбила молодого сильного негра. Их затаенное счастье не могло продолжаться долго. Тайное становилось явным...

Негра линчевали всем семейством, тоже тайно, а беременную племянницу сдали в частный пансион под другой фамилией.

Дед Киджи отличался упрямством и непокорностью, ни один скандал с предпринимателями-хозяевами не обходился без него. Жизнь свою он кончил в тюрьме.

Отец Лео был добрым семьянином, а на службе он научился терпению.

Только мать знала, что отец Лео служил не просто у Руиса — очень богатого человека, но и у своего дальнего родственника. Но об этом лучше не знать и Руису и отцу, потому что Руис не стал бы держать у себя такого родственника. У матери развивалась болезненная подо-

зрительность, сердце ее всегда беспокоило предчувствие несчастья. Это была красивая женщина, с черными вьющимися волосами и смугловатым тонким лицом — очень мало сказалась в ней примесь негритянской крови. Отец был белый. Но по линии матери наследственность в Лео отразилась весьма выразительно: курчавые жесткие волосы, крупные губы, смугловатый цвет лица. А в характере его, кажется, совмещалось наследство всех предков — пылкость прадеда, упрямство и непокорность деда, доброта отца и настороженность матери, порой переходящая в болезненную подозрительность. Тут было всего по капле — от Африки, Америки и Европы. Но Киджи получил высшее образование в Москве, и третий континент дал ему больше, чем первые два, вместе взятые...

Киджи обиделся на Ингу из-за того, что она сочла возможным иметь дело со Шкубиным, давним другом Руиса. Конечно, она сделала это необдуманно. Киджи знал: резкая вспышка, свойственная его характеру, скоро погаснет и он готов будет простить Инге все и постарается помочь ей исправить ошибку.

Он пришел в отель и спросил у портье, не появлялся ли здесь мистер Руис. Портье, хитрый старикашка, угодливо склонился:

— Да, если...

Киджи запустил руку во внутренний карман куртки, где лежали деньги, вытащил первую попавшуюся бумажку и сунул ее портье.

— Я могу доложить о вас господину Руису, если он не отдыхает,— с готовностью ринуться по лестнице наверх, сказал старик.

— Благодарю. В другой раз...

Киджи пока не мог встречаться с господином Руисом. Пожалуй, следует даже перебраться в другую гостиницу. Он поднялся к себе в номер и увидел на столе телеграмму. Она была из редакции. Его срочно отзывали в Москву: есть задание, на выполнение которого потребуется два-три дня. Это нарушало планы Киджи, но ничего не поделаешь. Метеорита нет, в свои личные дела — хотя дело с Патом Руисом касалось не только Киджи — он редакцию не посвящал, и ей не имело смысла держать здесь своего корреспондента, которому найдется работа в другом месте. Киджи взял чемодан и спустился вниз. Портье встретил его удивленным взглядом.

— Скажите, мистер Руис надолго остановился у вас? — спросил Киджи.

Портье залебезил:

— Будет здесь не менее как неделю — я передаю почти слово в слово, что слышал от него самого.

— Мне необходимо уехать по делам денька на два,— сказал Киджи.— Мы с вами еще увидимся. И тогда я встречусь с мистером Руисом. Мы с ним родственники!

— Что вы говорите! — всплеснул руками портье.— Вы, сэр, счастливый человек!

— Да, я горжусь... Но прошу вас, не проговоритесь об этом мистеру Руису, и никому — ни слова. Понимаете? — Киджи протянул деньги, портье ловко, по-обезьяньи схватил их и спрятал.

— Отлично понимаю, сэр!

— Не совсем, полагаю. Я хочу преподнести мистеру Руису сюрприз,— хитровато подмигнул Киджи.— Мы давно не встречались.

— О, сэр, теперь абсолютно все понятно. Можете положиться на меня,— лебезил портье.— Я служу в этом отеле уже пятьдесят пять лет. Какие были времена, сэр! Какие люди останавливались в «Эдельвейсе»! Я умею работать, сэр, вот увидите.

Киджи приподнял шляпу. Портье согнулся, откинув руки ладошками назад.

Выйдя в подъезд, Киджи увидел Ингу Михайловну — она шла по аллее навстречу ему. Киджи поставил чемодан у ног.

— Вы уезжаете? — удивленно спросила Инга Михайловна.

— Да, я уезжаю. Жаль, что не пришлось написать о вас ни строки. Что передать в Москве?

— Ничего,— сказала она сухо.— Я разговаривала с профессором Новосельским по телефону.

— Счастливо оставаться,— Киджи поднял чемодан.

2

В редакции сказали, что ехать надо в Приаральские Каракумы.

Завтра будут открыты шлюзы, и воды могучих сибирских рек Оби и Енисея потекут по каналу в Аральское море.

Киджи бывал во всех европейских странах, в Америке и Африке, но ему не приходилось по делам ездить в Казахстан, он только пролетал над его территорией на самолете и знал, что она громанда, читал и слышал о рудных богатствах и необъятных для взора хлебных нивах, но обо всем этом у него были весьма общие представления.

Ему дали подготовленные к печати статьи ученых и гидростроителей, их надо было внимательно прочитать, чтобы войти в курс дела. Выискивая в редакции укромный уголок, Киджи не спеша шел по коридору и заглядывал в комнаты. Всюду кипела работа. Редакция выпускала ежедневно два номера газеты — утром и вечером — и раз в пятидневку богато иллюстрированное приложение.

В одной комнате сидели иллюстраторы во главе с редактором художественного отдела. Перед ними светился телеэкран. Где-то далеко, на северном полюсе и в Антрактиде, в шахтах и на хлебных полях, в глубинах океана и в космосе путешествовали корреспонденты с телекамерами, и то, что они там видели, было видно на экране в редакции. Нужные кадры отбирались, фотографировались. Фотографы, не оборачиваясь, грозили кулаками, если открывалась дверь,— они боялись упустить интересный кадр.

Киджи заглянул в другую комнату, разделенную звуконепроницаемыми светлыми перегородками. Во всех кабинах звучали в магнитофонной записи рассказы, речи, выступления на многих языках земного шара, нужное для публикации тут же отбиралось, и специальные электронные машины переводили текст, который появлялся уже на бумажном рулончике, почти готовый к набору.

Киджи дошел до кабинета редактора, приоткрыл дверь — редактора не было. Наконец-то нашлась единственная свободная комната! Киджи разложил бумаги и принялся читать.

Проект использования стока многоводных сибирских рек для орошения обширных земель Казахстана был разработан давно, он предвещал громадные экономические выгоды. Крупнейшие реки Сибири Обь и Енисей бесполезно отдают свою воду Ледовитому океану. В свое время они играли роль транспортных артерий, но с развитием повсюду сети автострад, электрифицированных желез-

нодорожных магистралей и авиалиний их роль стала несущественной. Между тем земли Казахстана при изобилии солнечного света испытывали недостаток влаги. Проект этот частью был осуществлен раньше, теперь все гидростроительные работы были закончены полностью, они велись не только на территории Сибири и в Казахстане, но н в республиках Средней Азии. Скоро все здесь преобразится.

Аральское море переполнится, станет пресным, оно прольется в Каспнйское море, уровень которого за последние годы понизился так, что прежние его очертания на карте сильно изменились. Теперь оказалось ненужным продолжение русел Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи до Аральского моря, эти реки поворачиваются на запад, где создаются новые хлопкосеющие районы. Климат во всем этом обширном районе станет субтропическнм.

Читая статьи, Киджи делал выписки, особенно цифровых данных: цифры, характеризующие рост экономики этих районов в ближайшее время, былн громадны — их невозможно запомнить.

Потом он просмотрел газеты. На глаза попалось несколько статей и высказываний о болнде. Интересным было предположение Новосельского, но оно ннчем не подтверждалось. Кнджи бывал на других планетах, видел там только отсутствне жизнн и не мог поверить в появление неведомых гостей из космоса.

Его внимание привлекла небольшая заметка, озаглавленная интригующе: «Нужен ли нам Ледовитый океан?» В ней говорилось, что в конференц-зале географического института состоится обсуждение дипломного проекта, приглашены ученые...

Будущее океана заинтересовало Кнджи. Он вызвался сходить на обсужденне н написать об этом.

В институте было людно. До начала заседания оставалось минут пять, а пока все ходилн в фойе. Справа в громадные окна смотрели деревья и цветы — невообразимая смесь красок и форм. Тут были тропнческне растения, не имеющие себе равных по обилию видов, и несравнимая ни с чем северная береза.

Раздался звонок, и все потянулись в зал. Короткая процедура выборов председательствующего — назвали имя Новосельского, и он занял место за столом председателя.

На трибуну поднялся юноша, с вздернутым носиком, с пухлыми губами; он раскрыл папку, достал несколько листков бумаги и разложил их перед собой. Две девушки-программистки заняли свои места за кодирующими портативными машинками. Наступила тишина.

Студент-выпускник излагал проект, и Киджи, слушая, восхищался. Предлагалось опустить в нескольких местах на дно океана сильные нагревательные приборы, работающие на ядерном горючем. Будущий ученый показал схему такого прибора, она четко обозначалась на экране, который засветился на стене возле трибуны. Приборы, используя водород из глубин океана, могут работать бесконечно. Через год Северный Ледовитый океан перестанет быть Ледовитым, температура воды повысится, лед растает. Продуманное распределение нагревателей изменит направление теплых и холодных течений, на севере возникнет новый природный фактор. Там, где протянулась сейчас тундра с вечно мерзлой подпочвой, раскинутся пшеничные поля.

Автор проекта называл цифры, сколько будет получено дополнительно хлеба, фруктов, овощей, продуктов животноводства. Оценивались затраты. Девушки-программистки стучали на своих машинках. Килограммы, секунды, джоули, кулоны в огромных величинах — мега, гига, тера — кодировались на перфоленте.

Киджи слушал, мысли об этом проекте мешались с мыслями о том, что он увидит завтра. Цветущие сады на севере, цитрусовые в голой пустыне — удивительно!..

— Человек могуч! — воскликнул студент, заканчивая доклад.— В его руках — великая энергия, с помощью которой он преобразует лицо земли, сделает ее богаче и краше.

Киджи порывисто вскочил и зааплодировал. Но весь зал отозвался на заключительные слова докладчика сдержанными вежливыми аплодисментами. Не успел юноша покинуть трибуну, как к нему подошел маленький старичок с седыми волосами. Он поправил пенсне и протянул руки.

— Дайте же поцеловать вас за смелость мысли.

Молодой человек раскраснелся в смущении и гордости. Ученый поцеловал его в лоб, поднялся к трибуне и, улыбаясь, сказал:

— Простите мне, старику, маленькое отступление.

Я вспомнил свои школьные годы и своего сурового, но справедливого отца. Когда я приходил из школы, он, заглянув в мой дневник, говорил: «Дай я тебя поцелую за пятерку по естествознанию». И целовал. А потом говорил: «А теперь дай-ка я тебя высеку за тройку по поведению». И не сек, пальцем не трогал, но распекал на все корки.

В зале задвигались, заулыбались. Ученый продолжал:

— Дозвольте и вас, молодой человек, немножко того, покритиковать. И вы не обижайтесь. Это хорошо, что мы, старики, еще живы и есть кому сказать вам несколько полезных слов. Смелость мысли — это хорошо, и очень хорошо, что в руках человека — великая энергия, но использовать ее надо разумно.

Мы, ихтиологи, знакомы с проектом превращения Северного Ледовитого океана в теплый океан. Проект вполне осуществимый в наше время. Но что он даст? Я буду говорить главным образом о рыбных богатствах. Они там исчезнут. Рыбы холодных вод уйдут с севера к южному полюсу, а будут ли размножаться обитатели теплых вод — это еще вопрос, во всяком случае, это быстро не произойдет, и народное хозяйство потеряет только по разделу добычи рыбы и морского зверя...

Снова цифры и цифры. Пальцы шифровальщиц прыгали по клавиатуре машинок. В экономический баланс добавлялась новая информация. Киджи отыскал студента. Тот сидел, опустив голову, уши его горели. Но вот с трибуны заговорил представитель института лесного хозяйства, и молодой человек поднял голову, повеселел.

Потом выступил агроном. Киджи казалось бесспорной выгодность заменить тундру пшеничным полем, однако после слов агронома чаша весов дрогнула и сдвинулась не в пользу проекта.

У оратора была бритая белая голова, отчего загоревшее лицо казалось совсем темным; он говорил, энергично жестикулируя:

— Вы хотите устроить теплицу, пусть безграничную, неостекленную, но все же это будет искусственность, теплица. Вы забыли главное — солнечный свет. Где вы его возьмете для такой громадной теплицы? Создадите второе искусственное солнце специально для севера? Да, верно сказано о земле, о почве: можно внести удобрения и улучшить ее, но все равно мы не получим там органического вещества больше того количества, которое соот-

ветствует количеству солнечной энергии, получаемой растением от солнца. Тимирязев назвал это пределом, переступить который не во власти человека.

— Старые представления, консерватизм,— крикнул с места студент.— Нет предела власти человека над природой.

— Бессмысленное насилие над природой, а она — мать наша! — загорелое лицо агронома дышало зноем, руки, которыми он коротко взмахивал, тоже были темные и красивые. Он стал называть верные цифры — максимум того, что можно получить на северных землях, и застрекотали машинки под пальцами программисток.

— В том и заключается мудрость проекта, по которому реки, текущие на север, теперь повернуты на юг, что там изобилие солнечного света,— сказал агроном.— Там даже пески, с применением удобрений, будут давать колоссальные урожаи и не один раз в год.

Спор обострился. Автора проекта поддерживала молодежь. Однако горячность и красноречие ничего не могли сами по себе добавить: требовались доказательства, правильные расчеты. Электронная вычислительная машина, которая будет подводить итог спорам, остается равнодушной к авторитетам и желаниям, она понимает только язык цифр.

Голоса утихли и зал опустел, когда стало ясно, что незачем надрывать голосовые связки и сотрясать воздух. Но никто не уходил из фойе, потому что через полчаса станет известен со станции вычислительных машин результат: что — за проект и что — против него.

Киджи подошел к Новосельскому. Он рассказал о Руисе, Шкубине, Инге Михайловне. Новосельскому был неприятен этот разговор. Он заговорил о другом:

— Нас утяжеляет Земля со старыми представлениями о жизни на ней. Вот этот юноша готов игнорировать Солнце. Оно посылает нам лучи живительные и лучи смертельные. Попробуйте игнорировать космические излучения! Я долго работал над тем, чтобы создать особое покрытие для космического корабля. Мне удалось сделать внешне хамелеона: корабль меняет окраску, становится то черным, то белым — для отдачи тепла и отражения космических излучений. Нельзя забывать Солнце, надо почаще смотреть на звезды — там загадка жизни и смерти.

— Загадок еще хватает и на Земле,— Киджи старался идти в ногу с профессором.

— Человек познал достаточно, чтобы преобразить Землю. Но энергия дается ему не для опасных экспериментов. Да, мы имеем возможность растопить льды, срыть горы. Но зачем? Горы — это краса природы, зачем ее уничтожать? При надобности мы легко можем прорыть туннель. Я признаю необходимым использовать воду на Земле так, чтобы исчезли пустыни. Как раз это и делается в Казахстане.

Профессор, видимо, не хотел разговаривать о том, что волновало Киджи. Но Лео был упрям. Он сказал:

— Все это так. Однако я уверен: немало загадочного происходит за железными решетками «Ордена крови из ран Христовых».

— Чепуха! — резко ответил Новосельский.— Старый хлам! Смешно говорить об этом.— И он снова продолжал ту же мысль — о Солнце и звездах.

Сообщили результат со станции счетно-вычислительных машин — он был не в пользу автора проекта, замахнувшегося на Ледовитый океан.

3

Самолет пролетел над местами, откуда человек когда-то впервые поднялся в космос. Аэродром был южнее — среди песчаных холмов. Когда Киджи и его товарищи, увешанные корреспондентскими аппаратами, вышли из самолета, в лицо им пахнул горячий ветер. Киджи впервые видел настоящую пустыню. Над ней носились тучи песка, которые в беспощадных солнечных лучах светились жидким рыжеватым пламенем. Равнина была изрыта ветрами, всюду возвышались песчаные холмы, они желтыми волнами уходили за горизонт. Звенела высокая жесткая трава с дикими колючками. В мутном небе парили орлы, поводя распластанными крыльями.

На первый взгляд, это была неизменная пустыня, какой ее знали тысячи и тысячи лет. Но проехав после короткой остановки в пути еще около часа, Киджи увидел небольшой поселок с белыми стандартными домиками. Автобусы остановились. Корреспонденты пошли гурьбой вперед и поднялись на насыпь. Открылась изумительная для пустыни картина, но корреспонденты привыкли ни-

чему не удивляться. Просто была идеально прямая трасса широкого канала без видимого начала и конца. Пологие облицованные берега канала блестели, а глубоко внизу струился ручеек — осторожный разведчик нового пути для большой воды. Ни людей, ни машин.

Киджи подошел к краю пологого берега, наладил портативный киноаппарат. Он старался захватить суживающуюся вдали трассу канала и орла над ней. Мешал ветер, налетавший тугими волнами, с желтыми тучами песка. Киджи поскользнулся — и поехал по гладкому откосу вниз. Он упал, киноаппарат выпал из рук и разбился.

Внизу было тихо, не свистел ветер, только доносился сверху хохот друзей. Киджи отряхнулся и пошел к ручью, сдирая на ходу прилипшую к телу рубашку. Корреспонденты тоже поспешили вниз, скользя на ногах. Умывшись в мелком ручье, они решили не задерживаться, а ехать в город — он стоит в восточной стороне на берегу канала и там — шлюзы. Киджи захотел остаться здесь, возле небольшого поселка, пусть друзья заедут за ним на обратном пути.

Автобусы скоро исчезли в восточном направлении, и Киджи остался один. В стороне от поселка паслись лошади. Зачем они здесь, если все делают машины?

От поселка к каналу шли люди. Это были казахи. Киджи остановил свое внимание на старике с седой редкой бородкой, с белыми бровями, с темным сухим лицом и с палкой в руке. Старик был одет в теплый халат, на голове — круглая коричневая шляпа, на ногах мягкие сапоги. Таких стариков Киджи видывал в кинофильмах.

Казахи оживленно разговаривали. Киджи уловил знакомое слово «радио» и догадался, что по радио уже объявили об открытии канала.

Старик остановился на берегу и стал смотреть вниз, руки его покоились на гладко отполированной клюшкс. О чем он думает сейчас? Хорошо бы не степного орла, а вот этого коренного жителя пустыни заснять на пленку, да жаль аппарат сломан. Киджи подошел к старику и поклонился, стараясь выразить как можно больше уважения человеку преклонных лет. Старик внимательно рассматривал незнакомца. «Кто ты? — говорил его взгляд.— Я много повидал на свете людей, и мне всегда приятно было новое знакомство».

Он сказал что-то по-казахски, потом по-русски.

Его зовут Ертыс, что значит Иртыш, он родился на берегу Иртыша и приехал сюда к сыну.

Ертыс! Какое удачное имя, лучше не придумаешь. Старый Ертыс будет встречать воды Иртыша, Оби и Енисея. Об этом можно написать.

Люди, собравшиеся на берегу, возбужденно замахали руками, показывая на восток.

По каналу, сверкая в лучах солнца, катился белый кипящий вал, и оттуда доносился шум. Паривший в небе орел выгнул широко раскинутые крылья, сделал вираж и стремглав полетел в сторону. Шум усиливался, он перешел в протяжный нарастающий гул, затем в грохот. Задрожала земля. Уже совсем недалеко двигался по руслу канала водопад, весь в бурунах. Высоко взлетали брызги, и вместе с ними двигалась вспыхнувшая радуга. Пустыня присмирела. Кажется, даже ветер притих, песчаные вихри робко приплясывали на берегу, не решаясь перекинуться на ту сторону. Небо поголубело, в воздухе почувствовалась мелкая водяная пыль, а на востоке уже зародилось первое облачко — темное с одной стороны, розовое с другой — необычайное явление для лета в пустыне.

Водопад накатывался, заглушая крики восторга, щедро обдавая берег прохладной, косматой в брызгах волной; вода захлестывала и дорогу, проложенную вдоль канала, сильно нагревшуюся под солнцем, и над ней заклубился белый пар. Гремящий вал уже рядом. Ертыс уронил палку и поднял руки к солнцу. Вода кипела, заполнив все русло. Она неслась дальше на запад, где ее ждали с таким же нетерпением, как и здесь. И стало сразу прохладнее. Постепенно вода успокоилась, потемнела, и ветер поднял гребешки мелких волн.

— Пойдем к нам, гостем будешь,— пригласил Киджи Ертыс.— Сегодня праздник.

4

В доме Ертыса было многолюдно. Старик усадил гостя рядом с собой.

— Пей,— сказал он, подавая широкую чашу, наполненную молоком.— Это кумыс, напиток богатырей.

Киджи приходилось слышать об этом напитке. Медицина и фармакология поныне высоко ценят его целеб-

ные свойства. Оказалось, что в этом поселке коневодческая ферма, но она разводит не просто лошадей, а кобылиц и исключительно для получения молока, из которого здесь же приготовляется кумыс, он консервируется и отправляется в лечебницы.

Киджи пил холодный, кисловатый кумыс; вокруг было шумно, весело. Внимание его привлекал правнук Ертыса, юноша лет восемнадцати, с черными, как угольки, бойкими глазами. Он не отходил от радиоприемника и угощал собравшихся музыкой. В этом году юноша поступал в институт, и ему уже надо было быть в Москве. Но он задержался на два дня, чтобы увидеть большую воду в пустыне.

...Проснулся Киджи оттого, что рядом кто-то говорил, тихо и вкрадчиво. Киджи открыл глаза. В комнате было темно. Около кровати кто-то стоял.

— Что, машины пришли? — поднял голову Киджи.

— Нет. Извините, что разбудил вас.— Киджи узнал голос правнука Ертыса.— Я уже второй раз слышу по радио... Вчера в это же время... И вот сейчас: «Говорит Стебельков, говорит Стебельков», а больше ни слова. Откуда это? Я знаю, кто такой Стебельков.

Киджи не понимал спросонок, о чем говорит юноша. В темноте светилась шкала радиоприемника и слышалось его тихое гудение.

— Через полчаса снова повторится,— сказал юноша.

Киджи посмотрел на свои часы — было семь часов двадцать пять минут по московскому времени.

— Это будет через пять минут, потому я вас и разбудил,— опять извиняясь, сказал юноша.

— Послушаем,— Киджи отыскал свой магнитофон и придвинулся к приемнику.

Юноша тихо и как бы между прочим сказал, что он очень любит радио, сам сконструировал этот приемник, он принимает любую станцию.

— Пять минут прошли. Я не сбивал настройку...

Киджи включил микрофон.

Стояла тишина, и слышалось только монотонное гудение. Вдруг раздался мужской голос, он ясно произнес:

— Слушай, Земля! Говорит Стебельков, говорит Стебельков...— и смолк. Раздался дрожащий свист, как будто

то настройка сбилась. Юноша хотел что-то сказать, Киджи знаком руки удержал его. Свист прекратился. После непродолжительной паузы он возобновился, и так повторялось несколько раз. Порой Киджи казалось, что он различает быстро произносимые невнятные слова, временами звуки напоминали журчание ручейка или чириканье воробьиной стаи, но в общем это был вибрирующий свист. Приемник смолк. На этой волне больше не удалось услышать ни звука. Киджи закрыл футляр магнитофона.

— Включите свет,— попросил он.— Что ж мы сидим в темноте?

Вспыхнула лампочка. Бойкие глаза юноши блестели.

— Как вы думаете, что это?

Киджи помнил, что один из многих космических кораблей, находящихся в полете, носит имя Стебелькова. Юноша не знал этого или забыл.

— Я думаю, мы слышали голос одного из космонавтов,— сказал Киджи.— Но в вашем приемнике что-то не в порядке. Прием очень неустойчивый.

— Приемник хороший,— сдержанно сказал юноша.

— Ладно, выяснится. Не думаю, что только мы с вами слышали этот голос. Я буду в Москве и поинтересуюсь.

— Мне хотелось бы самому знать,— сказал юноша.— Тут есть что-то таинственное, потому я даже свет не включал — при свете все становится будничным.

— Романтика,— улыбнулся Киджи.— Я тоже из таких, только моя романтика немножко посуровее.

За окном раздался шум подошедших машин.

* *
*

Вернувшись в Москву, Киджи позвонил Новосельскому. «Нечто любопытное из радиосвязи с космосом» заинтересовало профессора. Через несколько минут Киджи появился в его кабинете.

— Евгений Викторович, если вы скажете, что космический корабль имени Стебелькова, отправившийся в сторону Сатурна, ведет передачи на Землю ежедневно в девятнадцать и девятнадцать тридцать по московскому времени, то я зря вас побеспокоил.

— Вы опять путаете,— сказал Новосельский и отодвинул от себя бумаги, лежавшие на столе. Вдруг он,

что-то вспомнив, спросил торопливо: — Длина волны — двадцать один сантиметр?

— Да, двадцать один,— вяло ответил Киджи. Он был разочарован: ничего неизвестного для Новосельского не существует.— Что это за станция?

— Не знаю. Думаю, что не наша.

— Но откуда вам известна длина волны?

— Предположение. Двадцать один сантиметр — эта длина должна стать чем-то вроде международного, в галактическом смысле, эталона. На нее легче всего наткнуться жителям других миров. Такова резонансная длина волн водорода, а водород — самый распространенный в звездном мире элемент. Но рассказывайте, рассказывайте же скорее, Лео, откуда вы взялись, с чем пришли?

— Я был на открытии канала Касsиб, и там в одном поселке... Не буду дальше объяснять, вижу, что не зря побеспокоил вас. Я записал радиопередачу на магнитофонную ленту. Могу продемонстрировать.

— Пожалуйста.

Киджи включил свой магнитофон. Раздался голос: «Слушай, Земля, говорит Стебельков...».

Новосельский вздрогнул и поднялся, опираясь руками о стол. Он побледнел, глаза его смотрели не мигая, будто перед ним появилась некая адская машина, которая издавала свист перед тем, как взорваться...

— Стойте! Выключите! — крикнул он.— Дайте сюда ленту. Ваш аппарат не годится... Все дело в скорости.

Новосельский выдвинул ящик стола — там стоял магнитофон. Киджи понял, что означает вибрирующий свист — это те же слова, но переданные в записи на большой скорости. Теперь они оба волновались одинаково и долго возились с магнитофоном, мешая друг другу. Но вот круг начал медленно вращаться. Первые звуки были просто скрежетом с жутким басовым завыванием. Потом вдруг заговорил обыкновенный человеческий голос. Он произвел такое впечатление, словно воскрес мертвый, встал и заговорил.

Ум сначала не отреагировал на услышанное, первые слова не остались в памяти — важен был прежде всего голос, но все остальное воспринималось, как спокойный рассказ человека, вернувшегося из длительного путешествия.

ГОВОРИТ СТЕБЕЛЬКОВ

1

...Наш корабль летел по круговой орбите. Слева была видна Луна. Ее изрытая поверхность с ярко освещенными гребнями гор и черными впадинами плыла мимо окна. Острые пики вершин, блестящие, длинные, были нацелены прямо в борт корабля, казалось, корабль вот-вот заденет их, распорет себе обшивку. Круглые цирки чернели и местами сверкали, словно огромные драгоценные кольца. Потом выплыла темная коричневая равнина.

Море Дождей, узнал я. А вот и цирк Архимеда.

Я сообщил на Землю: «Иду на посадку в районе цирка Архимеда». Закрылся в скафандре. Воздух из кабины выкачивался в освободившиеся от горючего баки. Предстоял самый ответственный момент — спуск. Двигатели были выключены. Корабль летел еще горизонтально, но уже при минимальной скорости. Скоро он снова примет вер-

тикальное положение, но уже хвостовой частью к Луне. Тогда надо включить тормозные двигатели и плавно прилуниться.

Луна стала сползать вниз. Впервые я увидел ее не над собой и не сбоку, а под ногами. Я включил тормоза и дал еще одну радиограмму.

В этот момент видимость исчезла. Ракету окутало желтое облако, оно клубилось за стеклами иллюминаторов. Я был в недоумении и подумал, что это, вероятно, лунная пыль, ее подняла струя газов от тормозных двигателей.

Однако не верилось, чтобы так высоко поднялась густым облаком пыль.

Желтизна рассеивалась, стала просвечиваться и скоро совсем исчезла. Снова я увидел Луну, спокойную и безучастную. Откуда же на такой высоте взялась пыль? Не было времени задумываться над этим. Внизу кольцевой хребет кратера грозно выставил острые зубья вершин, он был похож на крепостную стену с башнями и бойницами. Море Дождей имело мрачный пустынный вид. Холодно сверкали Кавказ и Апеннины. Дальше виднелись мелкие кратеры и цирки, как оспины на лице. Луна ждала гостей, распахнув свою обезображенную грудь с глубокими, бескровными, как у мертвеца, ранами расщелин, с громадными рубцами горных хребтов, местами похожих на оголенный позвоночник, с многочисленными язвами цирков и кратеров.

Я впервые летел на Луну. Я, разумеется, просмотрел все кинопленки, отснятые первыми путешественниками на спутник Земли, слушал их рассказы. Иные космонавты даже восторгались лунными пейзажами, они были там очевидцами необыкновенного по красоте зрелища. Сейчас лично я не присоединялся к их восторгам. Мертвое не может быть красивым. Самый пустынный и самый холодный уголок Земли был в тысячу раз приветливей «лучшего» района Луны с самым красивым названием, придуманным людьми на Земле.

Но что за фокус! Я снова увидел пыль, теперь уже в своей кабине. Как она могла попасть в наглухо закупоренную кабину? Она была не желтой, как исчезнувшее облако, а сероватой. Обшивка в кабине дрожала, местами обвисла. Я, неуклюжий в скафандре, поднял руки и ухватился за обшивку над головой. Но — удивительное

дело! — заклепки дрожали, шатались и вываливались из металлического корпуса корабля, как гвозди из трухлявого дерева. Сыпалась серая зола. Обшивка срывалась. В корпусе образовались дыры, и в них проглянуло черное небо.

«Металл разрушается! — ужаснулся я.— Неужели это действие непонятного желтого облака? Ведь это гибель». И я дал радиограмму: «Встретил желтое облако. Идет разрушение металла ракеты. Катастрофа неизбежна. Сюда лететь нельзя. Отложите отправку других кораблей. Лететь ни в коем случае нельзя. Прощайте!»

Мне хотелось передать на Землю как можно больше. Но сигнальный глазок рации погас. Я не знал, что получилось из этой радиограммы. Связи нет и больше не будет — это мне показалось самым страшным. «Все, конец...— подумал я.— Как жаль! Цель совсем рядом».

Цель независимо ни от чего и против моего желания продолжала катастрофически приближаться. Тормозные двигатели были выключены из-за опасности взрыва. Ни о каком управлении ракетой нечего было и думать, она падала на Луну, а там ждали острые гребни гор...

Ракета разломилась пополам. Я видел внизу отделившуюся заднюю часть ее с двигателями и запасом горючего. Моя кабина падала следом, не отдаляясь. Металл вокруг был уже не металл, а нечто похожее на спрессованную золу. Его можно было свободно отламывать кусками, проткнуть пальцем. Будь вокруг Луны атмосфера, она, струями, со свистом ворвавшись в многочисленные дыры кабины, разнесла бы ее на куски. Но я пока что находился за стенками непрочной скорлупы. Так или иначе, гибель все равно неотвратима. И все же, несмотря на полную безвыходность положения, я что-то пытался сделать — сорвал мягкую внутреннюю обшивку кабины и укутался ею, как одеялом.

В последнюю секунду я подумал о матери...

Удар был резким и беззвучным. Я упал во что-то рассыпчатое и горячее и потерял сознание.

2

Было так, как бывает только во сне, когда глубокое забытье оставляет и начинают видеться неясные картины, а потом все исчезает и вот снова что-то видишь, но сов-

сем другое, несвязное, быстро меняющееся, и сколько времени длятся сновидения, определить невозможно.

Я утратил понятие времени, не мог уложить его в земные дни, часы, минуты. Я не знал, сколько пробыл в состоянии небытия — может, несколько минут, а может, целую неделю. И о себе ничего не знал — жив, сплю, брежу ли? Я почувствовал, что плыву куда-то, качаясь на мелких волнах. Или это несли меня? Попробовал открыть глаза и не мог. Сверху лежало что-то, заслоняя свет.

Опять было забытье. А очнувшись, я услышал голоса, торопливо произнесенные слова, совершенно непонятные. Я вздрогнул и хотел подняться, когда услышал русскую речь. Голос был тонкий, похожий на женский. Мать!? Но ведь я на Луне! А если на Земле, то мать никогда не спросила бы так:

— Русский человек, вы слышите нас?

Нас? Значит, тут не один...

Опять тот же вопрос — будто после тяжелой операции врач спрашивал: «Как вы сéбя чувствуете?».

Плохо ли, хорошо ли, но я чувствовал себя. Значит, был жив. Меня спрашивали по-русски, значит и я мог спросить на родном языке. И я произнес первое слово:

— Слышу.

Опять невнятный быстрый разговор, ни одного знакомого слова.

— Вы будете жить,— услышал я женский голос.

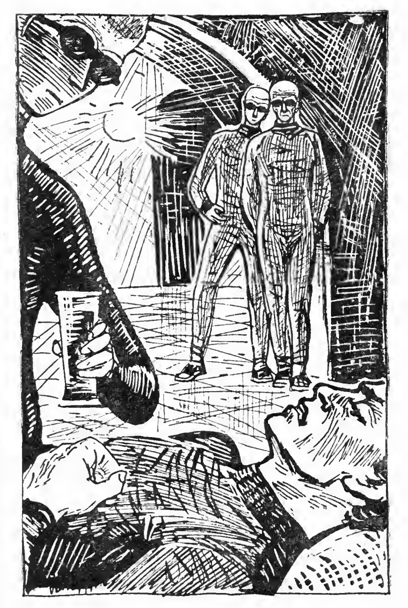
Я обрадовался, резко повернул голову, что-то черное и мягкое слетело с лица. Ослепительно яркий свет ударил прямо в глаза, ударил сильно, до боли, но я, охваченный радостным чувством, не сомкнул век. Я увидел густое аспидное небо, пересеченное лучистыми линиями. Свет падал косо, как слепой дождь. Он струился по гладким скалам, нестерпимо резал глаза своим металлическим блеском. Я прикрыл веки.

— Выпейте это,— совсем рядом тот же голос.

Я приоткрыл глаза и увидел тонкий прозрачный стаканчик, его держали длинные гибкие пальцы, белые и просвечивающиеся. В стаканчике дрожала желтоватая жидкость. Мне вспомнилось желтое облако.

— Выпейте. Вам станет легче.

Мне приподняли голову, и я выпил безвкусную тягучую жидкость. Она подействовала возбуждающе. Теперь я разглядел, что по бокам высились не скалы, а стояли

цельные сводчатые опоры, промежутки между ними были заполнены какими-то лохматыми растениями зеленовато-го и фиолетового цвета. Вверху были гнутые перекрытия и, вероятно, стекло. Антрацитовое небо чернело в угольчатых проемах.

«Люди» не показывались, но временами слышались шаги и тихий непонятный разговор. Свет ослабел. Теперь стало лучше видно в глубину, и я разглядел, что между опорами были точно деревья с гибкими стволами; переплетаясь, они тянулись вверх, крупные темные листья свисали в траурную тишину этого необыкновенного храма. «Люди» рано или поздно должны были показаться. Мне подумалось, что это должны быть безобидные существа, с мягкими без костей прозрачными руками, одноглазые и хвостатые. И я увидел их. Трое, они стояли у дальней стены и тихо, без жестов разговаривали, иногда поглядывая в мою сторону. У них было по две руки и по две ноги и не было никакого хвоста — зачем он человеку? И на руке у них — пять пальцев. Лица белые, головы лысые, глаза прикрыты очками, чернеющими издали, как пустые глазницы. Они приблизились.

Один, пожилой, с впалыми щеками и морщинистым лбом, вероятно, был старшим, он держал в руке какой-то блестящий прибор, вроде пульверизатора. Другого, пониже ростом, с легким белесым пушком на подбородке, с едва заметным румянцем на щеках, можно было назвать молодым человеком, если бы не голый череп. Третий... Но это была женщина, и я сразу же вспомнил ее тонкий голос и узкую прозрачную руку, державшую стаканчик с желтоватой жидкостью. Лицо ее имело мягкий овал, оно было очень бледным, с голубоватыми тенями возле очков; на голове светились волосы, короткие и редкие.

Все трое были одеты в цельные костюмы из мягкой сероватой материи, напоминающие комбинезоны. Бледнолицые, в серой одежде, с черными кругами очков вместо глаз, молчаливые, какие-то медлительные, они напоминали растения, вытянувшиеся в темноте, казались безжизненными существами, лишенными теплой крови,— вероятно, в их жилах текло нечто вроде березового сока или той жидкости, которую я пил, как лекарство. Да, эти люди были совсем из иного мира. Возможно, они выросли в подземных городах, боятся света; это люди с холодной душой и таким же холодным, как водоросли, телом.

Так подумал я и очень удивился, когда увидел их глаза. Я увидел глаза женщины. Свет еще больше ослабел, в помещении стоял сумрак. Женщина подошла и, приподняв очки, посмотрела мне в лицо. Я вздрогнул. У женщины были большие красные зрачки глаз. На белом безжизненном лице они казались особенно яркими, алели, словно две кровоточащие раны. Женщина отошла в сторону, исчезла, потом появилась с тем же стаканчиком в руке, в нем теперь была розоватая жидкость.

— Выпейте.

Лекарство подействовало очень скоро. Захотелось спать, приятная истома разливалась по всему телу, и все стало безразлично. Я почувствовал, что сейчас усну, усну крепко и, может быть, не проснусь никогда. Я снова опустился в темный мир небытия.

3

Но я проснулся. Я почувствовал себя вполне здоровым и удивительно легким. Голова оказалась обритой. Биологическая обработка, подумал я. Осмотревшись, я увидел, что лежу не там, где очнулся в первый раз. То был большой зал с высоким сводом и ползущими вверх гибкими стеблями густолиственных растений. Здесь была небольшая комнатка без окон и дверей с очень толстыми стенами, сделанными, похоже, из молочно-белого плексигласа. Такой же был и пол. Полусферический потолок просвечивался насквозь, наружная сторона его была покрыта краской или каким-то дополнительным сплавом черного цвета. Койка, на которой я лежал, была собрана из тонких трубок. Около нее стоял небольшой гладкий столик с белым шкафчиком внизу. В комнате больше ничего не было.

Я встал, прошелся по шероховатому полу и снова почувствовал себя необыкновенно легким. Я заметил на стене две круглых, как пуговицы, ручки. Потянул первую — открылась дверца, в нише был умывальник. Потянул вторую — здесь был шкаф — в нем висел костюм, похожий на те, что носили неизвестные мне люди.

Как только я закончил свой несложный туалет, раздался тонкий мелодичный звон и засветилась еще одна ручка, на противоположной стене. Затем обозначилась

дверь, она открылась, толстая, как и стена. Я увидел женщину с красными глазами.

Мне хотелось бы получше рассмотреть это удивительное существо, но мое любопытство и пристальное внимание могли посчитать невежливостью, и все же я не мог оторвать взгляда от необыкновенных глаз. Да, они были красными и сияли, как раскалившиеся угли. Их оттеняли длинные пушистые ресницы, которые, насколько я мог рассмотреть, были не из отдельных волосков, а как бы из веточек, сцепившихся друг с другом. На нижнем веке ресниц не было. Из глаз лился розоватый свет.

Я молча поклонился.

— Здравствуйте! — Женщина произнесла довольно правильно это трудное русское слово и протянула руку.— Ильмана.

— Николай.

Мне понравилась эта простота знакомства. И рука Ильманы оказалась совсем не холодной, а теплой и мягкой, как и у всякой молодой женщины.

— Вы неплохо выглядите, даже хорошо,— сказала она живо, но без улыбки.— И дела ваши идут хорошо. Можно поздравить с прибытием на Луну.

— Благодарю вас,— я снова поклонился.

— Эта комната предназначена вам. Прошу не чураться и спрашивать меня, если что потребуется. Я имею в виду необходимое для человека. Поначалу давайте решим такой вопрос: время завтрака, обеда и ужина.

Она стала объяснять, как урок ученику, сказала, что поставит на столик часы, для удобства заведенные по московскому времени. Я слушал и недоумевал: ну, ладно, пусть она знает русский язык, может быть, потом выяснится, откуда и как. Но меня удивили шаблонные слова «предназначена», «не чураться», «решим вопрос», «имею в виду». Однако я промолчал.

— А теперь идемте завтракать,— пригласила она.— Дверь открывается так: надо нажать ручку...

Мы шли словно в туннеле, слабо освещенном,— стены сплошь закрывались ползучими растениями, которые сцепились и переплелись вверху,— вышли в круглый просторный зал, тот самый зал, в котором я очнулся. Стало ясно, что весь этот дом похож формой на крытый летний цирк: зал занимал место арены, вокруг был коридор, от него к внешней стороне—комнаты. Двери всюду были ав-

томатические, толстые. И было сумрачно. Тускло поблескивали сводчатые опоры, густой аромат шел от темнозеленой и фиолетовой листвы, всюду была чистота.

В зал по-одному вошли хозяева дома, их оказалось восемь вместе с Ильманой — единственной женщиной. Мужчины были приблизительно одного возраста, если считать поземному, тридцати пяти—сорока лет, совершенно лысые или с легким мягким пушком на голове. Ильмана была моложе. Они пришли в сумеречный зал без очков, и их красные глаза сияли огнем.

Только один был намного старше всех остальных, тот, которого я видел вчера, если словом «вчера» можно назвать время, когда мне дали лекарство и я уснул. Ясно, что человек этот является здесь как бы старейшиной, он вошел последним, и все почтительно приветствовали его наклоном головы, приложив правую руку ко лбу. Ильману он потрогал пальцами за подбородок, вероятно, приласкал, и я подумал, что она, пожалуй, дочь этого старика.

В стене раздвинулись двери, и в зал въехал длинный овальный стол. На нем стояли закрытые кастрюльки, примерно такие, в каких подают первое блюдо в поездных ресторанах. Когда стол остановился, из-под него вы-

двинулись сидения — стулья с низкими спинками, их оказалось девять. Хозяева не ждали гостя, значит один из них отсутствовал.

Старик сел за узкой стороной стола, рядом с ним — Ильмана. Свободное место оказалось на другом конце стола, против старика. Я стоял, ожидая приглашения. Старик поднялся и заговорил, поглядывая на меня красными глазами. Речь его была краткой. Язык красноглазых приятен для слуха, в нем изобилуют мягкие звуки. Я хорошо уловил только одно слово, произнесенное несколько раз,— «Улла». Ильмана перевела сказанное на русский, причем перевод был еще короче:

— Магистр нашей научной станции Кайбол от имени всех нас, прибывших сюда с планеты Альва, приветствует человека Земли. Пусть он займет место за нашим общим столом. Не пожелает ли сказать в ответ что-либо человек с Земли?

Я пожелал. Ильмана предупредила:

— Говорите коротко и только правду.

Я выразил благодарность за внимание и высказал сожаление, что не удалось выполнить задание своего правительства. Наша цель была — создать на Луне советскую научную базу, вслед за мной планировалось отправить сюда несколько кораблей.

— Будет ли предоставлена мне возможность сообщить о случившемся на Землю? — прямо спросил я, надеясь, что Ильмана переведет мои слова.

Но Кайбол не стал ждать перевода. Сурово нахмурив морщинистый лоб, он медленно ответил по-русски, с трудом подбирая слова:

— Мы ответим не скоро. Мы изучаем положение на Земле. Пока довольно!

Старик принялся за еду, и все склонились над кастрюльками.

Тут, видать, вели аскетический образ жизни. Завтрак состоял из кастрюльки жидкой каши. Сама кастрюлька, собственно, была консервной банкой, с которой снята крышка. Кашу слегка подогрели, и на этом кончилось ее приготовление. Кроме того были фрукты — без косточек, длинные, как сосиски, вкусом напоминавшие сливы. И еще стакан крепкого настоя, горячего и приятного, все пили его маленькими глотками. За столом стало оживленнее, даже суровый Кайбол глядел веселее.

«Альва,— думал я.— Обитаемая планета. Она, конечно, за пределами солнечной системы. Альва...».

Это слово созвучием напомнило мне об альбиносах [1], о которых приходилось когда-то читать. На Земле встречаются люди с бесцветными волосами и красными зрачками глаз, они видят только в полумраке. Наука не установила причины столь странного явления.

После завтрака, когда альвины — так окрестил я людей далекого мира — стали расходиться, Ильмана сказала:

— Я врач, и вы будете под моим наблюдением. Но имейте в виду, что у меня есть и другая работа, поэтому прошу выполнять все мои требования.

— Что это за работа?

— Вы не должны задавать подобных вопросов,— строго заметила она.— Придет время — узнаете. Впрочем, это зависит от вас, целиком от вашего поведения, прошу правильно понять меня. Сейчас у меня есть немного свободного времени, и мы осуществим одно мероприятие, намеченное магистром.

— Мероприятие? — меня очень удивило это слово.

— Да. Мы осмотрим помещение.— Ильмана говорила холодно и бесстрастно, как будто спешила повторить давно наскучившую роль.— Я покажу то, что вам необходимо знать.

Оказывается, коридор не образовывал замкнутого кольца, формой он напоминал подкову, концы его упирались в тамбур, тут же помещалась кухня с выходом в центральный зал. От коридора к внешней стороне располагались жилые комнаты и лаборатории. Возле каждой двери вверху светилась красная кнопка — до нее едва можно дотянуться рукой.

— Вы не курите? — спросила Ильмана.— Очень хорошо. Впрочем, курить здесь все равно нечего. Вам придется бывать на кухне. Соблюдайте осторожность, чтобы не вызвать пожара. Кому не известно, что он возможен там, где есть кислород. Здесь пожар принес бы гибель всем нам. Чтобы потушить пожар, возникший в любой

---

[1] Альбинизм (от латинского слова albus — белый) — отсутствие пигмента в коже, волосах и радужной оболочке глаз, сквозь которую просвечиваются кровеносные сосуды, отчего глаза кажутся розово-красными.

комнате, достаточно нажать эту кнопку — в потолке откроется щит и кислород улетучится.

Возле одной из дверей Ильмана остановилась, внимательно посмотрела на меня.

— Здесь кабинет магистра. Если вы вздумаете заглянуть сюда, это кончится для вас очень плохо.

— Можете надеяться на меня,— заверил я.— Извините, но я осмелюсь задать несколько совсем невинных вопросов.

— Послушаем.

— Вы дочь магистра Кайбола?

— Да. Еще? — Она смотрела строго, но чуть заметно улыбнулась.

— Почему его называют магистром?

— Я подбирала из вашего языка подходящее слово и не нашла. Профессор, хозяин, начальник, руководитель — все это не то. Может быть, «магистр» у вас означает другое, но само слово мне понравилось, и я назвала Кайбола так. Для вас, вероятно, это не имеет особого значения.

— Никакого,— согласился я.

— А для моего отца тем более. У нас вообще нет никаких титулов и званий.

Ильмана показала комнаты общего пользования, и больше смотреть, кажется, было нечего. Мне очень хотелось спросить, откуда она знает русский язык, но этот вопрос был из тех, которые задавать рано. Я понимал: они не доверяют и надо еще доказать, что я заслуживаю доверия. Я спросил о другом:

— Из моих вещей ничего не сохранилось?

— Только сумка. Костюм и белье мы вам заменили.

— А где сумка?

— Она обгорела. Пришлось выбросить.

— Обгорела? — удивился я и вспомнил, как упал во что-то рыхлое и меня охватило жаром.

— От удара ваш корабль сильно разогрелся,—быстро объяснила Ильмана.— Вы не догадывались об этом?

— Жаль,— вздохнул я.

— О чем вы жалеете? Если бы не скафандр, вы сами обгорели бы.

— В сумке было кое-что важное для меня.

— Вы это получите.

— Большое спасибо! Я очень вам благодарен. Вы спасли мне жизнь.

Ильмана молчала.

— Какое-то желтое облако и вдруг...— начал было я, но Ильмана строго посмотрела на меня.

— Идите в свою комнату. У меня больше нет времени для разговоров. До свидания!

— До свидания, Ильмана!

Делать было совершенно нечего. Я присел к столику и задумался.

Альвины будут строго хранить свои секреты. Зачем они здесь? — Надо бы это узнать. Но как? Требовать, просить? Пожалуй, это бесполезно.

4

Ильмана надела мне на бритую голову нечто вроде тюбетейки с блестящими бусинками, которая прилипла к коже, словно пластырь.

— Не снимайте три часа — это необходимо,— сказала она.

Мне было неприятно, я чувствовал себя арестантом, но противиться не стал.

Ильмана ушла. Я скоро забыл о странном головном уборе. Я думал о Земле, о людях, которые не знают, что со мной, и о моей неожиданной встрече с альвинами. Если бы я оказался один среди лунного безмолвия, хотя бы и с запасом кислорода и пищи, но без связи с Землей,— все равно не стоило бы бороться за жизнь, это бессмысленно. Я летал высоко в небе, много раз выбрасывался с парашютом, падал в море, и никогда ничего не боялся. Там была надежда на спасение, там было с чем бороться — с водой, собственной усталостью и временной нерешительностью. Здесь, одиночке, закованному в скафандр, против чего бороться? Надежду на помощь я оборвал категорически решительной радиограммой: «Сюда лететь ни в коем случае нельзя». Сброс контейнера с беспилотной ракеты ничего не изменил бы: Луна для пешего в скафандре человека — все-таки очень большая планета, и на ней невозможно найти посылку с Земли.

Но судьба моя сложилась иначе, и пока к лучшему. Альвины — не просто разумные существа. У них высокая цивилизация. Я не мог предположить, что они появились

здесь с враждебными целями и, раздумывая, постепенно проникался уважением к ним...

Ильмана пришла ко мне не через три часа, а раньше. На этот раз она была приветливее. Она сняла с меня колпак и сказала:

— Все идет хорошо. Магистр разрешил вам прогулку.

Я догадался, что они проделали со мной. На моей голове был электроэнцефалограф, или подобный ему прибор для регистрации биотоков мозга, и, видимо, они узнали, о чем я думал эти два часа. Я смутился и стал перебирать в памяти, не было ли в моих мыслях чего-либо нехорошего. Но, очевидно, ничего такого не было, если мне разрешили прогулку. Это — первое проявление доверия.

* *
*

Полусферический дом стоял в пещере, сделанной в одной из сторон огромной трещины, расколовшей кольцевые горы цирка Архимеда. Издали похожий на юрту, он отчетливо виднелся в темноте. Солнечные лучи ударялись в противоположную сторону трещины, отражаясь, тускло освещали другую ее сторону, отсвет проникал и в пещеру.

Я, Ильмана и Тэл оказались в подлинно лунном мире. Тэл был тот самый альвин, которого я, очнувшись после падения на Луну, увидел вместе с Кайболом и Ильманой. Тэл узнал, что Ильмана и человек с Уллы отправляются к месту катастрофы, и вызвался сопровождать их в опасном путешествии, вернее, сопровождать Ильману.

В скафандрах, с запасными баллонами за спиной, мы поднимались по зигзагообразному дну трещины. На Земле такой подъем оказался бы невозможным. Здесь же с необыкновенной легкостью мы взбирались на кручи, прыгали с одной на другую, пролетая пространство до десяти метров; случалось, падали, но падение было легким, без ушибов. Лунный мир не казался нам безмолвным, потому что мы все время разговаривали (в шлемах скафандров были миниатюрные рации), особенно Ильмана и Тэл, не столько из обоюдного интереса и надобности, сколько для того, чтобы Кайбол мог слышать и следить за нами. В наглухо закрытом скафандре каждый слышал собственный голос, свое дыхание и дыхание спутников.

Когда мы выбрались из трещины, мир сразу же преоб-

разился. Ослепительиое, как луч мощного прожектора, иаправленный из темиоты в упор, сияло солнце, холодное и сииеватое, переливающееся ртутью. Не мигая, светились звезды, и висел огромный полудиск Земли. Страиное смешение дня и ночи!

Коиец трещииы вывел к подиожию кольцевых гор. Я обериулся и посмотрел вверх. Гориая цепь, освещеиная солнцем, сверкала, словно алмазная. Теиевые скаты были почти иевидимы, чернели, как пустота. Создавалось впечатление, что горы лишены объемиости.

Виизу расстилалась темио-коричиевая равииа — «море». Она коичалась недалеко, за ней чернела пустота и светились звезды. Горизонт был почти рядом, иа расстояиии двух-трех километров. Низко над равииой редким еле заметиым желтоватым туманом ползла пыль, поднявшаяся в электроином слое, который создается ультрафиолетовыми лучами Солнца.

— Можно считать, что мы прошли половииу пути,— сказала Ильмаиа.— Дальше будет легче.

Мы шли по ровиому «морскому» дну. Встречались кругообразные светлые пятна — следы врезавшихся метеоритов. Под иогами попадались твердые обломки породы. Впереди вспыхиул желтый фонтан — как сиаряд взорвался, только без звука.

— Метеорит,— сказала Ильмана.

Пришлось обойти это место, чтобы не иаступить на раскалившиеся от удара камии. Вдали сверкнула россыпь звезд.

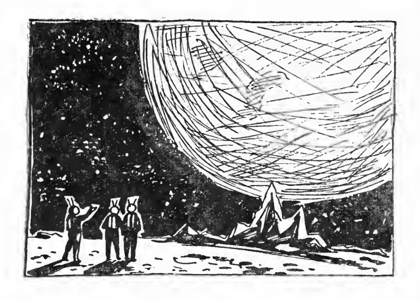
— Горы. Кратер. И левее — тоже...— услышал я голос Ильманы.— Мы почти у цели.

Я не видел никаких следов падения своего корабля.

Полудиск Земли спустился ниже, голубая дымка, покрывавшая его, поредела, проступили едва различимые очертания материков. Хорошо можно было разглядеть Каспийское море, территории Средией Азии и Казахстана, над которыми ие было облаков. Я сказал Ильмане, что отчетливо видимая часть Земли — моя Родина.

Она молча посмотрела. Тэл что-то спросил. Ильмана ответила. Ои сказал два-три слова, довольно резко. Она коротко бросила «йю». Мне это ие понравилось, и я заметил:

— Нехорошо разговаривать при посторонием иа языке, которого ои ие поиимает.

Это был упрек, Ильмана поняла его.

— Вы знаете английский?

— Да. У меня мать—учительница английского языка.

— В таком случае, вы можете разговаривать с Тэлом без переводчика.

— Он знает английский язык? — удивился я.

— Как я русский... Вы не очень догадливы. И очень хорошо, что мало спрашиваете... Но как нам быть — я не знаю английского, а Тэл ни слова не понимает по-русски! Как соблюсти приличие?

«Ясно, они специализировались каждый на определенном языке» — понял я и окликнул Тэла:

— Хэлло, Тэл! Как вам нравится вид моей родной планеты?

Тэл, услышав слова английского языка, страшно обрадовался и выпустил целую тираду, щедро пересыпанную восклицаниями.

— О Ник! — позволь тебя называть так — это же здорово! Оказывается, мы можем понимать друг друга! Я и не подозревал. У нас только Кайбол знает кое-что по-английски, но он наскребет в своем черепе не более двух десятков слов, чтобы составить деловую фразу. Как, по-твоему, я владею английским?

— Здорово! — подражая Тэлу, весело ответил я.— Словно голливудский герой. Мне показалось, что вы с Ильманой, разговаривая, прошлись насчет моей родной планеты. Не так ли?

— Ты прав, дружище! Я сказал, что на твоем месте мне было бы очень обидно видеть свою планету так близко и не иметь возможности слетать туда хоть на пару дней.

Мне стало весело. Я был рад, узнав Тэла поближе. Оказывается, он с хорошей душой. Мрачный лунный пейзаж, исполненный в четырех красках — черной, белой, голубой и коричневой,— сразу как-то преобразился, повеселел. Мне подумалось, что Тэл может быть хорошим другом, он много разговорчивей Ильманы, даже обмолвился о Кайболе.

— Ты тоже прав,—сказал я.—Мать-Земля рядом... Досадно — хоть плачь! Чувствую, тебе и Ильмане понятно мое настроение. Спасибо, Тэл!

В наш оживленный разговор вмешалась Ильмана.

— Я вижу, попала в общество плохо воспитанных мужчин. Они говорят на незнакомом мне языке, и я уловила свое имя. Это вдвойне неприлично. Что вы сказали обо мне, отвечайте! Иначе рассержусь!

Я понял, что она шутит.

— Я попросил Тэла передать ваш разговор о Земле, только и всего.

— Больше это не повторится.— Голос ее был строг.— Вернемся, и я сразу же начну изучать английский язык.— Она остановилась и показала рукой: — Вот здесь вы прилунились. Не совсем удачно, к сожалению. Но могло быть хуже.

От веселого настроения не осталось и следа, горько стало у меня на душе.

В том месте, где упал охваченный быстротечным холодным тлением корабль, остался лишь продолговатый холм серой золы. Еще виднелись лоскутья внутренней обшивки кабины и лежали кислородные баллоны — они уцелели, потому что были сделаны из пластмассы. Я отчетливо представил себе, как все это произошло.

...Неуправляемый корабль падал отвесно. Он падал со скоростью во много раз меньше той, с какой он падал бы на Землю. Но не по этой причине я не разбился насмерть. Металл разрушался, и рыхлый корпус корабля стал свое-

го рода амортизатором. Я был в нем, как хрупкий прибор в мешке с песком. Я не разбился, но потерял сознание.

А кругом расстилалась пустынная безжизненная равнина, местами покрытая слоем пыли.

5

Ильмана вернула то, что хранилось у меня в сумке,— селенографическую карту, блокнот и карандаш. Я захватил его по привычке, приобретенной в военном училище.

Но сейчас самой дорогой вещью для меня была фотокарточка матери, вложенная в блокнот. Я брал ее с собой во все полеты, и никогда со мной не случалось несчастья. Единственно верный, ничем не заменимый талисман! Я вырос, не зная отца, зато хорошо знал, что такое мать! И конечно взял с собой ее фотокарточку. Когда я спрашивал у Ильманы, что сохранилось из моих вещей, то думал прежде всего о фотографии матери. И вот она здесь — значит нет безвыходного положения.

Я поставил фотокарточку к стене, на столик, сел, раскрыл блокнот, взял карандаш и задумался. Я мог бы вести дневник, но в жизни никогда этим не занимался и не любил писать писем. Блокнот был маленький. Я решил использовать его для самых важных записей.

Прежде всего надо добиться разговора с самим Кайболом. Пока удавалось видеть его лишь за обеденным столом. Магистр как будто не замечает присутствия человека с Земли. Последнее время он больше молчит, озабоченный чем-то...

Я вырвал листок и написал записку Кайболу. Если альвины знают русский язык, значит сумеют прочесть ее. В тот момент у меня и в мыслях не было, что это был первый в истории дипломатический документ, свидетельствующий о начавшихся взаимоотношениях человечества Земли с людьми другой планеты. Я даже не поставил своей подписи и называл себя в третьем лице:

«Что магистр Кайбол намерен сделать с человеком Земли — гость он здесь или пленник?

Почему людям Земли не дают нормально прилуниться? Их цель — изучение спутника Земли, и препятствия, создаваемые теми, кто прибыл сюда из-за пределов солнечной системы, нельзя назвать миролюбивыми действиями».

Теперь надо было увидеть Ильману и передать через нее записку. Но я сначала увидел Тэла, который запросто зашел в мою комнату. Тэл становился все общительнее. Как я заметил, это был доверчивый, с открытой душой альвин. Не нравился только его грубоватый язык, который никак не вязался с поступками Тэла.

Тэл увидел на столике фотокарточку и не взял ее, а только осторожно прикоснулся пальцами. На восторженном лице его засияли широко открытые огненные глаза.

— О, какая шикарная...

Он не договорил. Я схватил его за плечо и оттолкнул.

Тэл начал бормотать извинения:

— Ник, прости! Я сказал что-нибудь обидное? Извини, я не знаю других слов. Я объясню, только не сердись!

— Где вы научились таким словам? — спросил я.

И Тэл, чувствуя себя виноватым, рассказал:

— Я учился английскому языку по телевидению, так же, как Ильмана — русскому. Мы принимаем все передачи радио и телевидения. Но по радио язык не изучишь. Только по телевидению. Там видишь человека, видишь жесты, мимику, выражение лица и догадываешься о значении слова. Уходя, человек надевает шляпу и говорит: «Гут бай!» Понятно, что это значит. И так каждый сеанс узнаешь все новые и новые слова. Ты теперь веришь мне? Только все это между нами.

Мне подумалось, что и по телевидению невозможно изучить язык, и я с сомнением покачал головой.

— Ты не веришь?— переспросил Тэл.—Тогда могу добавить, что мы заглядывали в окна школ, были учениками первых классов. Но занятия в школах закончились, и теперь нам осталось только телевидение.

Заглядывали в окна школ? Трудно было поверить, но я не стал допытываться у Тэла, каким образом это удается им. «Вы не должны задавать подобных вопросов, придет время — узнаете»,— говорила Ильмана. Ясно было одно: Тэл усвоил язык телевидения, нахватался слов из пошленьких кинокартин, и глядя на фотокарточку матери, сказал не то, что думал. Он, конечно, не виноват, и я протянул ему руку.

— Все ясно, Тэл. Я просто не догадался... Будем считать, что инцидент исчерпан.

Вошла Ильмана. Каким-то образом она узнала о нашем резком разговоре.

Тэл начал что-то объяснять ей. Конечно, она, осматривая мою сумку, видела фотокарточку, и теперь сразу поняла, из-за чего у нас с Тэлом получилась маленькая стычка.

— Это — моя мать,— сказал я, поправив на столе фотокарточку.

Ильмана осторожно взяла фото и стала рассматривать.

Мать фотографировалась давно, когда была молодая.

— В жизни она такая же красивая? — спросила Ильмана.

— Она лучше. В тысячу раз!

Фотография не была цветной, нельзя было судить о цвете глаз, лица, губ, волос.

— А какие у нее глаза?

— Почти голубые.

— Голубые? — Ильмана посмотрела вокруг, выискивая, с чем бы сравнить.— Такие, вероятно, как ваша Земля?

— Да, если смотреть на нее с Луны.

— Оригинально. А волосы?

— Темные. Немного посветлее неба над Луной.

— А губы?

— Красноватые, как ваши глаза.

— Это интересно.— Ильмана вернула карточку.

— А у вас мать есть?

Она ушла, задумчивая и грустная.

— Ник, о чем ты спросил ее? — вмешался Тэл.

— О ее матери...

— Зря. Не делай этого больше. У нее было горе.

Тэл хотел что-то добавить, но вернулась Ильмана, она словно забыла что-то. Выражение лица изменилось, взгляд был привычно строгим. Я вспомнил о своей записке.

— У меня к вам большая просьба. Передайте это магистру. Тут всего два вопроса.

— Прочтите. Я запомню и сообщу магистру,— сказала Ильмана.

Я прочитал. Она сухо заметила:

— Все это напрасно. Магистр сам хорошо знает, что и когда сделать в отношении вас. Есть события, которые не следует торопить... Но я передам ваши вопросы ма-

гистру. Кстати, от него к вам просьба, и я пришла именно по этому поводу.

— Я слушаю.

Ильмана сказала что-то Тэлу, и он ушел. Затем она изложила просьбу магистра, которая касалась состояния здоровья всех альвинов.

Они преодолели громадное расстояние от своей планеты до спутника Земли, долго находились в кабинах космического корабля. Да и сейчас условия почти те же. А предстоит еще длительное путешествие обратно. Как бы ни был хорошо оборудован корабль, в нем нет и не может быть всех условий для нормальной жизни. Это сказалось на состоянии здоровья альвинов. На своей планете они не такие бледные и вялые, как здесь. Особенно слаб магистр...

— Но чем же я могу помочь? — спросил я.

— Вас это не затруднит,— сказала Ильмана.— Но нужно, чтобы вы согласились от чистого сердца.

— Готов на все.

— Как врач, я знаю, что вы совершенно здоровы, у вас прекрасно развитая мускулатура. Мы сделаем запись биотоков вашего сердца, мышц рук и ног. Эта запись будет передана другому организму, ваши биотоки воздействуют на работу его мышц и придадут ему силу.

— Понимаю. Я согласен.

— Тогда приступим. Идемте в мой кабинет.

Я искренне хотел помочь альвинам, и не потому, что это мне ничего не стоило. Ведь между друзьями должны быть бескорыстные и честные отношения, а я надеялся, что мы будем друзьями.

6

Природа Луны не рождает звука. Так же никакого отзвука не услышал я на свой запрос. Кайбол, встречаясь за столом, смотрел на меня более дружелюбно — и только. Должно быть, еще не подошло время для ответа на мои вопросы. Тэл заглядывал в мою комнату, но долго не задерживался и уходил, ссылаясь на работу.

Безделие и оторванность от своего мира угнетали. Однажды я сказал Тэлу.

— Я здесь как американский безработный, только не голодаю. Дайте мне какое-нибудь дело.

И скоро Тэл объявил:

— Есть дело, опасное. Видишь ли, нам не хватает воды.

— Воды? Но разве здесь есть вода?

— Но ты же умываешься, пьешь кофе!

— Да, но откуда она?

— А вот увидишь,— пообещал Тэл.— Мы пойдем втроем. Будет еще,— ну, как бы тебе сказать? Инженер — вот как! Его зовут Грос.

— Когда пойдем?

— После обеда.

...В скафандрах, мы покинули дом и вышли за черту жизни. Наш трудный путь лежал не к выходу из расщелины, а вглубь ее. На куполе дома загорелся маяк, свет прожекторным лучом проникал в глубину, но там ничего нельзя было разглядеть.

От дома вниз шла резиновая труба, толстая и гибкая. Спуск облегчался тем, что можно было придерживаться за резиновую трубу. Она могла изменяться в поперечнике, и, таким образом, колебание давления внутри не грозило разрывом.

Я иногда задерживался, разглядывая причудливые неровности отвесных сторон расщелины. Тут удерживались вертикально и даже с наклоном высокие и кривые столбы, словно деревья без сучьев. В одном месте я увидел почти законченную скульптуру человека — будто распятие, только одна рука, уродливо-короткая, протянута вперед, словно ловила что-то. Черные глыбы всюду грозно нависали над головой и удерживались в одной точке; на Земле они непременно обрушились бы. И случись залететь сюда метеору, он натворил бы много бед.

Луч прожектора постепенно исчезал. Последний тонкий лучик уперся в выступ и здесь остановился. Дальше и всюду вокруг стояла непроглядная темень.

Грос включил лампочку над своим головным колпаком. Тэл и я сделали то же. Мы остановились отдохнуть, хотя я совсем не устал.

Три лампочки давали достаточно света, чтобы видеть вперед на десятки метров. Я недоумевал, почему мы не включали их до сих пор.

— Энергию экономим,— ответил Тэл, когда я спросил об этом.—Кто знает, сколько времени придется работать!..

Я осмотрелся вокруг. Трещина вверху расширилась метров, примерно, до ста, хотя дно ее, сплошь заваленное

обломками, было по-прежнему узким. Правая сторона нависала, левая поднималась террасами. На одной из площадок я заметил силуэт чего-то длинного, похожего на дирижабль, дальше — еще неясный силуэт, как расплывчатое темное облако.

— Что там? — спросил я у Тэла, но он не ответил.

Пошли дальше. Ничего похожего на воду я не видел. Легкие сухие камни перекатывались под ногами. В жутком безмолвии метались по каменным глыбам огромными призраками тени и приплясывали, как черное пламя.

Инженер, шедший впереди, что-то сказал.

— Скоро должен быть лед,— перевел Тэл.

Лед? Значит, здесь действительно есть ископаемый лед!

Труба закончилась. Конец ее был прикреплен к низкому вагончику на гусеницах, перед ним блестели два широких кривых ножа, соединенных углом, как плуг снегопаха. Тэл остановился. Грос пошел дальше, но скоро вернулся.

— Лед здесь,— сказал Тэл.

— Где? — Я не видел никакого льда, под ногами были те же серые валуны.

— А вот под этими камнями,— указал впереди себя Тэл.

Стало понятно, как добывается вода. Вагончик металлическим угольником раздвигает на обе стороны обломки лунной породы, плавит под собой лед и всасывает грязную воду. Там она фильтруется и идет вверх по трубе. Вагончик движется на гусеницах автоматически, по мере таяния льда. Но вот случилась неполадка, он остановился. Агрегаты продолжали работать, лунные камни нагревались — лед таял и отступал вглубь.

Предстояло сбить каменный выступ, в который уперся вагончик. Я увидел в руках Гроса какой-то прибор, наподобие простого фонарика. Светлый пунктир ударил в выступ и сбил его. Легкие лунные камни разлетелись, раскаленные.

Вагончик дрогнул, пополз без стука, словно черепаха, волоча за собой резиновую трубу — где-то наверху она выползала из дома, как бесконечно длинная скользкая змея. Грос, Тэл и я шли рядом. Металлический угольник раздвигал обломки, потом он постепенно остановился. Вагончик добрался до ископаемого льда и начал сосать

воду. Инженер осмотрел приборы на вагончике и подал знак возвращаться.

Инженер и Тэл часто останавливались, чтобы отдохнуть. Я чувствовал себя бодрым.

Высоко впереди засветился глаз маяка. Вдруг какая-то сила сшибла с ног Тэла и Гроса, шедших рядом. Завеса пыли скрыла их. О мой скафандр что-то ударилось сухим горохом.

«Метеорит! — подумал я.— Вот что самое опасное здесь, в глубокой расщелине,—отвесные стены ее могут обрушиться». Когда пыль осела, я увидел Тэла лежавшим на ровной площадке, рядом с ним стоял Грос. Одной рукой инженер ощупывал свой скафандр за спиной, другой делал мне какие-то знаки. Тэл то скрючивался в судорогах, то вытягивался. Я приподнял его и услышал в своем шлемофоне хрип:

— А, черт!.. Нечем дышать...

На скафандре Тэла был разбит кислородный баллон. Минута промедления, и он может погибнуть. Я показал инженеру на свой баллон, тот быстро отвинтил шланг от разбитого баллона и присоединил к моему скафандру. Тэл вдохнул кислород раз, другой и скоро встал.

— Слушай, Ник, ты спас мне жизнь,— сказал Тэл, медленно шагая рядом: теперь мы были связаны, дышали из одного баллона.

— Твой друг сделал бы то же...

— Он не мог помочь. Один из камней попал в него, ударил как раз в то место, где надо присоединить шланг. От удара металл сильно разогрелся, расширился, и Грос не смог бы привинтить мой шланг.

— Это был метеорит?

— Да. Но он ударился где-то выше, и на нас посыпались камни. Слушай, Ник, мы можем отдохнуть здесь, подождать, пока нам принесут запасной баллон.

— Зачем? Дойдем так. Хватит кислорода на двоих?

— Может быть,— ответил неопределенно Тэл,— но я, признаться, устал.

— Пойдем. Я тебя поддержу. Ты отличный парень.

— А ты спас меня. Я тоже задыхался...— напомнил я.

— Тебе больше помогла Ильмана.

— Слушай, Тэл, спрошу тебя прямо: тебе нравится Ильмана?

— Она шикарная...
—Оставь эти слова.
— А как я должен сказать?
— Она славная, хорошая, замечательная, может быть, красивая... Назови как хочешь.
Тэл не согласился:
— Что значит — славная? Чем она прославилась?
— Не понимай буквально, Тэл.
— Хорошая — сухо, замечательная — бессмысленно. Ты, Ник, сказал: может быть, красивая...
— Да. Я сказал так, потому что не знаю точно: я из другого мира.
Тэл помолчал. Впереди тускло вырисовывался купол дома. Луч прожектора исчез, маяк светился слабо, как глаз альбиноса.
— Я люблю ее,— тихо сказал Тэл,— признаюсь тебе, как другу, Ник.
— Это самое хорошее слово. Она для тебя — любимая...
— Но от него мало радости. Она меня не любит, и я обречен в старости на одиночество,— вздохнул Тэл.
— Она еще полюбит тебя.
— А если нет?
— Тогда вернешься на свою Альву и полюбишь другую девушку.
— Ты шутишь! — усмехнулся Тэл.— Второй раз полюбить невозможно. Не надо было мне...— он умолк.
— Ильмана сама сказала?
— Зачем об этом говорить? Я знаю.
Дом был недалеко. Грос ушел вперед. Тэл устал, и мы присели отдохнуть. Разговор этот для меня был интересен. Мы не боялись, что нас услышат. Ильмана только начинала изучать английский язык, Кайбол, по словам Тэла, понимал его плохо.
— Ты не можешь знать, Тэл,— сказал я.— Это только предположение...
— Ошибаешься, Ник. Я тебе объясню.
То, что рассказал Тэл, было для меня еще одной неожиданностью. Альвины узнают мысли друг друга на расстоянии. Удивительные ресницы их есть не что иное, как рецепторы неведомого нам шестого чувства. Эти рецепторы достигают полного развития к тому времени,

когда альвин становится взрослым... Теперь мне стало понятно, почему они обычно неразговорчивы.

Все-таки я пытался утешить Тэла:

— Почему же Ильмана покинула родину на такой большой срок? Чтобы быть с отцом? Нет, Тэл, вас судьба свела, и навсегда.

— Судьба! Пустяки говоришь. У нее погибла мать. Тогда Ильмана была подростком. Она решила никогда не разлучаться с отцом.

Тэл уже второй раз заговаривал о матери Ильманы, но уклонялся от объяснений, и сейчас он не добавил к сказанному ни слова.

7

Фотокарточка матери стояла на столике рядом с часами. Сейчас взгляд матери показался мне иным. Всегда ее глаза были немножко печальными — как будто тогда еще, десять лет назад, фотографируясь, она почувствовала, что перед сыном откроется далекий, опасный путь. А тут я увидел глаза ее строгими и ожидающими — так обычно смотрит учительница на своего ученика.

Неслышной легкой походкой вошла Ильмана. Я встал и поклонился. Ильмана хотела что-то сказать, но увидела фотокарточку и подошла к столику. В ее взгляде не улавливалось любопытства, и нельзя было заметить в розовых зрачках печали, но все лицо ее выражало печаль.

Нет, она не была красавицей. Лицо ее, лишенное губ и того свежего цвета, который придается горячей молодой кровью, не могло быть привлекательным.

Ильмана повернулась ко мне.

— Идемте, Николай. С вами хочет говорить магистр.

Наконец-то Кайбол соизволил принять человека с Земли! Интересно, что он скажет?

Ильмана осталась возле двери, ведущей в кабинет магистра. Она предупредила:

— Вы должны внимательно слушать и ни о чем не спрашивать. Преждевременные вопросы бесполезны.

Я вошел, толстая дверь беззвучно затворилась.

Тут мало что напоминало кабинет. Это была скорее лаборатория. Кайбол сидел за маленьким столиком. Длинный щит с множеством приборов отгораживал бóльшую часть комнаты; высотой он был вровень с глазами, и я увидел, что вся другая половина комнаты заполнена

аппаратурой. Магистр поднялся. Чериые тени лежали под выпуклыми надбровными дугами, но эти густые тени не могли притушить яркого пылания необыкновенных глаз.

Кайбол медленно заговорил по-русски, иногда делал паузу.

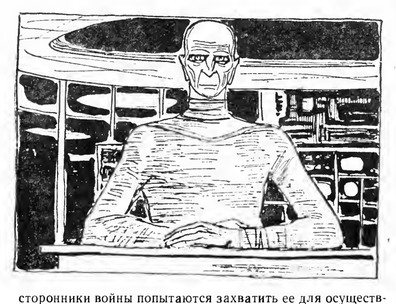
...Давно люди Альвы установили на Луне автоматическую станцию для наблюдения за Землей. Эта стаиция зарегистрировала два очень сильных взрыва на Земле и передала сообщение на Альву. Там поняли, что на далекой Улле создана атомная бомба. Это встревожило альвинов. Однако опасность таилась, оказывается, миого ближе. Соседняя с Альвой планета Рам нанесла неожиданный удар. Атомные взрывы унесли десятки тысяч жизией. Ответной мерой было полное уничтожение иа планете Рам всякого оружия, а заодно и цивилизации, но без человеческих жертв.

Затем Член Высшего Совета Альвы Кайбол с группой помощников отправился к Улле, имея чрезвычайные полномочия действовать по обстоятельствам, потому что связь с Альвой занимает очень много времеии.

Экспедиция только недавно прибыла на спутник Уллы и прежде всего занялась изучением языков — их оказалось много. Невозможно было сразу узнать истинное положение дел на Улле. Но экспедиция точно выяснила, что первые зарегистрироваиные сильные взрывы были атомные, ими уничтожены два города. Ядерное оружие совершеиствуется, уллииы смело проникают в космос.

И все же не это беспокоило Кайбола. Задача его усложнялась. Оказывается, то, что разделяло Альву и Рам на два совершенно разных по своему устройству мира, разделяет одну планету на два лагеря. Симпатии Кайбола и всех альвинов, понятно, на стороие лагеря мира и процветания. Экспедиция задерживается здесь потому, что у сторонников войны есть план — создать на спутнике свою базу и начать отсюда атомную бомбардировку плаиеты. Это явилось бы вынесеиием войны в космос, и тогда Кайбол не останется безучастным...

Он, Кайбол, видит, что его гость — представитель лагеря мира и справедливости, ему будет оказываться то виимаиие, которое он заслужил и еще заслужит. Но ему пока не будет предоставлена возможиость сообщить о себе. Если на Улле узнают, что здесь уже есть готовая база,

сторонники войны попытаются захватить ее для осуществления своих преступных целей...

Кайбол сел за столик. Я продолжал стоять — в комнате не было лишнего стула. Многое мне стало ясно, но хотелось бы знать, что же сейчас происходит на Земле? Однако спрашивать не стал: если я заслужил доверие, скоро все выяснится.

— Зачем же вы так недружелюбно встретили меня?

Магистр болезненно нахмурил лоб.

— Мы не знали, кто летит сюда, нас ввело в заблуждение это...— он подошел к щиту и нажал одну из множества кнопок. Послышался тихий шелест, затем раздался громкий голос:

— Сейчас выступит инженер Болд Чарны, разработавший новый проект в завоевании космоса. Пожалуйста, господин Чарны!

Невидимый Болд Чарны откашлялся за щитом, заговорил лающим голосом:

— Их приоритет в завоевании Луны весьма и весьма сомнителен. Мы не будем брать во внимание посадку там космонавтов на очень короткое время. Мы надеемся, что в самое ближайшее время наши астронавты достиг-

нут Луны, и это будет началом создания постоянной базы...

Запись на этом кончилась.

— Ни одна советская станция не передавала ничего подобного,— сказал я.

— Но это было сказано на вашем языке.— Кайбол двинул голой кожей на месте бровей.— Нас ввели в заблуждение, мы не сразу поняли, чей это голос, и на всякий случай приняли меры .. Вы не знаете, чем занимается компания «Атлантик»?

Я слышал об «Атлантик-компани», но не знал точно, чем она занимается. Судя по названию, возможно, строит морские суда. Но я не сказал этого. Предположения неуместны.

— Производит ли она мощные ракеты? — уточнил вопрос магистр.

— Если дают заказы и деньги,— осторожно ответил я.

— Вы слышали такое имя — Дин Руис?

— Никогда. Кто это, разрешите спросить?

— Сын Пата Руиса, генерала в отставке, президента этой компании,— сказал Кайбол.— Дин Руис летит выручать вас.

— Меня? Летит на Луну, несмотря на опасность, не считаясь с предупреждением! Ведь на Земле получили мою последнюю радиограмму?

— Да. И ваше правительство поступило правильно, временно отменив космические полеты. Не надо рисковать жизнью людей. Если все пойдет хорошо, недоразумение с вами скоро выяснится. Но почему рискнул Дин Руис?

— Ради славы и денег.

Кайбол промолчал — видимо, он не соглашался со мной.

— Сейчас вы услышите передачу на английском языке. Начало ее мы не успели записать, но Тэл исправил свою ошибку.

Прозвучал конец непонятной фразы и затем:

— В наше время практически стали возможны полеты к другим планетам и в глубины космоса на огромные расстояния, и печать много уделяет внимания тому, каким должен быть астронавт. Это — молодой человек, двадцати — двадцати пяти лет, с высокими интеллектуальными способностями и, так сказать, нормальный до

ненормальной степени. На Земле мы видим его футболистом, водолазом, акробатом, летчиком, парашютистом. Физические данные его безукоризненны, и, что очень важно, у него есть непоколебимая вера в необходимость своего подвига и возвращения на Землю.

Но нам нет надобности в отвлеченном воображении. Мы знаем имя идеального астронавта. Это — Дин Руис. Да-да, сын почтенного Пата Руиса, президента «Атлантик-компани», акционерный капитал которой составляет пятнадцать миллиардов долларов.

Дин хорошего сложения, у него короткая шея — это поможет ему выдержать страшную нагрузку при подъеме в космос. Сердце и легкие совершенно здоровы, мускулы достаточно развиты. Заметим, кстати, что чрезмерно большая мускулатура астронавту нежелательна — в условиях невесомости упражнять ее трудно. Дин Руис — высоко образованный молодой человек. Он вполне подготовлен к полету в космос. Испытания показали, что он не страдает «морской болезнью», функции пищеварительной системы не нарушаются невесомостью. Дин испытывался с помощью гигантской центрифуги в непроницаемой камере с повышенным и пониженным давлением. В порядке подготовки, он облетел вокруг Земли в космической ракете «Икс — 19».

Наружность космонавта не играет какой-либо роли, но мы свидетельствуем, в добавление к сказанному, что Дин Руис красив. А счастье красивых людей только на Земле. Вот почему мы глубоко верим в успех Дина Руиса, он благополучно вернется на Землю. Дин твердо обещал выяснить тайну гибели русского космонавта.

Итак, счастливого пути, Дин, счастливого возвращения на Землю!

Слушайте, слушайте нас! Передаем новое сообщение. Ракета «Сириус» прошла первые сто тысяч километров. Дин радирует, что чувствует себя отлично. Ему очень нравится коньяк марки «Джон-Дженни». Он уверен, что отыщет следы русского парня. Слушайте нас! Следующая передача в тринадцать часов...

Грянула музыка. Кайбол выключил магнитофон.

— Что вы скажете?

У меня все еще стоял в ушах голос Земли. Он радовал и в то же время вызывал недоумение: почему Дин Руис? Почему не Иванов или Петров, а Руис?

— Не ради русского парня полетел он,—уверенно сказал я.

Кайбол молча кивнул головой. Он снова включил магнитофон, и я услышал иной голос, гудящий, как похоронный колокол, — это была проповедь какого-то священнослужителя.

— ...Вы ждете от меня слова. Какого слова вы ждете? Нет больше слова для вас, ныне будет сказано последнее.

Неблагодарные богу, что вы натворили на Земле? Поздно уже говорить, что в большинстве человеков прочно угнездилось упорство, недоверие к сословиям, руководящим от бога, и множество пороков. А почему? Правдивый ответ только в словах пророка: «Вы оставили источник воды живой и наделали водоемов с трещинами, в которых не держится вода». Источник этот — вера.

И все больше охотников до чужой собственности, и все больше забывается наставление апостола: «Никто не ищи своего, а каждый пользы другого». Противобоговы правительства и их безбожные народы поносят веру и имя его самого... А что вы сделали в защиту веры? Молчите же! Богочеловек, нисшествие которого на Землю было предопределено небесами, не явится к вам. Вы не защитники его, вы понудили отвратить от вас святой лик его.

Что же ждать теперь? Грядет день страшного суда. От взрывов, от землетрясений и потопа погибнет мир. Где спасение? Человек уже исчезает с лица Земли. Он закапывается в недра ее или устремляет взор свой к ближним планетам...

Проповедь смолкла.

— Это старо,— сказал я.

— Нет, тут есть и кое-что новое,— не согласился Кайбол.— Человек ищет спасения на других планетах... Но послушаем Москву.

И вот на Луне зазвучал голос Москвы!

— Как сообщалось в прессе, «Атлантик-компани», получившая огромные взносы от семей, которые могли сделать такие взносы, приступила к сооружению подземных городов одновременно в нескольких странах. Миллионеры очень торопили Пата Руиса со строительством этих городов. Но последние сообщения говорят о том, что «Атлантик-компани» прекратила строительные работы. Неужели проект не реален? Тогда почему тысячу счастливых

семей, которым была обещана безопасная, спокойная и с комфортом жизнь в течение всей войны, это нисколько не взволновало и они не требуют назад свои деньги? Создается впечатление, что они возлагают большие надежды на полет Руиса, устремляя взоры к Луне...

Щелчок — и в кабинете установилась тишина.

— Те, кто хочет развязать страшную войну, могут избрать Луну своим убежищем — оно здесь готово,— медленно сказал магистр.— Больше того, отсюда будут угрожать атомным ударом и диктовать свою волю, требовать смены правительств.

— Да, это возможно,— сказал я.— И все же войны не будет. Мир сильнее войны.

Кайбол усмехнулся, черные глубокие морщины рассекли вдоль его лицо и исчезли.

— Мы у себя тоже так думали и жестоко поплатились. Вас просто обрадовал голос Земли. Вы невнимательно слушали. Голос родной матери всегда кажется приятным, ласковым.

— Ошибаетесь, магистр,— смело взглянул я на Кайбола.— В голосе родной матери я различу любую нотку. И не все на Земле родное для меня.

Кайбол помрачнел.

— Мы никого не пустим сюда с оружием и не допустим атомной войны. Исчезнет все оружие, погибнут машины, города, мосты, но останутся живы люди. Лучше жить под открытым небом, вспахивать поле обломком дерева, чем лежать мертвым под красивым памятником. Люди труда не пропадут, а о тех, кто живет чужим трудом, я не думаю, и никто не пожалеет их. Люди труда начнут заново создавать цивилизацию. Смотрите! — Кайбол резко встал, шагнул к белому щиту, усеянному приборами, и протянул сухую с длинными пальцами руку к желтому выпуклому кругу.—Вот — стоит повернуть, и огромный снаряд полетит к Земле. Он врежется в ее атмосферу, без взрыва раскроется и...

— Желтое облако окутает Землю,— закончил я.

— Да, желтое облако, как вы называете...

— Но ведь несчастье обрушится на всех! И на тех, кто хотел мира и жил справедливо! — воскликнул я.

— Знаю,— коротко бросил магистр.— Это-то меня и удерживает.

— Слушая только радио, трудно узнать истинное по-

ложение дел,— осторожно заметил я.— Можно ошибиться, причинить страшные бедствия, а окажется, что в этом не было необходимости.

— Вы правы,— сказал Кайбол.— Поэтому мы будем действовать вместе с вами. Согласны?

— Да,— ответил я.— Но у нас нет полной информации.

— Мы будем знать все,— твердо сказал Кайбол.— Я научился читать. Я ознакомлюсь с последними приказами военных штабов, с их планами...

Я слушал и ничего не понимал. Находясь на Луне, читать бумаги, которые там, на Земле, спрятаны от посторонних глаз в сейфы, охраняются, как документы сверхсекретной важности!

— Возможно ли? — пробормотал я.

Кайбол не ответил, и я понял, что вопросы насчет этого бесполезны. Я не мог не верить ему. Да, он будет знать все, может обойтись и без меня — это особенно беспокоило,— и я напомнил:

— Значит, вы не будете предпринимать решающего шага, заранее не поставив меня в известность об этом, не станете действовать без моего согласия?

— Разумеется. Иначе наш союз невозможен.

— Благодарю вас,— я немного успокоился.— А что мы сделаем с Дином Руисом?

— Задержим его. Пусть поживет с нами.

— Согласен.

Первая наша беседа закончилась тем, что Кайбол подарил мне очень нужную вещь — не совсем обычный магнитофон. Широкое мягкое кольцо с маленькими, словно пуговицы, дисками надевалось на голову. В каждом диске помещался моток тончайшей магнитной ленты. Для записи не нужно произносить слов, можно диктовать мысленно. Если оставить магнитофон включенным, запишутся все мысли, которые могут возникнуть по тому или иному случаю, но это была бы напрасная трата микропленки. Подсчитано, что если заснять все, что видит человек в течение дня на Земле, то на это понадобилось бы не менее 15 километров пленки. Человек видит и мыслит, думает о множестве вещей. О том, что он видит, он рассказывает в три раза медленнее, чем думает теми же словами. Сколько же нужно пленки, чтобы записать все его мысли!

Я должен был экономно использовать микроленту, думать только о самом важном. Я верил, что вернусь на землю, мне легче будет рассказать людям о пережитом, если будет сделана магнитофонная запись.

Нужно было сначала хорошо вспомнить прошедшее. У меня были кое-какие записи в блокноте. Я надел кольцо, включил магнитофон и стал мысленно рассказывать о том, что произошло во время полета к Луне, о встрече с альвинами и о первой беседе с Кайболом.

ТОЛЧОК В ПЯТЬ БАЛЛОВ

1

Если листки из блокнота Киджи рассказывали о докторе Шкубине одно, то профессор Дольц говорил о нем другое. По словам старого профессора, Валентин Шкубин — добрый человек: он тратит небольшое наследство отца на больных и науку. Но его всю жизнь преследует несчастье. Он искал уединения и независимости, но будучи слабохарактерным всегда находился в зависимости и прежде всего от своего отца. Доктор Шкубин пытался лабораторным путем создать живую клетку. Узнав об этом, отец запретил ему подобные опыты. Религия находит возможным разрушать жизнь, выводить новые виды растений и животных, но непостижимым считает первичный акт творения жизни — это принадлежит всемогущему. Доктор, видимо, не верил в сверхестественные силы, но подчинился отцу. История эта была хорошо известна

Дольцу. Профессор не хотел близких отношений с доктором Шкубиным из-за «ордена». Неприятно было видеть каменные стены и решетки: за ними ум человека может только погибнуть, но не развиваться.

На Ингу доктор произвел впечатление человека добродушного, немного рассеянного и не совсем здорового. Он не спросил у Инги, откуда она родом. Очевидно, для него было достаточно одного телефонного разговора с профессором, которого он уважал. Инга была довольна. Зачем вызывать чувство недоверия у своего соотечественника, давно покинувшего родину?..

Она пришла к Шкубину во второй раз. Его не оказалось в лаборатории. Инга поднялась на веранду и увидела там старуху служанку. Та сказала, что доктор в клинике, и попросила подождать.

Инга увидела аквариум и в нем — саламандру. Узкое пятнистое тело скрылось за камнями.

Внизу, за деревьями, раздались хрустящие шаги. Показался Шкубин. Тяжело дыша, он поднялся по ступенькам.

— Здравствуйте, фройляйн... Жара ужасная.

Да, день был, кажется, жаркий, но Инга этого как-то не замечала: бывая в пустыне, она привыкла и не к такой жаре.

Доктор пригласил ее к себе в кабинет. Там он выпил воды и вдруг спросил:

— Не хотите ли, фройляйн, пойти ко мне работать лаборантом?

Инга растерялась.

— Но... Я работаю.

— Я заплачу больше, чем платит вам Дольц. Наблюдая за вами, я убедился, что вы хорошо знаете дело.

— Спасибо за такой отзыв и предложение, но я не могу, господин доктор.

— Жаль,— сказал Шкубин.— Однако я невежлив. Хотите что-нибудь выпить, фройляйн?

— Что вы, господин доктор! Я вообще никогда... И к тому же очень жарко.

— Я достану холодного.— Шкубин, не слушая возражений, открыл холодильник, который стоял тут же, и достал бутылку.

— Это хорошее виноградное вино. Как доктор, я не вижу никакого вреда от него. Вы знаете, фройляйн, что

в таком вине содержится около трети таблицы Менделеева?

Он налил Инге и себе.

— Что-то слышала об этом, но не особенно верю,— рассмеялась Инга.

— А вы попробуйте. Тут есть даже алюминий и титан. Выпейте алюминия, его содержится всего лишь один грамм на тысячу литров.

— Что ж, уступлю вам, господин доктор,— она подняла рюмку.— Выпью несколько микрограммов алюминия, а заодно и титана.

— Будьте здоровы! — Шкубин тоже выпил.— А теперь вернемся к моему предложению. Мне очень нужен помощник, хотя бы на короткое время.

У Инги возникла мысль: «Пожалуй, дня на два-три следует согласиться. Если я допустила ошибку, слишком доверившись ему, то надо исправить ее. Шкубин очень заинтересовался моими анализами, и за этим что-то кроется. Он принимает меня за лаборантку профессора, я не буду разуверять его, лишь скажу об этом Дольцу».

— Вы раздумываете, фройляйн,— тихо сказал Шкубин.— Это хорошо. Я не тороплю вас.

— Господин доктор, мне положен отпуск, и я...— Инга запнулась, подумав: «Как нехорошо лгать, кажется, впервые это со мной. Однако, если верить Киджи, он тоже скрывает что-то вместе с Патом Руисом. Но если это неправда, я потом попрошу извинения». И она закончила: — Я располагаю свободным временем. Но мне хотелось бы отдохнуть. Впрочем, я согласна поработать с вами дня два-три, а потом... Там видно будет.

— Вот и прекрасно! — воскликнул обрадованный Шкубин.— Вы можете эти дни жить у меня. Свободных комнат много. Фрау Эльза отлично вас устроит. Договорились?

— Договорились,— сказала Инга, подумав, что на полпути не останавливаются.

— Примите тогда еще несколько микрограммов алюминия и титана.

— За наш успех в работе, господин доктор!

Инга не думала об опасности. Профессор Дольц будет знать, где она, и при необходимости поставит в известность Новосельского. Впрочем, не придется ничего сообщать. Она верит в свои силы. Риск есть, но он увле-

кателен. Жизнь была бы скучной, если бы человек знал все наперед и делал только положенное. Иногда нужно переходить эту черту, надеяться только на себя.

Доктор сказал, что он поставил перед собой трудную задачу — разгадать тайну порошкообразной массы. Он обещал это профессору Дольцу и не хочет выглядеть в его глазах беспомощным. Надо попытаться лабораторным путем получить такой порошок, он напоминает ржавчину, только цвет его другой.

Инга слушала и не верила Шкубину. «Да, я поступила правильно, согласившись на его предложение»,— думала она.

Они спустились в лабораторию. Шкубин подал ей кусок железа и попросил тщательно очистить и обсушить, чтобы не осталось ни капли влаги. Железо было помещено под стеклянный колпак. Шкубин повернул кран на шланге, присоединенном к черному высокому баллону, который был сделан, похоже, из пластмассы. Колпак стал наполняться желтоватым газом.

— Действие этого газа,— пояснял Шкубин,— сходно с действием водяного пара, вызывающим ржавчину.— Он закрыл кран на шланге.— Теперь нам делать здесь нечего, оставим так на сутки. Вы, фройляйн, будете заходить сюда через каждые два часа. Вот журнал — отмечайте внешние изменения. Здесь есть щуп. Видите? — Шкубин потрогал ручку сверху колпака.— Внутри острый стержень. Вот так пробуйте прочность металла. Если процесс будет проходить бурно, поставьте меня в известность, даже среди ночи. Это очень важно. А пока можете сходить за своим чемоданом. В вашем распоряжении — ровно два часа.

Инга так и сделала. Она успела съездить не только в отель, но и к Дольцу. Она сказала профессору, что ради анализов будет два дня жить у Шкубина — работа предстоит очень интересная, возможно, потребуется не выходить из лаборатории. Пусть профессор считает ее в эти дни своей лаборанткой.

Старый профессор удивленно посмотрел на нее, задумался и, вспомнив что-то, улыбнулся.

— Со мной в юности было похуже,— сказал он.— Я кончил университет и, не найдя работы, поступил к одному ученому в качестве прислуги. Углубленный в свои дела, он и не подозревал, кто я на самом деле. Я не зря

провел целый год в его доме. Такой библиотеки, как у него, я больше нигде не видал. Что ж, пожелаю вам успеха. Доктор Шкубин — порядочный человек.

С чемоданом в руке Инга вернулась за железную ограду. Единственный вход во владения Шкубина был возле клиники, и дежурный в белом халате заранее знал, кого можно пропустить к господину доктору.

2

Прошло два часа, четыре, шесть, восемь — брусок под стеклянным колпаком оставался таким же твердым, как и положено быть железу, но вечером, придя в лабораторию в пятый раз, Инга заметила сквозь желтую газовую завесу, что цвет железа изменился, стал серым. Трогая железо щупом, она сцарапала немного пылинок. Пепельный след возле реки и эти пылинки, возможно, были явления одного порядка, только образовались они в процессе разной интенсивности.

Доктор рано ложился спать и рано вставал. Инга не стала беспокоить его. Она поднялась в свою комнату. Там фрау Эльза проводила вечернюю уборку. Кончив уборку, старуха не ушла — поставила ведро с водой и палку в коридоре, вернулась в комнату и попросила разрешения присесть. Инга разрешила. Женщина устало присела и положила на колени руки. Бледное, скуластое лицо было изрезано морщинами. Редкие седые волосы. Маленькие, серые, выцветшие глаза. Женщина долго сидела, опустив голову, иногда украдкой взглядывала на Ингу, как будто собиралась спросить или заговорить о чем-то, но не решалась, и снова устало горбилась.

Что видела эта женщина на своем веку? Работу, беспрекословное подчинение хозяину. Странно видеть такое в конце двадцатого века. Вот что значит островок, отгороженный от жизни. Эта женщина, родившаяся в семье батрака и доживающая свой век батрачкой, о чем она может думать? Интересуют ли ее каналы на Марсе, изменение климата на северном полюсе? Вероятно, нет. Она думает об одном: когда руки не смогут работать, найдется ли крыша, под которой можно спокойно умереть?

— Трудно вам, фрау Эльза? — спросила Инга.— Вы целый день на ногах.

Женщина вздрогнула, качнулась на стуле.

— Нет, не трудно. Тяжело, когда ничего нет. Все чужое.

— Вашему хозяину легче.— Инга хотела завести разговор.

— Он тоже несчастный,— вздохнула фрау Эльза.

— Почему же?

Старуха не ответила.

— Вы давно здесь работаете? — спросила Инга.

— Давно. С тех пор, как сын перестал говорить.

— У вас есть сын? Что же случилось с ним?

Фрау Эльза прикрыла глаза и, покачиваясь на стуле, стала рассказывать. Она оказалась доверчивой собеседницей.

У них — муж работает здесь же, садовником,— кроме Томаса был еще сын, старший. Его звали Франц. Он любил книги и на свой риск поехал в Берлин учиться. Чему он там учился, фрау Эльза не знала. Потом Франц вернулся и стал работать в библиотеке. То был год радостных надежд. Муж Эльзы, без ноги, с протезом, мог выполнять только легкую работу садовника. Томас ходил в школу. Вся надежда была на Франца. Его любили, к нему ходило много людей.

— Видно, так уж устроена жизнь, что хорошему простому человеку счастья на земле не видать,— горестно покачивала головой фрау Эльза.— Да и хотел ли Франц счастья только для себя? Он ничего не говорил мне, но пошли разговоры, а их я считала глупостью: подумать только — Франц хочет взорвать горы, чтобы дать сюда доступ свежему ветру с востока. Чем взорвать? Книгами? Не глупо ли! А ведь кто-то поверил...

Как-то в дождливый день в городе был митинг. Я не пошла. И муж, на деревянной ноге, не пошел. А Томас вернулся из школы, бросил книги и убежал на площадь. Я слышала шум, песни и ждала чего-то страшного. И не ошиблась.

Я услышала стрельбу. Потом прибежал Томас, его нельзя было узнать. Он был весь белый, дрожал, плакал, задыхался, что-то хотел рассказать, но получалось только: рга-рга... Он, маленький, видел, как убили Франца, и так был потрясен, что перестал говорить.

Эльза вытерла глаза и лицо рукой, потом снова заговорила о сыне — не о Франце, а о Томасе.

— Господин Шкубин обещал вылечить, но старания его оказались напрасными. Тогда он, добрый человек, дал работу всей нашей семье. Томас все еще надеется на излечение. В последнее время он очень изменился: чувствую — он хочет покинуть нас.

Старуха посидела еще несколько минут. Инга не тревожила ее вопросами — совсем иные мысли занимали ее. Фрау Эльза вышла в коридор и загремела там ведром. Потом послышался шлепок мокрой тряпкой.

Спать не хотелось — было еще очень рано. Инга включила радиоприемник, настроила на Москву. Передавали концерт. Пел молодой женский голос, не очень сильный, чистый и немного грустный. Инга не могла запомнить всех слов песни, улавливала только смысл их. В песне говорилось о том, что Земля — не песчинка в вихре множества миров... Женский голос утверждал нечто странное: все — и звезды эти и планеты — движется вокруг Земли. И жаловался: так далеки стали расстояния, расставания на сто лет. И все же сердце верит во встречу. Тот, кто улетел далеко-далеко, непременно вернется. Он будет тосковать по Земле, чувствуя земное тяготение даже за Полярною звездой.

Инге стало грустно. Не о ней ли сложена эта песня? Она осмотрелась вокруг: старинные тяжелые двери, узкое стрельчатое окно, темная комната с низким потолком. Инга подошла к окну: Альпы, утихающее пламя заката, маленький городишко, коттеджи, «фройляйн», «господин» — все это странно и в то же время интересно. И, вероятно, немало загадочных событий происходит в этом захолустье. Никто не имеет права вмешиваться в дела «Ордена». Это — маленький энклав, особое государство, расположенное на территории другой страны, все равно как тот стеклянный колпак, отграничивающий от внешней среды кусок железа, который оставлен под действием желтоватого, как болотный туман, газа.

Желтый туман, «желтое облако»! Не в этом ли кроется загадка?

3

Она побывала в лаборатории в двенадцать часов, в два часа ночи и, не отметив больше ничего особенного в опыте, поднялась к себе в комнату и легла спать. И вскоре—а может, так показалось — почувствовала

сильный толчок и проснулась. Дребезжало окно, скрипнула и сама распахнулась дверь. Упала плитка штукатурки и рассыпалась. Где-то звякнуло стекло.

Что это — взрыв? В лаборатории? Инга посмотрела на часы. Четыре! Она быстро оделась и спустилась вниз. Там было все как и прежде, но, подойдя к столику, на котором стоял стеклянный колпак и под ним лежало железо, она заметила, что брусок утратил острые углы. Она потрогала их щупом. Углы отвалились. Инга забыла о том, что заставило ее проснуться. Она тщательно исследовала щупом железо. Щуп был острый, изготовленный из какого-то очень прочного материала, но только не металлический, он втыкался в кусок железа, как в тающий лед, входил на сантиметр и упирался в твердое. Отметив результат наблюдения на четыре часа, Инга вышла из лаборатории.

За окнами было темно. В доме всюду горел свет. По коридору ходил в халате Шкубин и осматривал окна, стены и потолок. Вид у него был озабоченный.

— Это — землетрясение, фройляйн,— сказал он.— Недалеко было землетрясение, да. Толчок баллов пять. Мне это сильно подействовало на нервы. А вы? Почему вы не спите?

— Я была в лаборатории.

— Господи! — воскликнул Шкубин.— Вы удивительный человек! Я не хотел, чтобы вы работали и ночью. Вот она типичная немецкая аккуратность. Что же вы отметили?

— Мне кажется, опыт удался,— спокойно сказала Инга.

— Опыт, опыт...— вздохнул Шкубин.— Я знал, что он удастся. Но вот не знаю, удастся ли мне теперь уснуть. Одно к другому, одно к другому...

— Вы недовольны?

— Я говорю о землетрясении. Хорошо, что дом прочный. Нигде ни одной трещины, только выпало одно стекло. Спокойной ночи, фройляйн!

— Спокойной ночи, господин доктор! — Инга пошла к себе в комнату, раздумывая: «Что за человек Шкубин? Простодушный и добрый или хитрый и коварный? Но пока думать плохо о нем я не могу».

Утром, в восемь часов, Шкубин в сопровождении своей лаборантки вошел в лабораторию.

Под стеклянным колпаком ничего не было, то есть там не было куска железа, но лежала пыль — продолговатой кучкой, напоминающей аккуратный могильный холмик,— ее было не более столовой ложки. Шкубин присел на стул, опустил голову, он долго оставался неподвижным и безмолвным.

— Выходит, если усилить концентрацию газа, процесс будет протекать несравненно быстрее,— сказала Инга, словно не замечая его состояния.

— Я не спал всю ночь,— сказал Шкубин, тяжело поднимаясь. Он посмотрел в окно, куда-то в пространство.— Ну-с, что же мы имеем в результате всего этого?

Открывать колпак было нельзя. Инга насосом выкачала желтоватый газ обратно в баллон. Шкубин следил за ней, и когда она откинула стеклянный колпак, сказал:

— А теперь повторим тот же анализ. Делайте все сами, фройляйн, я посижу.

Они перешли к квантоваку. Инга рассыпала пыль узкой дорожкой, накрыла светлым полушарием.

— Господин доктор, наденьте очки.

— Вы предусмотрительны. Спасибо, фройляйн,— устало сказал Шкубин и надел очки.

Инга включила прибор. Она делала все свободно, уверенно, даже лучше, нежели делал это сам Шкубин.

— Дайте мне карточку,— сказал доктор.— Это умная машина: сама анализирует и расшифровывает. Да, фиолетовые и синие линии сильнее красных.

Он, кажется, смутился, сказал не так, как надо бы, и долго рассматривал узкую темную полоску, пересеченную множеством линий всех цветов радуги и всевозможных оттенков. Потом руки его устало опустились на колени, и он задумался.

— Вы чем-то обеспокоены, господин доктор,— заметила Инга.

Шкубин ответил не сразу. Он поднял глаза, измученные бессонницей и сердечной болью.

— Нет. Я просто доволен. Мы имеем то же, что и принесенные вами пробы. Совершенно то же. Впрочем, не совсем.— Видите ли, когда неизвестный нам предмет летел к Земле с большой скоростью и не сгорел, а в какието секунды превратился в прах — это одно. Другое — когда мы испытываем кусок металла целые сутки и до-

биваемся примерно такого же результата. Сутки и секунды — тут есть разница.

— Но в принципе!

— В принципе — да. Вы правы. Надо усилить концентрацию газа, и на этот раз мы возьмем не железо, а сплав прочнейших металлов с примесью титана.— Он повеселел.— Вот поставим опыт, и тогда мы с вами тоже примем малую дозу титана и алюминия, а?

— Я замечаю, вам вредно это, господин доктор.

— Доктору не вредно, человеку — да,— он многозначительно поднял указательный палец.—Но доктор тоже человек. И у него есть в душе что-то такое, от чего нельзя вылечиться, и поэтому,—резко взмахнув рукой, он показал пальцем вниз,— порой хочется умереть. Честно, как подобает человеку.

«Он пьян,— подумала Инга.— Или просто расстроен. Неужели он такой... несчастный?» — вспомнила она разговор с фрау Эльзой.

Доктор встал, медленно прошелся по лаборатории, взял с полки кусок металла и подал Инге.

— Вот! Если это превратится в пыль хотя бы за один час — мы добились цели, фройляйн Инга.

Кусок был гладкий, сравнительно легкий, он матово поблескивал.

— Работайте! — сказал Шкубин и сел.

Инга положила металл на круглую плиту, накрыла колпаком, осторожно включила газ.

— Полное включение,— сказал Шкубин.

— Опасно, господин доктор. Шланг может лопнуть,— сказала Инга и повернула кран до отказа.

— Ничего. Нужно в короткий срок создать высокую концентрацию — в этом залог успеха.— Шкубин снял часы с руки и положил их на стол.

За несколько секунд прозрачный колпак стал коричневым, кусок металла нельзя было разглядеть.

— А если шланг или стекло не выдержат? — встревожилась Инга.

Шкубин встал и легонько отстранил ее рукой.

— Уйдите отсюда, фройляйн.

Инга не уходила.

На стенках стеклянного колпака появились капельки влаги.

— Я просил вас уйти! — повысил голос Шкубин.

— Не надо нервничать, господин доктор! — спокойно сказала Инга.— Работа есть работа, и я не имею права оставить вас одного.

Шкубин сам выключил газ и отошел.

— Да, работа,— задумчиво проговорил он.— Только для чего? Вот если бы... Ах, поздно, поздно,— вздохнул он, потом резко поднял голову,— что ж, опыт поставлен, можно идти. Вы заглянете сюда через час, а я все же попробую заснуть.

Возле дома, на ровной площадке, которую пересекала белая теннисная сетка (для чего она тут натянута, кто играет в теннис?), было жарко. Инга вошла в сад. Она думала о Шкубине, о его опыте. Пожалуй, Новосельский прав: пепельный след это остатки неизвестного Земле космического корабля, он «сгорел» вот так, как превратилось в порошок железо под стеклянным колпаком в лаборатории Шкубина. Не так ли погиб и корабль Стебелькова? Но откуда взялось возле Луны странное «желтое облако»?

Чем больше она думала, тем страшнее становилось ей. Теперь нельзя уходить от Шкубина — это было ясно. Однако она не знала, что же все-таки предпринять? Страшный секрет открывался только перед Шкубиным, ей же пока не удавалось понять, как он добился превращения металлов в порошок. Ее немного успокаивало то, что Шкубин доверчив, он производит опыты словно против своей воли и опасаясь их результата.

Инга остановилась перед решеткой. Тут кончались владения Шкубина. Дальше возвышались скалистые горы и шумел водопад. Небольшая речка срывалась с кручи белой струей, ударялась о камни, кипела, раскидывая брызги, растекалась на ручейки. От дома Шкубина шум водопада не слышен, значит она зашла далеко.

Инга повернула назад. Она продолжала думать все о том же, но мысль упиралась во что-то неясное, как эта тропинка в решетку, за которой были горы, высота и кипящий водопад. Ей вспомнился давно прочитанный рассказ о старике, которому далеко в море попалась очень большая рыба. Он должен был убить рыбу, которую жалел, иначе она победила бы его. И он думал: как хорошо, что человеку не приходится убивать Луну, Солнце, Звезды. Странная мысль пришла в голову старику! Знал ли он, называя рыбу другом, что и рыбы, и птицы, и рас-

тения, и человек состоят из одних и тех же сложных молекулярных соединений, все неразрывно связаны и, как говорит Новосельский, вскормлены Солнцем? Да, хорошо, что не приходится убивать солнце и звезды! Это непосильно, невозможно и губительно для всего живого.

Прошел час. Пора посмотреть, что же стало с куском металла, окутанного желтым газом.

В лаборатории было тихо. Желтел стеклянный колпак, словно заполненный мутной водой с глинистым осадком. Желтизна скрывала металлический брусок. Инга попробовала найти его щупом. Твердый острый стержень всюду упирался лишь в ровную круглую плиту под колпаком, как будто там ничего больше и не было. Значит, металл превратился в пыль...

Она сделала пометку в журнале. Надо было сообщить Шкубину, но он не показывался.

Инга подумала: «Нехорошо, что мы поссорились с Киджи, он честный, прямой, смелый. К тому же, он корреспондент, имеет право интересоваться любым делом в любой стране. Ни Дольц, ни Новосельский не смогут сделать того, что мог бы сделать Киджи. Это был бы надежный помощник».

Только к вечеру Шкубин появился на веранде, отдохнувший и веселый. Инга стала было рассказывать о результатах наблюдений, но Шкубин не хотел слушать.

— Я все знаю. Я это предвидел. Не лучше ли сыграть нам в теннис. Хочется немножко размяться.

— Лучше завтра,— сказала Инга.

— Почему не сегодня?

— Господин доктор,— немножко смутилась она.— Я хотела бы попросить вашего разрешения...

— Все, все понимаю,— закивал Шкубин.— Пойти в город...

— Вы угадали. А завтра мы непременно сыграем.

— Что ж, я вас не держу. Но считаю нужным предупредить, фройляйн, что не следует говорить никому о наших с вами делах. И не задерживайтесь долго,— с грустной улыбкой наказывал Шкубин.— До свидания. Я иду в лабораторию, хотя и не собирался сегодня работать.

Вечер был теплый. По небу ползли похожие на тени длинные темно-лиловые облака. Снежные вершины гор потухли.

Шкубин проводил взглядом лаборантку.

— Фройляйн,— сказал он тихо, усмехнулся и покачал головой.—Дело складывается лучше, без всяких усилий с моей стороны. Оказывается, такому человеку, как я, и в этих условиях надо оставаться самим собой.

Он махнул рукой и не пошел в лабораторию, а поднялся в кабинет и открыл холодильник.

4

Инга не удивилась, встретив в «Эдельвейсе» Киджи.

— Инга Михайловна! — воскликнул он.— Как я рад вас снова видеть. Я только что звонил профессору Дольцу. Я спешил. Ваш поступок меня обеспокоил. Хотя уже вечер, поздно, я собирался заглянуть к Шкубину. Интервью... Но все-таки в чем дело, объясните...

Она коротко рассказала. Киджи почти закричал:

— А-а, вот что! Оказывается, я не ошибся. Все это нужно Руису. Вы видели его?

— Нет, эти дни он у Шкубина не появлялся. Вы ошибаетесь, Лео. Весь этот опыт связан с исследованием пыли, которую мы с вами нашли. Шкубин — не злодей, он понимает, что это значит...

— Как бы не так! — сказал Киджи.— Думайте о Шкубине что хотите, но ссориться с вами из-за него я больше не намерен. Скоро мир будет изумлен сенсационной новостью, как говорили раньше, а вы узнаете об этом сейчас.

— Что именно?

Киджи сел против нее на стул и торжественным голосом сказал:

— Из неведомых космических далей вернулся Николай Стебельков.

Инга вздрогнула и побледнела. Она ничего не видела. Лампа стояла на столе позади Киджи, и нельзя было разглядеть его лица; весь он казался тенью, а тень не может говорить, это ей только послышалось.

— Вы не верите? — спросил Киджи.

Она вздохнула.

— Но почему? Я помню ваши слова: люди, ограничивающиеся тем, что им положено делать, мало интересны. Надо всегда придумывать для себя нечто уводящее за черту положенного... Вы мне казались именно таким человеком, и я был рад, встретив вас, потому что сам из

людей того же сорта. Горсть космической пыли увела вас за границу в пределы «Ордена крови из ран Христовых». Вы любите фантазировать. Почему же вам кажется невероятным возвращение космонавта Стебелькова?

Инга ничего не могла сказать. В душе неистовствовала буря, какие она видывала в пустыне, когда тяжело дышать, слепит глаза, пересыхают губы. Но буря постепенно улеглась, и опять перед ней — свет и тень Киджи. Если бы это сказал ей Новосельский и не здесь, а в Москве, она поверила бы сразу, потому что затаенно верила в это семнадцать лет. Но словам Киджи, сказанным просто, в комнате отеля, старого, как стар весь порядок жизни в этом городе, где кроме профессора Дольца и еще нескольких человек, никого и ничто не интересует — разве только своя судьба,— нет, словам сейчас поверить она не могла, это было бы слишком легкомысленно.

— Что же вы молчите? — удивлялся Киджи.

Перед глазами встал образ Стебелькова — лицо с заметно выступающими скулами и упрямый вихор на затылке, потом она увидела себя, очень маленькой, потом — постаревшую в горе Анну Симоновну, мать Стебелькова...

— Рассказывайте,— тихо попросила Инга.

— Сейчас расскажу. Но вы, я вижу, все еще не верите в эту возможность. Так вот,— Киджи достал из чемодана магнитофон, положил на стол,— вы услышите его голос. Услышите через несколько минут, узнаете не только о самом Стебелькове, но и о Руисе и тогда будете иначе думать о Шкубине. Но прежде выслушайте мои сбивчивые объяснения, потому что я не совсем хорошо понял Новосельского, да и он не все еще знает.— Он посмотрел на нее с улыбкой.— Признаться, я все это время думал о вас. Но вы плохо слушаете, Инга Михайловна.

— Плохо, Лео. Очень плохо.

— Я спешил к вам. Так вот: здесь был не метеорит, а корабль Стебелькова, и зола — остатки этого корабля. Подлетая к Земле, корабль выстрелил ракету, которая вывела на орбиту вокруг Земли спутник со Стебельковым. Произошла ошибка или таков был расчет, но факт то, что спутник оказался удаленным от Земли на рас-

стояние около тридцати пяти тысяч километров, он движется по экваториальной орбите, делает один оборот в сутки и поэтому как бы висит над одним и тем же пунктом земной поверхности—немного восточнее Аральского моря. Там пустыня...

Киджи смотрел на Ингу и рассказывал о своей поездке на открытие Сиб-Казахстанского канала, о встрече с молодым казахом-радиолюбителем, имя которого, к великому сожалению и стыду, забыл спросить, и о вторичной спешной поездке туда же вместе с Новосельским. Теперь Инга слушала внимательно.

— Мы запеленговали радиостанцию спутника. Поразительно было вот что: Стебельков три дня передавал свои сообщения на Землю, но никто не слышал его, кроме того юноши, никто на земном шаре. Ясно, он пользуется для радиопередач квантовым лучом, и, очевидно, этот луч оказался нацеленным на самое пустынное место ошибочно. Можно предположить, что расчет был на густонаселенную территорию южнее Москвы, но произошло сдвижение по параллели на восток. Луч уперся в пустыню, к счастью, возле небольшого поселка. Стебельков ведет передачи в скоростной магнитофонной записи — вероятно, для экономии энергии радиопередатчика,— и лишь перед началом сеанса он сам говорит в микрофон: «Слушай, Земля!» К сожалению, двусторонней связи пока установить не удалось, но там, за Аральским морем, уже работает целая экспедиция. Готовится к полету специальный корабль для снятия спутника с орбиты. Через день-два мы узнаем все. Мир будет изумлен, но эта новость придется кое-кому не по вкусу. Публикаций пока никаких нет, но я на правах одного из первооткрывателей получил запись нескольких передач Стебелькова, и мы сейчас прослушаем их. Однако меня удивляет, почему вы так... равнодушны, что ли, не пойму.

— Я молчу, потому что боюсь сфальшивить,— сказала Инга.

Киджи включил магнитофон.

Был ли это голос действительно Стебелькова, Инга не могла понять. Она хорошо помнила, как говорил Стебельков. Если он шутил, то говорил быстро, с задором, с вызовом на спор, но обычный разговор был всегда неторопливым, рассудительным. Не соглашаясь, он любил

повторять «нет же, нет, это неважно, это совершенно не важно», а соглашаясь, уверял: «Да, да, только так, только так...». Этого Инга сейчас не слышала. Она слышала спокойный мужской голос, лишенный всякой индивидуальной окраски. Но это говорил, конечно, Стебельков. Только он мог рассказать о неожиданно появившемся вблизи Луны «желтом облаке», о катастрофе и о том, что произошло дальше, хотя встреча с альвинами выглядит фантастичной. Но ведь он вернулся, значит это правда, видимо, он улетал с альвинами на их далекую планету и вот только теперь смог вернуться. По существу, все эти семнадцать лет он был в пути — от Луны к Альве и обратно, к Земле.

И тут она подумала — само собой, с неприязнью к себе пришло в голову, что ей вот уже тридцать один год, а Стебелькову как было двадцать три года, так почти столько же и теперь, потому что по теории относительности в космическом корабле, движущемся со световой скоростью, один час равен ста часам на Земле...

Голос Стебелькова смолк. Киджи закрыл магнитофон.

— Как я завидую ему,— сказал он.

— Я тоже,—сказала Инга тихо.—Полетать бы лет десять.

— Поторопились поставить памятник.

— Да. Надо всегда, всегда верить в человека.— Инга встала.— В эту ночь я не смогу уснуть.

— Не остаться ли вам в отеле? Поздно.

— Нет, я должна вернуться.

— Да, верить человеку надо. Но не верьте Шкубину.

Инга не отозвалась на эти слова. Киджи предложил проводить ее.

Была уже глубокая ночь. На улицах не было прохожих, только изредка проносились машины. Деревья стояли сонные. Над горами скользила луна, и вершины их бледно светились.

Киджи возобновил разговор о Шкубине. Инга сказала, что она не может сейчас уйти от него, она должна быть в его лаборатории. Киджи не стал возражать. Шкубин один не опасен. Надо смотреть за Руисом.

5

В дверь постучали, резко, словно в номере жил глухой.

— Войдите,— сказал Руис.

Через порог молча переступил санитар из клиники Шкубина — Руис видел его, когда ходил проведать бывших своих компаньонов, и запомнил этого долговязого парня с дурацким лицом.

Санитар поклонился, подал письмо и небольшой пакет. Руис разорвал конверт.

«Сэр!

Я добился того, чего вы хотели,— можете посмотреть образец. Хотите — через неделю представлю тонну, только не могу понять, зачем вам это?..».

Подписи не было.

— Идите,— сказал Руис санитару.

Парень своими длинными, сильными руками показал, что нужен письменный ответ.

«Странный немой,— подумал Руис,— слышит, но говорить не может. Хороший посыльный для таких дел».

Он ничего не написал, выпроводил немого и только теперь дал волю своему восторгу. Он потирал руки, смеялся, грозил, топал ногами и, останавливаясь перед зеркалом, гордо закидывал голову. В уме он подбирал самую короткую фразу, которая выразила бы все, она останется в веках: «Я один уничтожу созданное миллионами... Я — против миллионов...»

Он радовался тому, что Шкубин лишен фантазии и практической мысли. Прохаживаясь от зеркала к двери и обратно, Руис разрабатывал свой план.

За оградой, на территории «Ордена», ближе к горам он построит под землей небольшой завод, компактно смонтированный и полностью автоматизированный. Завод будет работать месяц, два, три, может быть, год, пока не заполнятся громадные баллоны жидкостью. Эти баллоны, спрятанные также под землей, будут соединены, и от них будет проведена оцементированная труба к одной из горных вершин.

Когда неведомого людям оружия накопится достаточно, произойдет неожиданное — в горах начнет действовать вулкан. Да, люди подумают, что это просто извержение желтоватых паров. Они будут наблюдать и не

подумают вмешаться, смысл совершившегося придет слишком поздно. Сыроватый коричневый туман окутает землю, и разрушится все, созданное людьми. Это будет месть. И достаточно иметь небольшую группу верных солдат, которые получат в руки надежно припрятанное огнестрельное оружие, как власть окажется в руках одного человека.

Для осуществления этого плана нужны деньги. Руис решил пригласить своих бывших компаньонов, которые жили до сих пор в отдельных виллах на курортах и в коттеджах Шкубина.

К четырем часам в отель стали съезжаться гости. Это были хилые старики, худые, с отвисшими животами, с дряблыми подбородками, болтающимися, как салфетка. Руис выглядел среди них молодцом.

Когда-то вот эта горстка людей грозила миру термоядерной войной. Потом они бежали из своих стран, придумали себе десятки разных болезней, поселились на курортах и в санаториях. Придуманные болезни скоро сами влезли в их потрясенные души, и судить больных никто не решался. Они сознавали свою беспомощность и были озлоблены до отчаяния.

Собравшись вместе, старики приободрились. Все было как раньше — солидно, грандиозно. Почтительно назывались имена. Гордо вскидывались головы. Блестели лысины и проборы. Звенела посуда, всюду булькало и шипело, слышались звучные глотки, чмоканье и кряхтенье. По залу бесшумно летали официанты в белом и черном, почтительно склонившись, застывали у столов.

Разговор становился все громче. За одним столом группа экс-президентов давно забытых компаний сошлась на том, что оставшимися капиталами ни в коем случае нельзя рисковать — надо подождать перемен. И все же каждому из них хотелось поскорее затеять прибыльное дело. Как и раньше, для них проблемой № 1 оставалась прибыль — пусть она извлекается из войны, холеры или космических полетов. Один из них утверждал, что самый верный путь к захвату экономической власти — иметь больше держателей акций. Это доказывал человек, жить которому, по всем признакам, оставалось не более года.

Отдельно сидел почти в полном составе совет директоров «Атлантик-компани». Директора с гордостью

смотрели на Пата Руиса и потирали руки, преисполненные уверенности, что после долгих лет подлинного прозябания дело их сдвинется с мертвой точки и получит новый размах. До их слуха доносился оживленный разговор бывших генералов, разместившихся за соседним столом. Там речь шла о том, что уж если делать ставку на новую войну, то с применением водородных бомб самого крупного калибра. В этом случае невозможна эффективная защита, и небольшая армия, имея достаточно ракет и ядерных зарядов, может угрожать столицам крупнейших государств и подчинить себе весь мир. Только весь мир! Ведение войны с ограниченными целями ушло в прошлое.

Пат Руис ходил от стола к столу, прислушивался к разговору гостей и радовался. Рискуя, он поступил правильно. Эти люди — все до единого — тоже готовы рискнуть в последний раз, чтобы вернуть свое могущество.

Изумленное солнце пялилось во все окна — казалось, оно тоже радовалось и светило только сюда. По стенам между окнами поднимались лепные стебли эдельвейсов, и цветы их сияли на потолке белыми звездами. Гости попросили Руиса сказать речь. Он одернул черный пиджак, вскинул седую голову и начал говорить. Это была туманная речь. Руис обещал своим гостям господство над всеми и намекал насчет финансов, которые нужно объединить.

Гости не знали планов Руиса, но аплодировали ему и думали о его речи по-разному.

— Он мудрый,— говорили одни.

«Он выжил из ума,— считали другие.— Кто из нас сможет вторично довериться ему?». Но вслух вторили:

— Да, мудрый, дальновидный. Вот увидите, он будет президентом, и все пойдет по-старому.

Руис догадывался, о чем думал каждый из гостей. Он мысленно сортировал их: одним можно довериться, с другими надо встретиться еще не раз, прежде чем сказать главное, стоит повозиться, потому что богаты; слишком старых и мало состоятельных тут же вычеркивал из памяти.

Гости разъехались, и Руис пошел отдохнуть. Открывая дверь, он глянул вниз и увидел в фойе молодого человека с курчавой головой, разговаривавшего с портье.

Руис узнал корреспондента, весьма надоевшего ему въедливыми вопросами у памятника космонавту. Этот кучерявый и сейчас был с фотоаппаратом и еще с каким-то аппаратом, вероятно, с магнитофоном. Руис прислушался. Разговор шел о нем. Портье поклонился корреспонденту и побежал наверх, скользя рукой по балюстраде.

Руис поступил по-дурацки: он зашел в комнату и захлопнул дверь на замок. Портье стучал, звонил, снова стучал и так настойчиво, что пришлось открыть.

6

Когда Киджи шагнул в открытую дверь, Руис отвернулся.

— Я не принимаю корреспондентов.

— Я пришел к вам не как корреспондент, а как ваш родственник,— спокойно сказал Киджи.

— Вы — родственник? — удивился Руис и сделал шаг вперед.— По-моему, вы просто наглец.

— А это мы сейчас выясним. Разрешите сесть?

— У меня нет времени для разговора,— сказал с раздражением Руис.

— Я пришел ненадолго. Впрочем, это будет зависеть от вас. Так вы не признаете меня за родственника?

Руис отвернулся, он стоял, заложив руки за спину. Киджи присел к столу и коротко рассказал свою родословную.

— Вы хотите материальной помощи?— спросил Руис.

— Нет. Я хочу, чтобы вы признались в убийстве моего отца.

Руис так круто повернулся, что едва не упал. Он посмотрел на Киджи с гримасой старческого бессилия и долго ничего не мог сказать. Только теперь он сел.

— Как видите, я не обманщик,— хмурясь, проговорил Киджи.

— Что вам нужно от меня? — выдавил Руис.

Киджи повторил. Руис молчал, у него побелели губы. Лео сунул руку в карман брюк. Известковая бледность залила лицо Руиса.

— Вы хотите стрелять?

Киджи, усмехаясь, выпростал из кармана скрученный в трубку журнал.

— Стрелять — это был бы для вас лучший выход. Еще подумают, что вы погибли героем, как ваш сын. Нет, вам придется отвечать. Но почитаем сначала вот здесь кое-что.— И Киджи, полистав страницы, начал читать. Он читал свою статью из журнала «Космос». Руис взял себя в руки.

— Сказки для детей, молодой человек,— сказал он пренебрежительно.— Трагическая история с моим сыном породила тысячи фантастических рассказов, я знаю.

— Но у вас действительно работал радистом Киджи, мой отец. И он погиб. И причину его смерти никто не объяснил. Я требую от вас объяснений. Это случилось тогда, когда ваш сын с преступной целью...

— Не смейте глумиться над памятью моего сына-героя!—загремел в негодовании Руис.—Выйдите немедленно вон!

Киджи, с трудом сдерживаясь, сказал:

— Сэр, черт бы вас побрал! Вы, я вижу, занялись устройством торжественных обедов. Для чего бы это, а? Что вы задумали опять? Но сейчас я не буду задавать вам слишком много вопросов. Пока мне хотелось бы одного — признания в убийстве моего отца.

— Убирайтесь вон!

— Так, хорошо,— спокойно сказал Киджи.— Мне не хотелось ускорять событий. Но не зря же я пришел к вам. Интересно знать, что вы скажете после этого...— Он открыл футляр магнитофона.— Сейчас вы услышите голос Стебелькова. Да, того самого, перед памятником которому вы произнесли лицемерную речь.

— Глупая шутка,— сказал Руис, не зная, как выпроводить нахального корреспондента.

Не отвечая, Киджи включил магнитофон.

Руис рассмеялся и спросил, при просмотре какого спектакля сделана эта запись. Не получив ответа, он расхохотался.

Однако наигранное веселье покинуло Руиса, когда Стебельков (если это был его голос) заговорил о том, что было тайной Руиса и еще четырех человек,— но тех давно не было в живых, оставался только Шкубин.

КОСМИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1

...После разговора с Кайболом я много думал об атомных взрывах на Альве, о трагедии на планете Рам и о таинственной силе «желтого облака». Отчего разрушаются металлы? Это — не взрыв и не коррозия, а нечто другое. Ядерная физика на Земле вступила в новую фазу своего развития — открыто множество элементарных частиц. Альвины знают, конечно, больше. Один наш профессор сказал: «Задача изучения этих частиц столь же трудна, как и познание далеких глубин Вселенной». Если альвины могут легко преодолевать громадные космические пространства, то они глубже познали материю, им известно большее число элементарных частиц, а именно на этом пути открывается тайна «желтого облака».

Я пытался представить себе, как разрушается металл.

Атомы металлов и их сплавов расположены в геометрически правильном порядке и создают так называемую кристаллическую решетку. Внешние электроны их слабо связаны с ядром и могут переходить на внешние орбиты других атомов. Эти свободные электроны создают вместе с кристаллической решеткой особый вид связи — металлическую связь.

Но как бы ни был идеально строг порядок расположения атомов, все же в решетке встречаются свободные места — вакансии, их больше всего около поверхности. Надо полагать, «желтое облако» создает новую, необыкновенную для металлов внешнюю среду. Неизвестные элементарные частицы врываются в вакансии, раздвигают атомы, перемещают их. Орбиты свободных подвижных электронов неимоверно растягиваются, как бы рвутся. Металлическая связь нарушается. Вместо кристаллической решетки — хаотическое расположение атомов. Вместо металла — порошок, напоминающий золу.

Объяснение очень примитивное. Я понимал, что спрашивать об этом не следует. Да и зачем мне нужен секрет альвинов, зачем Земле «желтое облако»?

Кайбол часто приглашал меня к себе. Я заметил, что магистр стал выглядеть лучше, цвет лица изменился, как у больного, который, поборов свой недуг, быстро пошел на поправку. Движения стали энергичными. Если он раньше разговаривал сидя за столиком, то теперь часто вставал и прохаживался по лаборатории. Я подумал, что это, возможно, сказалось действие моих биотоков, но разумеется и словом не обмолвился.

Я поражался страшной работоспособности Кайбола, его необыкновенной памяти. Как-то он пригласил меня для очередного разговора, и я убедился, что сказанное магистром о возможности читать приказы, которые находятся в военных штабах на Земле, не было пустым словом.

Кайбол сидел окруженный приборами, на которых вспыхивали, мерцали, гасли и снова вспыхивали огненные точки, похожие на его глаза. Эти приборы по приказанию магистра могли двинуть на Землю такую силу, которая изменила бы там жизнь. Я смотрел на приборы и ждал, что скажет магистр.

— Последнее время я думал, не послать ли преду-

преждение Земле. Без угроз. Скорее, как совет,— медленно проговорил Кайбол.

— Не все поверили бы,— усомнился я.

— Мы сделали бы это вдвоем.

Я промолчал: это был бы новый для меня шаг, и нельзя решиться на него сразу.

— Но я отказался от этой мысли,— продолжал Кайбол.— Не надо, и я не могу вмешиваться в чужую жизнь. Кроме того, опасаюсь безрассудной попытки захватить нашу базу. Но мы решительно встанем на защиту человеческих жизней, как только упадет первая бомба, не так ли? Посмотрите сюда! — Кайбол поднял голову, высоко на стене засветился большой экран.

Я увидел Землю, задернутую голубоватым покрывалом, с едва заметным контуром материков. Земной шар медленно поворачивался, как глобус, только без линий параллелей и меридианов.

— Хотите получше увидеть свою родину? — предложил Кайбол.

— Еще бы!

Кайбол нажал синюю кнопку на пульте — Земля осветилась. Я догадался, что он включил оптический генератор.

Земной шар надвинулся, он не умещался в рамки экрана, вращение его стало еще медленнее. Поплыли темно-зеленые массивы дальневосточных лесов. Байкал засветился, как зеркало,— в нем отражалось солнце. Потом показались желтые степи Казахстана.

— Это пески? — спросил магистр.

— Нет. Пшеничные поля. Хлеба созрели... Пустыни коричневые. Смотрите, их осталось совсем мало — отдельные пятна.

Уходил за экран Уральский хребет. Сейчас покажется Москва. Интересно, что можно увидеть? Неужели одну точку?

Угадав мое желание, магистр еще приблизил изображение. Москва выросла и заполнила весь экран. Я увидел Кремль, здание университета, голубую ленту реки, арену стадиона в «Лужниках» — все в миниатюре, но настолько четко, ясно, что казалось, мы летим над Москвой в пассажирском самолете, который, накренясь, делает вираж.

Москва отдалилась и поползла вправо. Я мысленно

провел западную границу Родины. Через некоторое время засинел океан...

Кайбол выбрал крупный город, расположенный недалеко от побережья, и стал приближать его. Город расползался во все стороны, распадался на кварталы, я видел отдельные дома. Кайбол нацелился на высокое здание. По экрану сверху вниз пробежали ряды окон.

— Скоро начнут совещаться,— сказал магистр.

Одно из окон увеличилось до размеров экрана. Я увидел человек двадцать военных — это были генералы, и по их форме я узнал, в чей штаб мы с Кайболом заглянули. Видимость была плохая. Генералы двигались в полумраке, что-то пили у столика, потом уселись за длинным столом, и один из них, высокий, сухой, с множеством орденских ленточек, разложил перед собой бумаги, поднялся и начал говорить. Голоса мы не слышали. Кайбол повернул регулятор на пульте. Свет на экране собрался в одно пятно. Оно легло на листы бумаги, мы могли читать, что было написано там: буквы выступали отчетливо.

Генерал говорил быстро — листы один за другим переворачивались, и я не успевал прочитывать их. Но все-таки мне стало ясно, о чем докладывал генерал.

Он излагал план войны с применением нового оружия — «лазеров». Предполагалось создать на Луне базу, с батареей квантовых генераторов, сбить пущенной отсюда мощной ракетой астероид с его орбиты, затем, корректируя с Луны квантовыми лучами его полет, заставить упасть на территорию Советского Союза. Подготовленный в глубокой тайне и нанесенный внезапно удар будет расценен народами как божье наказание стране коммунистов. По словам генерала, лучше, конечно, выбрать астероид побольше, взять Цереру или Палладу — тогда удалось бы уничтожить почти все живое и все созданное на европейской части Советского Союза. Но в этом случае надо считаться с опасностью, что удар крупного астероида может сбить с орбиты Землю и она уйдет от Солнца. Ученые должны изучить этот вопрос...

— Насколько реален план использования астероидной бомбы? — спросил Кайбол.

— Думаю, что пока он нереален,— ответил я.— В руках этих генералов пока нет столь мощных «лазеров», чтобы можно было регулировать полет астероида.

— Однако в их план входит использование Луны и космического пространства, даже целой небольшой планеты, как оружия. Я не могу смотреть на это безучастно.

Кайбол оставил совещавшихся генералов, он приблизил другой город, заглянул в один дом, другой третий...

— Никак не удается отыскать штаб «Атлантик-компани»,— сказал магистр.— Очень хотелось бы знать планы ее президента.

Он устало откинулся на спинку стула, посмотрел на меня и улыбнулся.

— Очень неприятная работа, но необходимая. Куда интереснее это...

Кайбол опять взялся за ручку на пульте, и я снова увидел Москву. Я различил здание библиотеки имени Ленина. Одно из окон ее, надвинувшись, стало как бы экраном.

В большом зале, склонившись над книгами, сидело множество людей. Светлое пятно луча побежало по открытым страницам. Вот луч выбрал нужное, остановился, приблизил книгу. Я прочитал сверху «В. И. Ленин». Кто-то сидел над раскрытым томом Ленина, читал доклад о войне и мире на седьмом партийном съезде. Открытая страница начиналась словами:

«...наше триумфальное шествие по всей России, сопутствуемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира...».

Увлекшись, я стал читать дальше. Страница перевернулась. Скосив глаза, я посмотрел на Кайбола. Мне показалось, что он прочитывал на каждой странице всего лишь несколько фраз и ждал следующей страницы. Почему он не читает все подряд? Это меня заинтересовало. Кайбол понял невысказанный вопрос.

— Если бы я читал так, как вы, мне понадобилось бы очень много лет, чтобы узнать ваших мыслителей и писателей.

— А как же иначе?

— Я вижу сразу всю страницу, выбираю главное и это главное прочитываю. Можно, разумеется, и сфотографировать. В этом зале сидит около ста человек, я читаю сразу несколько десятков нужных мне книг. Пока

новая страница не открыта, я заглядываю в другие книги.

— Значит, я вас задерживаю?

— Признаться, да,— улыбнулся Кайбол.— Пока вы читали, я не мог перевести фокус света на другой стол.

— Я читал эти книги раньше. Не задерживайтесь из-за меня.

Кайбол погасил экран.

— Этим я займусь, когда останусь один.— Кайбол помолчал и сказал, довольный:

— Да, у вас был великий человек. Он видел далеко. Ленин! — произнес он, прислушиваясь к собственному голосу и стараясь, видимо, по-своему понять, как звучит это имя, и повторил: «Ленин!»

— А кто из писателей вам больше нравится?

— Этого еще не могу сказать,— ответил Кайбол.— Я читаю больше Ленина. Но знаю многие страницы Льва Толстого. Он интересует меня как мыслитель.

— Чем же именно?

— Он сказал, я вспоминаю почти с точностью: железные дороги, телефоны и другие принадлежности цивилизованного мира, это все полезно, хорошо. Но если бы стоял выбор: или вся эта цивилизация — и для нее не сотни тысяч гибнущих людей, а только одна жизнь, которая должна неминуемо погибнуть,— или не нужно цивилизации, тогда бог с ней, с этой цивилизацией, с этими железными дорогами, телефонами, если они непременно обусловлены гибелью человеческой жизни!

Кайбол посмотрел на меня вызывающе. Я догадывался, к чему он поведет разговор, и молчал.

— Бог с ней...— это выражение я понимаю как «лучше не надо цивилизации». Так ли это?

— Так.

— Человеческая жизнь дороже любой самой сложной машины, ракеты, дороже высокого дома и даже большого города. Все это можно построить заново, но нельзя вернуть жизни. Я на стороне тех, кто ценит человека превыше всего.

— Это верно,— согласился я.— Но я отдал бы свою жизнь, если бы ценой ее удалось спасти город, в котором живет моя мать.

— Вы говорите так потому, что это невозможно.

Борьба такая, что нельзя защитить город хотя бы и ценой жизни. Это жертва бессмысленная. Вы плохо цените себя или...— Кайбол остановился.

«Или это пустая фраза, бахвальство»,— закончил я его мысль. Но Кайбол продолжил:

— Или не знаете, что такое человеческая жизнь, что такое человек. Но я думаю, вернее первое.

Кайбол встал и сделал несколько шагов назад и вперед по своему тесному кабинету. Голова его была опущена.

— Я слышал, фашисты во время войны разрушили и сожгли в вашей стране много городов. И я слышал по радио, что все эти города восстановлены, многие из них стали еще лучше, потому что построены заново. Это правда?

— Правда.

— Но восстановилась ли из многих миллионов жизней, загубленных фашистами, хоть одна? Нет, это невозможно. Жизнь, каждая в отдельности, неповторима, как неповторима история. Ваш Толстой говорил, что каждый человек представляет единственный, никогда не повторяющийся случай и потому уничтожение единственного существа является таким ужасом! Это большая правда. Бывают люди похожие друг на друга, схожи и некоторые повороты истории, но это не одно и то же. Скажите, есть у вас другой Ленин?

— Нет,— ответил я и, подумав, добавил: — Есть великие люди, есть продолжатели его дела, но Ленина — нет.

— Теперь подумайте, что осталось бы вам в наследство, если бы Ленина не стало в вашем возрасте, в таком же возрасте убили бы Пушкина, рано умерли бы Толстой, Менделеев, Циолковский, Жолио-Кюри, Курчатов?

— Но Стебельков — это совсем другое: я обыкновенный.

— Откуда вы знаете? — с задором спросил Кайбол и остановился с широко открытыми огненными глазами.— Я вижу, вы плохо читаете своих мыслителей. Назову опять же Толстого. Он говорил о сложности жизни, о том, что в ней все устроено в высшей степени мудро и поэтому невозможно сказать, зачем именно эта индиви-

дуальность живет... Может быть, она окажется впоследствии великой?

— Я уважаю вас, молодой человек. Но не играйте в скромность и уважайте других. Многие ваши сверстники — будущие великие люди. А о вас уже теперь можно сказать это. Не улыбайтесь! — Магистр снова опустил голову и заговорил раздраженно и глухо: — Не научились вы еще ценить жизнь. Война — это высшее проявление бесчеловечности. Допустить ее — столь же страшное преступление перед человечеством. Мы не совершим этого преступления, не так ли?

— Да, это было бы непростительно, и мы договорились с вами.

— Вот видите! — снова воскликнул Кайбол.— Я же говорил, что вы не просто Стебельков. Когда человек, пусть он еще молод, берет на себя ответственность за судьбы других,— это уже настоящий человек. Когда человек в массе и делает то, что делают другие, не отдавая себе отчета, лица и характера его не видно. Зрелость проверяется, когда он должен принять самостоятельное решение.

Магистр говорил долго. Кажется, он хотел подготовить меня к тому, чтобы скорее заняться делами Земли. Конечно, судьба человечества Земли волновала его не так, как меня. И по-своему он прав: опасность войны есть, вмешательство будет оправдано. Но согласиться мне на это сейчас было трудно. Ответственность ответственности — рознь...

Выходило так, что я не мог здесь целиком положиться даже на Кайбола, несмотря на его искреннее желание защищать человеческие жизни. О земных делах я знал больше магистра, я мог бы спорить с ним. Борьба не обходится без человеческих жертв, и тот, кто хочет во что бы то ни стало спасти свою жизнь, просто трус и шкурник. Кайбол, конечно, не трус. Он просто не совсем понимает сути этой борьбы, она для него — слишком далекое прошлое, странное и почти забытое.

Но спорить я не стал и сказал только:

— Мы договорились действовать вместе. У нас принято не отступать от своего слова. Я сдержу его.

— Разумеется...— сказал Кайбол,— мы будем действовать вместе.

2

Ильмана рассказала мне легенду.

...Давно живут под светом Айро — Солнца несчастные влюбленные Рам и Альва. Они кружатся в танце, каждый в отдельности, вокруг Айро, стремясь к сближению. Идет время, все лучше видит Альва Рама и он ее. Вот они совсем рядом, стоит протянуть руки — и они вместе. Но Рам и Альва медлят, ожидая еще большего сближения. И не замечают того, что время уже упущено и они взаимно удаляются. Через двенадцать больших кругов танца вокруг Айро они оказываются далеко друг от друга, а затем все повторяется. За это время новорожденные становятся взрослыми и создают свои семьи. А несчастные влюбленные Рам и Альва вечно молодые. Подчиняясь в движении силе Айро, они снова и снова пытаются сблизиться, но каждый раз происходит то же...

Однажды Альва протянула руку Раму, но тут же стала удаляться. Рам, воспринял это как насмешку. Любовь затмилась озлоблением. Рам неожиданно ударил Альву против сердца, и левая грудь ее сразу же опала и завяла.

Альва была наделена великим умом, а ум дает необыкновенную силу. Она взяла у остывших звезд горсть пыли и швырнула ее в лицо Раму. Пыль умерших звезд окутала его желтым облаком, скрыла из глаз. А когда облако рассеялось, Рам предстал совсем другим. Сильный юноша с короткими жесткими волосами превратился в безобразного, обросшего дикой шерстью пещерного жителя...

* *
*

Легенда была немного грустной, но в устах Ильманы она прозвучала как жестокое осуждение коварства Рама.

— Хотите посмотреть Альву? — предложила Ильмана.— Мы захватили с собой кинопленку, чтобы всегда помнить и думать о своей родине.

Комната Ильманы, в которой она работала, находилась рядом с лабораторией магистра. Это был кабинет врача. Но здесь имелась также радиостанция. Ильмана слушала передачи на русском языке и наиболее важные из них записывала. Теперь это не являлось для меня тайной. Радиостанция — приемник и передатчик вмес-

те — была чуть больше спичечной коробки: радиотехника альвинов развилась на основе молектроники. Киноаппарат напоминал фотокамеру с двумя объективами. Экран засветился прямо на стене, он менял форму в зависимости от изображения — принимал вид квадрата, круга, вытягивался по горизонтали или по вертикали.

Пленка была цветная. Меня изумила роскошная природа Альвы. Широко раскинувшиеся кроны деревьев закрывали небо. Листва была синей, голубой, зеленой. Цветы на тонких стеблях обвивали стволы, перекидывались с дерева на дерево и повисали гирляндами. По горным склонам серой тучей двигались какие-то животные с причудливо выгнутыми рогами. Вершины гор были осыпаны золотыми блестками, а выше светились две «луны».

— Слева спутник Альвы Ларс, справа планета Рам. В год великого противостояния планеты подходят друг к другу очень близко,— пояснила Ильмана.

Показался город. Это был небольшой городок, так укрытый зеленью, что об архитектуре зданий ничего нельзя было сказать. И ни одной заводской трубы, никаких машин на улицах!

— У нас нет больших городов,— сказала Ильмана.

Я увидел людей. Женщины в белых платьях, мужчины в коротких спортивного покроя брюках и бесцветных рубашках с короткими рукавами прогуливались между деревьями. В густой тени лица их вырисовывались довольно отчетливо, объемно, глаза светились мягко и не казались столь красными, как сейчас у Ильманы. Альвины выглядели физически хорошо развитыми. Я любовался энергичным шагом мужчин и легкой походкой женщин, удивлялся фарфоровой белизне их лиц и рук.

Почва Альвы оказалась красноватой. Трава на ней кустистая, невысокая, издали похожая на лесной мох. Дороги и дорожки не были покрыты камнем или асфальтом. Они были из того же темно-красного грунта, чуть приподняты. И слегка блестели. Ильмана объяснила, что дорожный грунт пропитывается специальным составом, он затвердевает и делается гладким. По обочинам — плотные кустарниковые заросли, их не подстригают, но они все одинаковой высоты — около двух метров. Они придают окрестностям своеобразный «сельский» вид.

Ильмана сказала, что альвины очень любят природу, не насилуют ее, стремятся сохранить в естественном виде. Исключение составляют плодовые деревья, их сажают в определенном порядке. Все имена у альвинов — из природы. Ильмана — название деревца с серебристыми листьями. Имя Кайбол — от названия лесного плода в виде ореха. Грос — так зовут инженера, вместе с которым я спускался в лунную расщелину,— несмотря на громкозвучность и кажущуюся величественность слова, всего-навсего полевой цветок.

Киноэкран показывал богатства Альвы, и я видел горы из чистой железной руды, которую и добывать не надо — отправляй прямо в плавку. Но металлы там применяются очень редко, их заменяют пластмассы — прочные, легкие, негнущиеся, гибкие, любых цветов, не поддающиеся порче — им не страшно и «желтое облако».

Дно горных рек усеяно самородками золота, вода переливается по ним, и весь поток ее кажется золотым. Это скорее природная красота, но не богатство, потому что золото никуда не используется. Но почвы Альвы каменисты и скудны, в большинстве это — пастбища, и только лучшие участки заняты садами.

Есть деревья, которые дают не только фрукты, но и хлеб и даже масло. Сады расположены вокруг городов, это очень удобно для работы.

А животноводство Альвы — это огромные заповедники с лесами и пастбищами, озерами и реками. Охота на диких животных, на зверя и птицу — увлекательнейшее занятие. Мужчины и женщины, прежде всего юноши и девушки, соревнуются в едином для всех виде спорта, среди природы.

— У нас нет стадионов,— сказала Ильмана.— У вас это своеобразные театры для показа ловкости и борьбы физкультурников. Не правда ли, странным кажется, когда спортсмен тренируется в беге, прыжках, метании копья или диска, стрельбе из лука только для того, чтобы выйти на стадион и поставить рекорд? На Альве занятие спортом — это, главным образом, подготовка к охоте. Бег с препятствиями, скачки, скалолазание, метание копья и многие другие виды спорта служат охоте, ловле зверей и птиц. Огнестрельного оружия у нас нет совсем. Очков, как и добычи, никто не считает. Поощ-

ряется трудная добыча, меткость удара на дальнее расстояние.

Я видел, как пожилой альвин метко поразил козла «бейка» в момент, когда горный красавец прыгал со скалы на скалу, и видел, как юноша в специальной защитной одежде выходил на поединок с крупным зверем «харом», напоминающим нашего медведя,— в схватке хар должен быть задушен голыми руками. Юноша победил по всем правилам, и девушки поднесли ему цветы.

Экран помог мне совершить путешествие на спутник Альвы. Ларс — небольшая планета, не имеющая атмосферы. Я видел закрытые помещения, похожие на ангары, и звездолеты, стоявшие вертикально,— они были очень высокие, темные резкие тени от них уходили за горизонт. Ларс — это ракетодром, с которого космические корабли альвинов отправляются в межзвездные рейсы.

И снова я вернулся на Альву. Объектив показал мне множество городов, они мало чем отличались друг от друга. Обычный пейзаж Альвы — небольшой городок на фоне скалистых гор, укрытый густой зеленью. Промышленные предприятия по внешнему виду — обыкновенные жилые дома. Все производственные агрегаты расположены глубоко в недрах, либо в горных расщелинах, либо в разрезах, на месте добычи сырья, а линии управления выведены на поверхность, к городу.

Но растительность вокруг городов была не всюду одинаковой. Я видел деревья, похожие на тучи, от них спускались вниз тонкие гибкие стебли — картина особенно красивая. Мир, раскинувшийся под этими качающимися деревьями, был голубоватый, как глубины океана, тихий, как начинающееся утро.

Под деревьями стояла молодая женщина, очень похожая на Ильману. Она улыбнулась, помахала рукой и пошла в густой голубой тени по красноватой, как ковер, дорожке.

— Это вы? — спросил я у Ильманы.

— Нет, это моя мать. Смотрите дальше и ни о чем пока не спрашивайте,— голос у нее дрожал.

На экране вспыхнуло пламя, все взметнулось вверх, будто сорвалась пленка, и кадры понеслись беспорядочно. Свет и тьма смешались, на секунду движение замерло.

Когда экран прояснился, высоких деревьев уже не было, они лежали обуглившиеся, и города тоже не было — камни и среди них трупы... Объектив переметнулся на другой город. Та же страшная картина...

Я смотрел на экран и временами поглядывал на Ильману, сидевшую рядом.

— Отец в то страшное время был на Ларсе, я с подругами — далеко в горах, и все мы потеряли своих матерей, родных, близких,— тихо сказала Ильмана.

Я понял, что не просто так, не для развлечения показывала она мне Альву. Она и Кайбол хотели, чтобы я был сговорчивее, когда Кайбол придет к решению вмешаться по-своему в дела Земли.

— Высший совет Альвы решил наказать убийц,— сказала Ильмана.— Это было справедливое наказание.

Опять я увидел Ларс. Несколько кораблей поднялось со спутника Альвы, они исчезли между звезд. Нет, это были не пассажирские корабли — звездолеты. Я видел один такой корабль, похожий на дирижабль, недалеко здесь, в глубине лунной трещины. Я знал, что это такое. Снаряд, выбрасывающий «желтое облако»...

3

Заглянув вместе с Кайболом отсюда, с Луны, в здание военного штаба одного из государств Земли и в библиотеку, я уже не удивлялся тому, каким образом альвины могли заснять все происходящее на планете Рам. Ильмана рассказывала:

— Планеты Альва и Рам через каждые двадцать четыре круга сближаются настолько, что между ними можно установить регулярное пассажирское сообщение. Однако никакой связи между ними не было. Альвины не любили вмешиваться в чужие дела, но они, конечно, знали, что происходит на соседней планете. Там шли непрерывные войны, и в конце концов создалось единое государство, управляемое гарамуналом.

«Рам» — значит, «голова»; «Раму» — «главный». Жители Рама считают свою планету главной в системе Айро — нашего Солнца — и себя тоже главными. Из рамуинов выделяются гарамуины — знать, элита, главенствующая во всей жизни, но законы издает одно ли-

цо — гарамунал, что в переводе означает «наиглавнейший».

Сейчас вы увидите, что такое Рам.

Я увидел черную планету, голую — без лесов, ровную — без гор, озер и рек. Черная и серая пыль носилась волнами. Никакого намека на строения. Мертво было на всем полушарии, обращенном к нам.

— Неужели это сделали вы? — спросил я встревоженно.

— Нет,— ответила Ильмана.— Это сделали гарамунал и его воины.

— Как, почему?

— Всех, кто был против него, не хотел подчиняться ему,— уничтожали, сжигали их жилища. Погибли деревья и травы, высохли водоемы. Мы не знаем, каким образом гарамунал это делал, возможно, в озлоблении он не думал о последствиях, но вот уже давно на большей части планеты ничего не растет — ведь погибли семена и корни растений. Уцелевшие жители перебрались в места, не тронутые огнем, но там они оказались лишними. Они называют себя обездоленными. Жители планеты и войско гарамунала давно испытывают недостаток в продовольствии. Гарамунал, чтобы сохранить свою власть, начал войну против Альвы — он знал, что наша планета богата, и обещал всем гарамуинам и воинам богатую жизнь.

Планета на экране медленно поворачивалась, очертания ее ушли за пределы экрана, и я увидел наползающую светлую сторону ее. Обозначились города. Один из них, самый крупный, расположенный среди желтой равнины, приблизился, можно было разглядеть строения. Они были круглые, высокие и напоминали водонапорные башни; окна тоже круглые.

Объектив нацелился на одно из окон громадной башни с куполообразной крышей и, приблизив его, позволил заглянуть во внутрь.

Здесь проходил, видимо, суд. Гарамуины с торчащими во все стороны жесткими черными волосами, с красными лицами, в длинных сверкающих драгоценностями одеждах, скрывавших руки и ноги, сидели полукругом, а перед ними стоял голый по пояс рамуин. Длинные волосы его были заломлены назад, связаны вместе с го-

лыми мускулистыми руками, закинутыми за спину и схваченными в кольцо.

— Запомните этого рамуина. Это Брай Лут, вождь обездоленных,— сказала Ильмана.— Он и его сподвижники выступили против войны с Альвой.

Снова на экране показались похожие на дирижабли снаряды альвинов, нацеленных на черно-желтую планету. Вот они врезались в атмосферу Рама, и густые коричневые клубы дыма повалили из них. Дым рассеивался, окутывая всю планету легкой желтоватой мглой. Ильмана сказала:

— Мы не хотели жертв. Мы знали язык рамуинов, и наши самые мощные радиостанции трижды передавали: всем покинуть жилища, остановить транспорт... Там посчитали это проделкой сообщников Брай Лута с целью вызвать панику и захватить власть. Никто не придал значения появившемуся над городом желтому туману. Он окутал не только столицу Рама, но и всю планету, проник всюду, куда проникал воздух — в дома, склады, шахты. И началось невероятное...

Высокое здание с блестящим куполом и острым шпилем, из которого горизонтально выбрасывались три световых луча — красный, зеленый и желтый,— было чем-то вроде храма. Его заполнили священнослужители и верующие. Высоко над их головами висел громадный светящийся шар. Ильмана объяснила:

— Шар изображает Айро с его теплом и светом — жизненным даром бога Айрамуши. Религия...

Главный священнослужитель, видимо, читал проповедь. Он был одет во все черное, усыпанное блестками драгоценных металлов. Чья-то дрожащая рука указала на одежды святейшего. Они вдруг потускнели, блестки исчезли.

Служители храма отшатнулись от проповедника. Все подняли головы вверх, они ждали ответа от бога Айрамуши: что это значит?

Тяжелый светящийся шар сорвался с цепей и низринулся вниз...

— Эти не поверили нашему предупреждению,— сказала Ильмана.— К счастью, пострадал только проповедник.

Гарамуины, видимо, не сразу поняли, что это был от-

ветный удар Альвы. Но война уже шла, странная, небывалая, все рушилось без выстрелов, без взрывов.

Гарамунал являлся, очевидно, и главнокомандующим войска. Он показался в городе верхом на каком-то ящероподобном животном. Ильмана пояснила мне, что давно один из предшественников гарамунала впервые посадил войско на ящериц и одержал победу. Эти ящерицы были похожи на земных гекконов. Горы, пустыни, водные пространства не были для них преградой, они способны взбираться на отвесные скалы, им не страшны удары холодным оружием — эти гекконы хорошо защищены, как панцирем, роговыми чешуйками. Со временем гекконов заменили боевые машины, гекконы в малом количестве остались лишь для высочайших церемониальных выездов.

Гарамунал выглядел жалким. Чего-то существенного не доставало в его одеждах, которые не держались на его тучном теле.

Высокие здания зияли оконными и дверными проемами, как после сильнейшей бомбежки. Дорога была захламлена. Геккон, чувствуя что-то неладное, кидался из стороны в сторону, Гарамунал еле удерживался на его круглой спине.

В городе начался грабеж. Наиболее предприимчивые из рамуинов шныряли по складам, тащили все, что уцелело, запасали продукты. Не стало запоров и охраны.

На гарамунала никто не обращал внимания: нет оружия — нет войска; нет войска — нет главнокомандующего и гарамунала. Он посмотрел в ту сторону, где стоял храм — одно из самых высоких зданий города. Оно потеряло шпиль и сверкающую крышу — безобразно торчал ее ребристый остов.

Гарамунал подъехал к рамухонде — главной канцелярии, которая была также военным штабом. Перед входом стояла какая-то скульптура, вероятно, наполовину сделанная из металла, но от нее остались одни обломки.

У подъезда вместо машин стояли загнанные гекконы, некоторые лежали, пригнув короткие лапы и откинув длинные хвосты.

Армия еще существовала. Она жила вчерашней дисциплиной, а главное потому, что в этой странной и страшной войне пока не было жертв. В рамухонде толпи-

лись одетые кое-как военачальники. Гарамунал вошел в середину этой толпы, обликом похожей на группу пленных, которые ожидали тут своей участи от командования неприятеля.

Что они могли доложить своему правителю и командующему?

На экране открывались двери складов — ни одного снаряда, никакого оружия, все превратилось в прах. На взлетных площадках и ракетных базах — пустота, чернеют только пологие кучи золы. Аппараты связи молчат, как пустые коробки. Воины, лишившнсь оружия, толпами бродят по городу.

Власть, державшаяся на оружии и насилии, пала. Я не видел, что стало с гарамуналом и его помощниками. Кинопленка альвинов оставила их в рамухонде.

Я увидел плачущего старика, он сидел в большой захламленной комнате, седые жесткие волосы лежали на его плечах.

— Это скульптор,— сказала мне Ильмана.— После нам попалась в развалинах дома книга, написанная им. Он был автором всех памятников, установленных в столице Рама и других городах.

Основным материалом в его работе являлись металлы и их сплавы. Работа обычно проходила так: по чертежу скульптора металлисты изготовляли каркас, его привозили и устанавливали в мастерской. Скульптор брал листы соответствующей формы и определенного металла и обрабатывал их путем холодной ковки и чеканки. Подготовленные таким образом куски затем укреплялись на каркасе, который постепенно обретал художественную, по замыслу скульптора, форму. Заказчик сам представлял материал, из которого хотел иметь скульптуру; богатые, разумеется, предпочитали драгоценные металлы. Иногда в мастерской накапливалось столько ценностей, что возле дома скульптора выставлялась стража.

И вот не осталось никакого намека на эти художественные и материальные ценности. Все металлические фигуры были словно истерты в порошок, валялись лишь гипсовые обломки и грязные полотнища.

Старик поднял голову — лицо его, искаженное горечью обрушившегося несчастья, вдруг просветлело. Он смотрел в дальний угол, там что-то возвышалось, окутанное покрывалом. Скульптор тяжело встал, подошел и

стащил полотно. Это была единственная уцелевшая скульптура, высеченная из камня. Пьедесталом служил расползающийся тяжелый свиток цепей, он охватывал фигуру до пояса: Это был, несомненно, простой рамуин, с сухими напряженными мускулами и широкой грудью. Лицо сосредоточенное, угрюмое; длинные волосы раскиданы ветром. Опираясь левой рукой о толстые кольца каменных цепей, он как бы привстал. В правой, высоко вознесенной руке угрожающе поднят молот. Сейчас он освободится от цепей, ударом молота раскрошит их и затем...

Не от его ли страшных ударов превратились в прах монументальные памятники гарамуналам и прославленным полководцам? Каменный богатырь сокрушил прочнейшие и драгоценные металлы, и все разрушенное лежало возле его ног.

— Это Брай Лут,— я вспомнил кадр, показавший суд над вождем обездоленных.

— Да,— подтвердила Ильмана.— Символично. Не правда ли? Это была одна из первых работ скульптора. Он встречался с Брай Лутом, когда будущий вождь обездоленных работал каменотесом. И знаете, о чем думает старик, глядя на эту единственную на всей планете скульптуру? Он думает: пройдет какое-то время, исчезнет город, он превратится в развалины. И когда возникнет новая цивилизация и потомки Брай Лута начнут раскапывать останки этого городища, чтобы узнать прошлое,— они наткнутся на эту единственную каменную скульптуру и прочтут на ней имя скульптора. Вот почему у него посветлело лицо. Он все-таки доволен: что-то сделано в жизни полезное.

— Если остался среди рамуинов хоть один сколько-нибудь счастливый,— сказал я,— так это старик скульптор.

— Нет,— возразила Ильмана.— Таких оказалось много — Брай Лут и его сподвижники.

— Его не успели казнить?

— Смотрите дальше.

* *
*

Я увидел рамувалу — главную тюрьму, она была далеко за городом. Высокое здание в кольце каменных

степ. Вокруг — кремнистая равнина без признаков растительности. Тяжелые окованные двери, надежные запоры, толстые прутья оконных решеток, недремлющее око вооруженной стражи, кандалы на руках и ногах — всего этого было с избытком для того, чтобы заключенные не могли бежать.

Брай Лут сидел в одиночной камере, в этой же рамувале содержались и другие члены «Лиги обездоленных», все они ожидали только смерти.

Брай Лут смотрел в окно. Там, на свободе, наступал вечер. Но что это? Почему голубое небо, сумеречно темнея, стало вдруг закрываться желтизной? Вероятно, над кремнистой равниной пронесся ураган, он поднял пыль?

Постепенно за окном голубое, желтое и черное смешивалось. Наступала ночь. Для жизни осталась только эта ночь. Завтра на рассвете...

Брай Лут вскочил. Глаза его горели в темноте. Он рванул руками, и — отчего это, неужели столько силы у него? — наручные металлические кольца лопнули!

В чудеса Брай Лут не верил. Он конечно знал прочность металлов и мог ударами молота по долоту распарывать каменные глыбы. Многие металлы прочнее камня, и кандалы сделаны надежными. Но почему вдруг металлические кольца лопнули? Освободившейся рукой Брай Лут взял звенья цепи в кулак, сжал. Они искрошились, и на ладони осталась щепоть серой массы.

Брай Лут улыбнулся. Он подумал: это друзья готовят освобождение и постарались, чтобы на его руки и ноги надели не настоящие кандалы. И вот руки свободны! Что же дальше? Как вырваться из этих каменных стен?

Охранник ходил за дверью. Окно высоко, до него не дотянуться рукой. Раздумывая, что же делать, Брай Лут смотрел на решетку из толстых металлических прутьев. В камере сгустилась темнота, но на одну сторону оконного проема падал отсвет угасающей зари. Брай Лут видел, что черные прутья решетки стали сероватыми и не такими толстыми, как были прежде. У него ничего не было в руках, чтобы проверить крепость решетки. Он подошел к стене и вынул обломок камня, за которым было спрятано что-то очень дорогое — возможно, завещание. Брай Лут прицелился. Камень разорвал решет-

ку, как паутину, и улетел наружу. Обломки ее упали в камеру на пол и рассыпались так же, как цепи и наручные кольца.

Брай Лут не хотел терять времени на размышления: что произошло, почему крепкий металл превращается в пыль? Ясно одно — металлы разрушаются, а камень остается неизменно твердым. Он подошел к двери. На внутренней стороне ручки не было, ухватиться не за что. Он сильно ударил о дверь плечом, и металлическая обивка посыпалась шматками высохшей грязи. Охранник встревожился. Еще один сильный удар. Запора как не бывало, дверь сорвалась и упала.

Охранник, вскинув пулевой самопал с кинжалом-штыком, возился с затвором, руки его дрожали. Брай Лут двинулся на него. Что-то крикнув, охранник навел оружие в грудь. Он не понимал, что случилось с оружием, хотел зарядить, но затвор рассыпался в руках. Страшный узник с длинными косматыми волосами, с черной во всю грудь бородой, заложив руки за спину, шел прямо на него. Он шел на самоубийство, хотел заколоться!.. Охранник пятился, пока не уперся спиной о стену. Заключенный надвинулся грудью на острие штыка. Острие от столкновения с грудью сломалось, штык рассыпался, как гнилой стебель.

Охранник выронил оружие, упал ничком,— видимо, посчитал узника за святого.

А Брай Лут шел по коридору и ударял в двери тяжелой рукой.

От толчков и ударов металлическая обшивка дверей осыпалась, как старая подмоченная штукатурка. Заключенные выходили в коридор, во двор.

Брай Лут поднялся на возвышение из какого-то хлама и начал говорить. Обездоленные слушали его, радовались и недоумевали. Некоторые, все еще не веря в свое освобождение, кинулись к тяжелым воротам в каменной стене, окружавшей тюрьму. Ворота упали под собственной тяжестью и развалились. Стража куда-то исчезла. Заметив, что многие из заключенных намерены поскорее покинуть эти стены, Брай Лут остановил их энергичным жестом руки.

Он разделил толпу на группы, и обездоленные взялись за дело: одни пошли на склад, где хранились продукты, другие разыскали гекконов, которых держали

при тюрьме для различных работ, третьи занялись больными.

Начало светать, Брай Лут повел колонну к городу. Над головами летели несметные стаи черных птиц, они спешили в город — там могла оказаться богатая пожива. Дул ветер, и носились тучи серой пыли.

Брай Лут часто останавливал колонну на отдых. Обездоленные были измучены, многие истощены.

И вот показался город, без всяких признаков жизни в нем. Издали он походил на огромное кладбище. Высокие каменные здания стояли, как печальные памятники. Иногда клубясь поднималась пыль — обрушивалось какое-нибудь строение с металлическими опорами и перекрытиями.

Брай Лут и его товарищи увидели горожан. Одетые кое-как, с сухими истрескавшимися губами, они несли на себе громадные свертки. Женщины, разложив небольшие костры на улице, готовили пищу. Счастливцами оказались те, у кого нашлась глиняная посуда. Дети резвились и плакали. Старики и старухи сидели у костров молча, как осужденные к смерти, готовые отправиться в далекий невозвратимый путь.

На колонну Брай Лута обратили внимание, особенно мужчины. Они подходили и сразу же узнавали вождя обездоленных. У всех появилась надежда на спасение. Брай Лута обступили. Мертвенно-бледные старики, и те поднялись на ноги. Все говорили, все спрашивали Брай Лута, что делать?

Брай Лут слушал и молчал, он медлил со словом, обдумывая свое решение, видимо, считал, что поспешно высказанному слову могут не поверить, но все пойдут за своим вождем, если они увидят, что он долго молчал прежде, чем сказать и, значит, сказано единственно правильное. Его не торопили, не мешали думать.

Решение Брай Лута для многих оказалось неожиданным.

Установить порядок в городе — не самое главное. Кому нужен этот город? Надо уйти из него. Надо пойти в долины, где суком дерева можно взрыхлять почву, бросить в нее зерна, и с этого начать новую жизнь. Кто хочет идти — пусть собирается в дорогу. Пусть скажут всем об этом. Кто хочет своим трудом добывать пищу —

тот пойдет за обездоленными. Брай Лут — каменщик. Он сделает первый каменный топор. Тогда можно будет срубить дерево. Потом он сделает плуг с лемехом из камня. Жители долин, что давно возделывают поля, примут горожан,— им не обойтись без плуга. И не надо делить пахотных угодий, они общие для всех, и работать все будут вместе. Придет время, и рамуины снова начнут плавить металлы. Снова возникнут города. Но тогда не будет деления на обездоленных, рамуинов и гарамуинов, никогда больше не будет гарамунала и войн. Пусть знают это все и собираются в путь. Пусть возьмут с собой всю одежду, огниво, а питание будет общим для всех.

Брай Лут говорил с жаром, он так выразительно жестикулировал, что я, не слыша его голоса и не понимая языка рамуинов, догадывался, о чем он говорит.

Брай Лут вместе со своими товарищами направился к центру города, и туда стали стекаться со всех сторон оживившиеся рамуины. Согнувшись под тяжестью ноши, шли мужчины. Женщины несли детей. Гекконы волочили за собой странные повозки, похожие на корыта.

Великое движение рождалось из одного шага обездоленных, а таких было тысячи, миллионы. Брай Лут, конечно, не знал, что происходило в других городах. Вероятно, то же самое. Но нужно было как-то организовать это движение. Во главе каждой колонны Брай Лут поставил своих друзей, и множество колонн по разным улицам направились на запад и в полуденную сторону, где было раздолье нив и лесов, не выжженных гарамуналом. Брай Лут остался пока в городе. К нему то и дело подходили горожане, по внешнему виду недавно богатые, но теперь все обездоленные.

Брай Лут приглашал всех и предупреждал, что новая жизнь начнется с тяжелого физического труда.

И за Брай Лутом пошли даже те, кто осудил его на смерть — им некуда было деваться.

Город опустел, он превращался в развалины. Айро розовым светящимся диском опускалось ниже, и черные тени легли среди желтой пыли и каменных обломков. Вот обвалилась крыша рамухонды, и из нее вышел гарамунал. Он был один, весь желтый от пыли, его короткие ноги дрожали и едва несли обмякшее грузное тело.

Напротив рамухонды обрушилась стена дома, гара-

мунал посмотрел туда. Лучи Айро били ему прямо в глаза. Там, на развалинах дома высилось что-то черное, похожее на памятник — фигура простого рамуина, взмахнувшая молотом. Обломки камня закрывали ее до пояса, и далеко вокруг была видна одна и та же картина — битый камень и остатки стен.

Гарамунал вздрогнул, он узнал — то был Брай Лут. Это он, бессмертный, для которого не нашлось топора, чтобы отрубить голову, ни стражи, ни палачей, увел с собой всех, опустошил город; он поднял молот, чтобы нанести последний удар.

Диск Айро спустился к горизонту, тень от поднятого молота удлинилась и коснулась гарамунала. Он упал лицом вниз, ожидая удара. Но Брай Лут медлил: вероятно, наслаждался видом поверженного противника. Гарамунал приоткрыл глаза. Наплывшая тень не мешала смотреть вверх. Он увидел маленькое светлое облачко, быстро несущееся по небу. Сияние, подобно божественному, широкими кругами расходилось позади него...

* *
*

— Это наш корабль,— сказала Ильмана.— Отец и другие члены совета полетели к рамуинам, чтобы установить дружественную связь с Брай Лутом.

Дискообразный корабль альвинов снизился и медленно пролетел над городом. С небольшой высоты столица Рама выглядела сплошными развалинами, оставленными жителями в незапамятные времена, над ними сгущались сумерки, но не зажглось ни одного огня.

Альвины поняли, что в городе никого нет. Дюзы корабля выплеснули длинные пики пламени, внизу заклубилась пыль. Корабль поднялся и перешел на горизонтальный полет, и скоро под ним в темноте засветилось множество огней.

— Огни новой жизни,— сказала Ильмана.

Экран потух...

Ильмана ждала, что я скажу об этом страшном столкновении жителей двух планет, но я молчал. Я думал о Брай Луте и всех рамуинах, оставшихся даже без каменного топора, который надо было как-то сделать. С того времени прошло около десяти лет. Трудно было представить, что успели сделать обитатели Рама, на вооружении которых первоначально находился только камень, какой образ жизни они ведут. Мне виделись пещерные жители, полуголые, с косматыми гривами волос; неугасающий очаг, в котором постоянно поддерживал огонь полуслепой немощный старик; групповая охота на крупного зверя — его загнали в западню, в длинной шерсти белеют, как соломинки, древки копий, и на вскинутую голову с разинутой пастью летят тяжелые камни...

Мне рисовались и другие картины: бескрайние зеленые равнины без дымных городов и машин; люди в белых платьях, травы по пояс, деревянные избы, прирученные звери, непуганые птицы, белые барашки облаков на горизонте... Эта безмятежная жизнь настолько понравилась жителям, что они отказались идти дальше сохи. Но я понимал, что этого быть не может — они пойдут дальше.

Угадывая мои мысли, Ильмана сказала:

— Брай Лут поступил очень благоразумно. Он выбрал в городе самые необходимые книги: как строить плавильные печи, машины, дома, мосты, изготовлять ле-

карства, книги по разным наукам. Благодаря этому общество пройдет второй путь к вершинам цивилизации в тысячу раз быстрее.

— Как встретил Брай Лут вашу делегацию?

— Он сказал: «В тот день мы благодарили наше избавление, от кого бы оно ни исходило». Ему предложили помощь. Он ответил: Нет, пока не нужно ничего. Все будут работать, мы позаботимся об этом, потому что простых рамуинов — большинство, дети, родившиеся от пастухов, сеятелей и жнецов вырастут равными. Он принял единственный подарок — радиостанцию, чтобы держать связь с Альвой и в крайней необходимости попросить помощи. Скорее всего потребуется медицинская помощь, сказал он.

— Сколько жителей города погибло при этой катастрофе?

— Гарамунал и несколько чиновников,— спокойно ответила Ильмана,— меньше того, сколько ежедневно погибали там от несчастных случаев. А на Альве погибли от атомных взрывов тысячи... У вас есть личное мнение на этот счет?

— Да,— сказал я твердо.— Вы поступили справедливо. Но мне все-таки жаль простых рамуинов — им приходится расплачиваться за преступления, которых они не совершали и сами никогда не совершили бы, вся тяжесть ложится опять на их плечи.

— Из двух зол выбирают меньшее — есть у вас, я слышала, такая пословица,— сказала Ильмана.

Я знал, к чему она клонит. Об этом мне еще придется разговаривать с магистром, и надо много, много думать...

БЕССМЕРТИЕ

1

Новосельский волновался. Через полчаса взлетит космический корабль, он должен снять Стебелькова с орбиты. Корабль снабжен магнитными присосками, имеет специальные соединительные фермы, которые захватят и будут держать спутник. Команда находится в готовности номер один. В любую минуту корабль можно видеть на экране — нацеленный в небо, он похож на длинный очиненный карандаш, поставленный на торец. Такая форма соответствовала условиям полета: предстояло не только дважды пройти сквозь атмосферу — при подъеме и спуске, но, возможно, придется сделать несколько заходов, опускаясь в верхние слои воздуха. Все было готово к ответственной операции, но Новосельский волновался. Только что были получены новые данные о спутнике, о них было доложено председателю Комитета космонавтики,

который приказал проверить, вторично произвести расчеты и доложить через двадцать минут.

Боковая дверь кабинета выходила в сад. Евгений Викторович оставил ее открытой, чтобы слышать, если позвонят, и опустился в плетеное кресло. Он не сомневался, что счетно-выслительный центр подтвердит те же данные. Нужно было успокоиться перед разговором с председателем Комитета космонавтики, и Евгений Викторович хотел отвлечься от мыслей, взволновавших его. Он пытался думать об Инге Михайловне, однако думалось только о Стебелькове. По привычке мысли его понеслись в дальние дали, к звездам...

Он не принадлежал к числу тех людей, которые считали, что только человек Земли единственно правильно сложен, идеально гармоничен, красив, а разумные существа других миров, вероятно, одноглазы, косорылы, длинноносы, они могут быть в виде отвратительных моллюсков или даже состоящие из кристаллов. Стебельков опроверг это. Он подтвердил ту точку зрения, которой придерживался Новосельский. Существует единство законов Вселенной. В самом деле: если при имеющихся возможностях стали известны спектры звезд даже в других галактиках,— а спектральный анализ помогает ориентироваться в мире атомов, и он показывает, что эти звезды таковы же, как и наше Солнце,— то логичен вывод о схожести возникновения и развития жизни на других планетах. Жизнь развивается только в труде, в борьбе, и разумное существо приобретает руку — совершенный орган трудовых операций (червеобразный отросток для этих целей не годится, он отмер бы, как обезьяний хвост, либо превратился бы в ту же рабочую руку). В иных населенных мирах, как и на Земле, происходит тот же углеродный и кислородный обмен, являющийся дыханием жизни, и всюду господствуют одни и те же законы небесной механики, физики и химии...

В кабинете раздался звонок, и Новосельский подошел к телефону. Он этого и ожидал — машина не ошибается, счетно-вычислительный центр подтвердил свои данные. Евгений Викторович позвонил в Комитет космонавтики. На экране видеотелефона показалось хорошо знакомое лицо председателя Комитета — сухие щеки, нос с горбинкой, густые черные брови.

— Здравствуйте, Евгений Викторович.

— Еще раз здравствуйте, Леонид Акрамович.
— Я вас слушаю.
— Леонид Акрамович, мое мнение — оставить спутник,— сказал Новосельский, немного волнуясь.— Навсегда, навечно. В этом — бессмертие Стебелькова.
— Данные те же?
— Они абсолютно верны, Леонид Акрамович. Спутник имеет в общем форму шара диаметром не более тридцати сантиметров. Объем футбольного мяча. Это объясняет все.
Председатель Комитета нахмурился, склонил голову, прочитал свои записи и снова взглянул на Новосельского.
— Но вес, Евгений Викторович, вес-то значительный.
— Да, но он подтверждает, а не опровергает наше предположение.
— Значит, только мозг?
— Да, моделированный мозг Стебелькова. Этим и объясняется значительный вес спутника. Если мы при создании машинных копий добились плотности монтажа до сотни миллионов элементов в одном кубическом сантиметре, то альвины, надо полагать, ушли от нас далеко вперед.
Доводы были убедительными, но председатель Комитета ставил перед Новосельским все новые вопросы, он тревожился: а вдруг данные о спутнике не верны и там — живой человек, герой, каких еще не знал мир.
— Ведь Стебельков отвечает на такие вопросы, которые наверняка не могли быть запрограммированы,— сказал он.
— Совершенно верно, Леонид Акрамович. Но вот еще доказательства. То, что Стебельков перед началом сеанса произносил только несколько слов, а затем включал пленку, меня с самого начала заставило подумать о модели мозга. Но я допускал мысль, что ему самому трудно вести длинную передачу, трудно говорить. Когда была установлена двухсторонняя связь, выяснилась такая особенность: он весьма подробно и четко доложил о состоянии аппаратуры. Однако мы ничего не могли узнать о нем самом. Он ни слова не сказал о состоянии своего здоровья, о самочувствии. У него нет этого состояния, Леонид Акрамович.
— Очевидно, вы правы, Евгений Викторович, и все-

таки... Когда слушаешь рассказ Стебелькова, думаешь о человеке, а не о машине. Понятно, что альвинам не представляло большого труда сделать электронный мозг. Они знают русский язык, а дальше — законы кибернетики: модель мозга сама анализирует услышанное по принципу отбора, отвечает на вопросы... Но если хоть одна сотая, тысячная, миллионная доля процента в доказательствах будет против моделированного мозга, спутник снимем и доставим на землю.

— Ошибки не должно быть, Леонид Акрамович,— твердо сказал Новосельский.— Если мы снимем спутник и он окажется моделью мозга, мы, возможно, не услышим, что стало со Стебельковым, потому что работа модели рассчитана на определенные условия. Нельзя допустить ошибки, иначе мы просто ничего не стоим.

— Так. Я верю вам,— медленно произнес председатель Комитета.— Подождите. Я вернусь для окончательного разговора через несколько минут.

Новосельский стал ждать. Он не отходил от видеотелефона. Он догадывался, какое будет принято решение и кому поручат его выполнять.

Снова появившись на экране, председатель Комитета сказал: подготовленный к старту космический корабль полетит к спутнику; Новосельскому поручается самому наблюдать спутник с близкого расстояния, сообщать данные о нем, и только тогда будет принято окончательное решение.

2

Определить с Земли положение спутника не составляло большого труда, но найти его — дело нелегкое. Для громадного космического корабля он был песчинкой, залетевшей на тридцать пять тысяч километров от Земли. Если бы спутник хоть на мгновение оказался бы позади корабля, горящие газы, выбрасываемые из дюз со страшной силой и на огромное расстояние, уничтожили бы его...

Из предосторожности корабль взлетел и поднялся далеко в стороне. Он достиг высоты в сто тысяч километров и стал снижаться по спирали, окружая место, где находился невидимый спутник,— огненная струя газов все время была направлена в стороны от него и не-

много вверх. Теперь вся надежда была на приборы. Радар пока ничего не показывал. Иногда о корпус корабля ударялся маленький метеор, при этом Новосельский каждый раз бледнел: «А если это?...» Он отгонял беспокоящую мысль, посматривая на командира корабля.

Командир был опытный космонавт, воплощение невозмутимости; этого человека с добродушным лицом, с ясным открытым взглядом серых глаз, казалось, ничто не может взволновать и огорчить.

— Спокойно, товарищ профессор,— улыбаясь, говорил он Новосельскому.— Нервочки-то у вас, я замечаю, в последнее время поослабли.

— Исключительный случай,— оправдывался Новосельский.— Это же не просто полет.

— Да, такие виражи вблизи Земли опасны,— лениво согласился командир; слово «опасны» он произнес так, будто разговор велся дома за чайным столиком и речь шла о ком-то другом, находившемся в космосе. Новосельскому хотелось упрекнуть его, сознает ли он сам всю ответственность операции? Но это было бы бестактностью. Он хорошо знал этого человека, верил в него.

— Я недавно вернулся с Марса,— сказал командир.— Спокойнейший, даже скучный полет. Когда я спал, меня замещал корреспондент. Сообразительный малый, только не в меру горяч.

— Знаю такого,— сказал Новосельский.— Его зовут Лео Киджи.

На этом разговор кончился. Стало не до разговоров.

Еще один ход по спирали. Высота — пятьдесят тысяч... Внизу виднелась выпуклая Земля, закрытая дымкой облаков. Командир корабля преобразился, его сильное тело напружинилось, взгляд заострился. Еще виток. Теперь корабль почти на одной высоте со спутником. Напряжение возросло. И вот на экране появилась искрящаяся точка. Командир приказал убавить скорость. Точка увеличивалась, приобретала четкие очертания, затем у нее появилось что-то вроде усиков. Корабль суживал круг. Он стал как бы спутником маленького спутника Земли, затем он выровнял скорость и полетел по прямой параллельно со спутником, чуть поотстав от него — при таком положении длинный огненный хвост был не опасен.

Спутник был виден хорошо. Усы оказались двумя парами металлических стержней, между которыми было что-то вроде сетки с серебряным блеском. Вероятно, это были своеобразные агрегаты электростанции, использующей энергию Солнца. Сам спутник был не круглый, он скорее напоминал падающую каплю, величина ее в общем была такой, как и предполагалось. В этом малогабаритном снаряде человек поместиться, конечно, не мог.

На радиовызов «Стебельков» не откликнулся. Это еще раз подтвердило, что передатчик его направляет с помощью квантово-механического прибора радиоволны узким лучом только в одну точку на Земле, не расходуясь на ненужные излучения в пространство.

Никаких сомнений не оставалось.

— Это не Стебельков,— сказал Новосельский.— Тело его покоится, вероятно, на далекой Альве.

Не сговариваясь, весь экипаж корабля — четыре человека — поднялись, придерживаясь руками за кресла, и замерли в траурном молчании.

За иллюминатором, совсем близко плыл, величаво поворачиваясь и сверкая серебристыми сетчатыми крыльями, вечный Спутник Земли, необычайный памятник герою-космонавту, обстоятельства гибели которого оставались пока неизвестны.

Новосельский вздохнул, сел в кресло и попросил радиста связаться с Комитетом космонавтики.

3

Возле небольшого поселка в пустыне с необычайной быстротой была сооружена радиостанция. Она уже начала передавать запись рассказа Стебелькова для слушателей всего мира. «Стебельков» сообщил, что у него имеются и телепрограммы. Потребовалось в срочном порядке строить телецентр.

Поселок превращался в город. По воздуху были доставлены сборные дома, аппаратура. Вертолеты поднимали готовые фермы, и росла пирамидальная телевизионная вышка, она будет высотой около тысячи метров.

Старик казах с белой бородой выходил из своего домика, садился на песчаный холмик и с удивлением смотрел, как растет его поселок, как на глазах появляются многоэтажные дома, вертолеты легко несут металличе-

ские решетки, и все выше, в самые небеса тянется башня.

«Когда я был маленький,— вспоминал старик,— и вместе с отцом, который верил аллаху, ходил в южные города, мне казалось, что самая высокая башня — это минарет. Но теперь я хорошо знаю, что в моем поселке самая высокая башня».

К нему подходили люди в белых, как зимняя степь, костюмах, в синих комбинезонах, в легких, раздуваемых ветром рубашках, в темных очках, с аппаратами в кожаных чехлах, с блестящими инструментами в руках — корреспонденты, инженеры, строители — и который раз вежливо спрашивали:

— Почтеннейший Ертыс, скажите ради добра, где ваш правнук? Им интересуются редакции газет и радио, хотят знать в Москве, во всех городах.

Старик отвечал с заметным удивлением:

— Зачем вы приехали сюда, если мой Булат в Москве?

— Москва большая, нам надо знать точно.

— Он сдает экзамены в институт.

— В какой институт? В Москве много институтов.

Старик покачивал головой.

— Этого я не знаю. Булат еще не написал письма. Уезжая, он сказал: «Не тревожьтесь за меня, я решу все задачи, сдам все экзамены и выучусь на инженера. Не надо телеграмм и писем с пожеланием успеха: ваши слова будут волновать меня, а волноваться на экзаменах нельзя». Так говорил всем наш Булат. И вы не разыскивайте его — не надо мешать мальчику решать трудные инженерные задачи.

И люди, пожимая плечами, уходили.

* *
*

В двадцать часов «Стебельков» начнет радиопередачу, запрограммированную ему. До начала ее оставалось полчаса. Это время было использовано для продолжения знакомства, которое началось с установлением двухсторонней связи. Новосельский решил не покидать пока радиостанции: очень важно и интересно было выяснить «умственные» способности и «память» моделированного мозга.

«Стебельков» желал здоровья и личного счастья всем людям Земли, но на посланные ему поздравления не ответил. Было замечено, что он быстро реагирует на слова «солнце», «земля», «человек», «работа». Он подтвердил, что видит и слышит, и скупыми, но точными словами рассказал, как выглядит сверху Земля — различал форму, цвет, правильно определил расстояние от спутника до Земли. Пять часов тридцать минут назад он увидел космический корабль, который подошел довольно близко, «Стебельков» сказал несколько слов о его внешнем виде — это был корабль, в котором летал Новосельский, кружась над спутником. «Стебельков» слышал голоса, но отвечать не мог — линия передачи у него только одна, она идет к Земле. Он говорил об этом спокойно, сухо, не выказывая никакой радости, и странно было слышать его голос, лишенный малейшей эмоциональной окраски.

Тема диалога расширялась, и Новосельский сделал вывод, что альвины снабдили модель мозга довольно гибкой программой. Но в то же время у «Стебелькова» была и жесткая программа.

— Ваш корабль, на котором вы прилетели с Альвы, сгорел без огня,— сказал Новосельский.— Странное горение...

— «Желтое облако»,— последовал короткий ответ.

— Что это такое?

— Мне не дано знать.— А вы не знаете?

— Нет,— ответил Новосельский.— О «желтом облаке» мы впервые услышали от вас.— Евгений Викторович вспомнил телефонный разговор с Ингой Михайловной: она была весьма осторожна, однако в ее словах чувствовался намек: в лаборатории некоего Шкубина занимаются не только анализами остатков сгоревшего корабля. А Киджи — этот горячий, склонный к преувеличениям человек — уверял, что Шкубин и Руис давние друзья. Последние дни страшно занятый, немало поволновавшийся, Новосельский забыл о Карасаевой, о том, что она там делает — вернее, не забыл, а просто не беспокоился: ничего опасного там нет, а при необходимости Карасаева и Дольц поставят его в известность. Надо непременно сегодня же все выяснить... А сейчас Новосельскому хотелось узнать, как будет реагировать «Стебельков» на имя — Руис. И он сказал:

— Отец Дина Руиса — Пат Руис — жив.

Очевидно, имя это связывалось в программе у «Стебелькова» с чем-то важным, имело значение для альвинов — он тем же холодным тоном сказал:

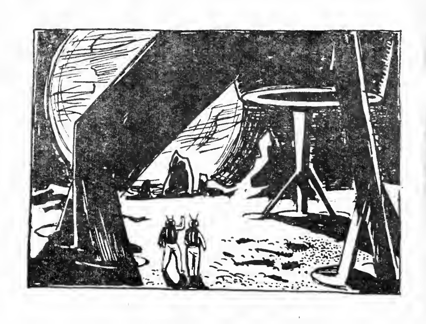
— Пат Руис мог знать.

— Что? «Желтое облако?».

— Да.— «Стебельков» помедлил, он словно что-то подсчитывал.— Пять, семь, десять... Прошло семнадцать лет и два месяца... Значит, он не знал.

Как ни интересен был разговор, но подходило время очередной радиопередачи. «Стебельков» умолк. Теперь он не будет отвечать на вопросы. У него свой порядок, который он не сможет нарушить, что бы ни говорили ему с Земли.

Передатчик спутника снова заработал, и Земля стала слушать голос из космоса.

ИСЧЕЗНИ, ОРУЖИЕ!

1

Я хотел пойти встречать Дина Руиса один. Кайбол не разрешил. Со мной пошел Тэл. Я спросил его:

— Магистр думает, что я один не справлюсь?

Тэл, поскучневший в последнее время, промолчал.

— Или мне все еще не доверяют? Это обидно.

— Не совсем так.

— Вы боитесь, что я улечу вместе с Руисом на Землю?

— Магистр опасается необдуманного поступка,— ответил Тэл.— Ты можешь сделать это с тоски.

— Нет, я не улетел бы.— Наше благополучное возвращение кое-кто расценил бы как возможность создать военную базу на Луне. А вы не допустите этого. Сюда полетели бы атомные бомбы. Я понимаю...

— Нет, не все ты понимаешь, Ник. Никуда вы не улетели бы.

— Ах, вот что! Как я мог позабыть! Нас догнало бы «желтое облако». Значит, ты идешь со мной для того, чтобы предупредить Кайбола, если мы вздумаем улизнуть.

— Верно. На Земле никто не должен знать, что здесь живут люди, есть готовая база. Но я иду еще и для того, чтобы помочь тебе. Ты готов?

— Идем.

На Луне наступила долгая ночь, но было почти так же светло, как и днем. Яркий голубоватый диск Земли висел над зубчатым горизонтом. Звезды плыли позади нее, исчезали за огромным диском и вновь появлялись. Мы, в скафандрах с терморегуляторами, не ощущали холода. Разница между днем и ночью для нас была лишь в том, что с неба исчезло солнце и лунные пейзажи еще больше помрачнели, в них господствовало черное и белое.

— Здесь ночь в сто раз светлее, чем на Земле в ясную погоду при полной Луне,— сказал я.

Тэл никак не отозвался, он не хотел говорить о Земле.

Мы выбрались из расщелины и остались здесь, за каменными глыбами кратера. Выходить на открытое лунное поле было рискованно — можно попасть под огненную струю, отбрасываемую двигателем ракеты. По расчетам корабль Дина Руиса вот-вот должен появиться, но на черном небе не виднелось ни одной движущейся огненной точки.

Дин Руис должен сделать посадку только в этом месте, если вправду он хочет разыскать след русского парня. Я услышал голос Кайбола — магистр сказал что-то Тэлу. И в это время показался «Сириус». Корабль появился не со стороны Земли, а из-за горизонта. Как и я, Дин Руис сначала облетел Луну по орбите и теперь шел на посадку. Пока был виден только короткий световой луч, как хвост кометы.

Хвостовое пламя разворачивалось, описывая плавную дугу. На какое-то время оно замерло, как маятник остановившихся часов, и затем медленно стало снижаться. Теперь можно было разглядеть и сам корабль — длинный цилиндр с тупым носом, светлый с одного бока, черный, еле заметный,— с другого. Тучи пыли поднялись на Луне, затмили пламя и скрыли ракету, как будто неожи-

данно открылся вулкан и начал выбрасывать пепел. И все это без единого звука и шороха — словно кадры немой кинокартины. Только дрожали ноги, потому что вибрировала лунная поверхность. Стало темно, исчезли звезды и Земля.

«Неужели взорвался?» — подумал я.

Пользуясь тем, что поднявшаяся пыль затрудняла видимость, мы пошли к тому месту, где прилунился корабль Руиса.

Нет, «Сириус» не взорвался. Сквозь редеющую пыль виднелось его длинное тело, стоявшее вертикально, как памятник.

Тэл подал мне знак молчать. Мы пошли быстрее.

Пыль постепенно улеглась. Стало светло. Ракета возвышалась не далее как в двухстах метрах. От нее пролегла длинная черная тень, и мы вошли в эту тень. Трудно двигаться в сплошной темноте, но другого незаметного пути не было.

Мы подошли к «Сириусу» вплотную. Руис не показывался, только открылся люк. Потом нас оглушил ликующий голос. Дин торопился передать на Землю о своем подвиге.

Но вот наконец и сам герой. Неуклюжий в скафандре, он выбрался из люка спиной к нам, цепляясь за скобы на гладкой поверхности ракеты, стал спускаться вниз. Сбоку у него болтался на ремне портативный киносъемочный аппарат. Ступив на Луну, Руис принялся за работу. Прежде всего он нацелился аппаратом на свой корабль, а затем уже обратился к лунным пейзажам. Нас он не замечал, отошел от ракеты довольно далеко, и этим воспользовался Тэл. Он быстро вскарабкался по ракете, исчез в люке: надо было прежде всего вывести из строя радиостанцию «Сириуса».

Мне не следовало дальше таиться в тени — Руис мог заметить, перепугаться. Я окликнул его:

— Хэлло, Дин! Поздравляю с удачным рейсом на Луну! — и приветливо помахал рукой.

Руис пошатнулся и упал на колени. Он что-то забормотал дрожащим голосом — вероятно, начал читать молитву. Я подошел к нему, Дин растянулся и замычал.

— Верующим не рекомендуется покидать Землю,— с насмешкой сказал я, нагнулся и тронул Руиса за плечо.— Слушай, Дин! Я не черт и не ангел. Я Стебельков.

Руис не верил, он боялся поднять голову. Чего он боялся больше, черта или человека, трудно было понять.

— Ты, Дин, кажется поторопился сообщить на Землю о том, что прилунился точно на месте гибели Стебелькова и не увидел ни ракеты, ни его самого. Но ошибку исправить, наверно, уже нельзя. Тэл, иди сюда! С парнем плохо...

— Я уже покончил с этой штукой,— отозвался Тэл, спускаясь вниз.— Будет молчать... Что с ним?

— Принял нас за чертей и перепугался до смерти. Неприятная предстоит дезинфекция...

Дин постепенно пришел в себя. Голосу моему он не поверил, подумав, что это говорит дух погибшего Стебелькова. Его привел в чувство Тэл, говоривший, как герой кинофильма: «Мой кольт бьет без промаха»,— он не мог быть чертом. Руис приободрился, встал. Нельзя было за толстым стеклом скафандра разглядеть выражения его лица. Мы с Тэлом посмеиваясь, перебрасывались словами, чтобы ободрить Дина, он молчал, прислушиваясь. Наконец, подал голос.

— Хэлло, парни! Я что-то не слышал о тебе, Тэл? Брось шутить, рассказывай, как попал сюда. Я очень рад вас видеть.

— Видим, видим! Чуть не умер от радости.— Я похлопал его по спине.—На сколько здесь у тебя кислорода?

— Часа на два.

— На дорогу хватит. Мы идем в гости к Тэлу. Это недалеко...

Дин, кажется,отличался способностью быстро переходить от крайнего аффекта в состояние добродушия, но удаляться от ракеты он не решался. Мне пришлось рассказать кое-что о себе и об альвинах. Тогда он согласился.

— Пошли.

Но чем дальше мы уходили от ракеты, тем беспокойнее вел он себя: пустынно, мертво было вокруг.

2

На Луне снятся только земные сны. Я часто видел мать, каждый раз за одним и тем же делом — она собирала меня в дорогу, укладывала чемодан. Ничего не говорила, перекладывала рубашки и что-то считала на

пальцах, как неграмотная. Я отправлялся не на Луну, а, кажется, на войну. Все уехали. Я опаздывал. Мать задерживала, молчаливо перебирая пальцы.

Еще снился спортивный зал, момент прыжка и медленное, бесконечное падение, оно вызывало замирание сердца...

Я спал плохо, беспокойно. В доме альвинов не происходила смена дня и ночи, всегда стоял вечерний сумрак. Жизнь тут шла не по земному времени. и я както не мог приспособиться к необычному распорядку — это больше всего касалось сна. Прикинув по своим часам, я определил, что суточный цикл альвинов в полтора раза меньше земного. За это время альвины дважды ложились спать. То же приходилось делать и мне, но уснуть удавалось не всегда. А если и засыпал, то некрепко. И непременно что-нибудь видел во сне, чаще всего несуразное, иногда страшное: испепеленные города, одичавших людей в звериных шкурах, видел Землю, превратившуюся в круглый булыжник, на котором человеку не было места.

Но теперь мне стало легче. В моей комнате поселился Дин Руис.

Мы с Тэлом остригли его наголо, хотя он и сопротивлялся, прополоскали желудок, промыли и продезинфицировали носоглотку, уши, глаза, и еще Дин купался в специальном растворе. Вышел он из ванной комнаты на себя не похожий: голый неровный череп, большие уши, пристыженный взгляд покрасневших глаз...

— Вы будете жить вместе,— сказала Ильмана Дину и мне.— Ведь вы с одной планеты и должны дружить. Гуд бай, мистер Руис! До свидания, гражданин Стебельков.

Дин посмотрел ей вслед восхищенным взглядом, покачал стриженой головой и прищелкнул языком.

— Вот это чудо! Если бы Ильмана попала в руки ловких художников и режиссеров, она быстро бы сделала миллион долларов. Для цветного кино и телевидения одни глаза что стоят!

Мы с самой встречи стали на «ты». Я сказал Руису:

— Давай, Дин, сразу же договоримся: ни одного оскорбительного слова о наших хозяевах. Я не придаю значения твоей шутке, но пусть она будет последней. Это — условие нашей дружбы.

— Идет! Слушай, Ник! А чертовски здорово, не правда ли?

— Что именно?

— Да все это! — Дин показал рукой на стены и потолок.— Что мы встретились и здесь люди... Никак не ожидал!

Дин ознакомился с обстановкой комнаты, заглянул в шкаф, попробовал дверь и не нашел ничего оригинального.

— Как ты думаешь,— спросил он,— разрешат мне сообщить на Землю пару слов?

— Забудь пока об этом.— Твоя радиостанция не работает. Это сделал Тэл по указанию магистра.

— Вот как! Коварный прием... Нет-нет, помню и молчу.

— Расскажи лучше, что нового на Земле? — попросил я.

Дин начал рассказывать. По его словам, на Земле ничего не изменилось. Война немыслима, но угроза ее продолжает оставаться. Коммунисты несговорчивы...

У нас стал назревать спор, но я вовремя спохватился.

— Знаешь что, Дин, давай кончим этот разговор. Получается сказка про белого бычка.

— Согласен, Ник, разберутся без нас.

— Но мы скажем свое слово, когда потребуется. Ведь мы договорились с тобой о дружбе?

— Да, да и незачем повторять. Мое слово твердо. Послушай, Ник! Твоими стараниями мой желудок превращен в вакуум. Когда у них это самое?..

— Скоро. Через полчаса. Имей в виду — за столом без лишних слов.

— Не привык, но постараюсь,— пообещал Дин.

3

Альвины приняли Руиса с тем же равнодушием, как и меня на первых порах. Но он оказался более общительным парнем. За столом хозяева обычно хранили молчание, Дин сразу же нарушил его.

Лишнего стула не было, и Руису пришлось как-то примоститься между мной и Тэлом. Он отпустил удачную шутку по этому поводу.

— Между двух стульев — это все-таки не между Землей и Луной.

Шутку приняли. Впервые улыбнулся Кайбол. Дина отлично понимали я и Тэл, к нам надо прибавить и магистра с дочерью. Таким образом, у Дина были слушатели, и он болтал обо всем, что придет в голову.

Кажется, он не умел скрывать своих чувств и мыслей. Дин рассказал, как перепугался, встретив на Луне Тэла и меня, и как потом обрадовался. Да, он был человеком непосредственной натуры и этим походил на Тэла, который был однако менее разговорчив. Они как-то сразу понравились друг другу. Когда Дин рассказывал что-нибудь хоть немного смешное, Тэл смеялся с оттенком подобострастности. Зато на Ильману Дин произвел, видать, неблагоприятное впечатление. Почему? Я еще не понимал этого, но хорошо заметил и мог поклясться перед собой, что это именно так. В заключение обеда, как обычно, альвины пили фруктовый сок, или что-то в этом роде. Вероятно, их напиток содержал алкалоиды возбуждающего действия. Я каждый раз испытывал это на себе — чувствовал прилив бодрости, казалось, в руках и ногах прибавлялось силы и повышалось настроение. Но там не было и градуса алкоголя.

Дин Руис, выпив свой стакан, воскликнул радостно:

— Это же «кока-кола»! Где и как вам удалось подцепить рецепт изготовления прославленного напитка?

— У вас, только у вас,— сказал Кайбол с чуть заметной язвительной усмешкой. Дин принял его ответ за чистую монету.

— Ну, ясно! Это же мировой напиток!

Тэл смеялся, сам не зная чему. Он не скрывал, что новый гость очень нравится ему, и похвалил:

— Ты, Дин, славный парень.

Ильмана хмурилась. Я перехватил ее дрожащий, как пламя на ветру, взгляд и побоялся: сейчас она встанет и скажет строго и презрительно, что глупость нисколько не смешна, и еще что-нибудь неприятное для Тэла. И она поднялась, но молча ушла. Дин ничего не понял, он продолжал болтать:

— Вы мне нравитесь. Вы многому успели научиться у нас.

Поднялся помрачневший Кайбол. За ним ушли все альвины, кроме Тэла.

— Ваш шеф,— сказал Дин Тэлу,— деловой человек и не любит шутить. Сколько он платит вам?

— Чего? — Тэла разбирал смех.

— Денег, разумеется,— пожал плечами Дин.

— Мы им цены не знаем.

— Значит много,— заключил Дин.

— Очень много,— смеялся Тэл.— Ты простецкий парень, Дин. С тобой дружить можно. Такие не способны на зло. Ну, идите отдыхать, парни. У меня — работа.

Я думал, что несмотря на не очень-то приветливое отношение Кайбола к Дину, магистр пригласит его к себе для разговора. Но приглашения не последовало. Очевидно, магистр знал положение дел на Земле лучше Руиса.

Мы сидели — я и Дин — у себя в комнате и толковали о земных делах. Но скоро Дин утратил к ним интерес. Удобно развалившись в складном кресле, которое служило ему и кроватью, он начал рассуждать, как настоящий абориген-селенит:

— Мы живем на облаянной собаками планете и плюем на этот лай. Мы равнодушны к воздыханиям влюбленных, которые шепчут под чарующим лунным светом пошлые слова друг другу о своих чувствах. Мы со снисходительной усмешкой можем думать о земных звездочетах и разных гадалках, которые что-то предсказывают, поглядывая в нашу сторону. К черту все! Надоели земные страсти, психоз — денежный и военный,— все к черту! Вообрази, Ник, что мы с тобой отправились на курорт отдохнуть от трудов праведных, но сбились с дороги и попали сюда. Не тратить же нам время отпуска на обратный путь, чтобы отыскать нужную дорогу. Мы можем отлично провести время и здесь. Экзотика, неизведанные места — шикарно! Надо отключить свой мозг от всего земного.

— Стол здесь не совсем курортный,— заметил я.

— Вот именно! — подхватил Руис.— Это дело мы сейчас и обсудим. Мы, дорогой Ник, одинаково думаем, и это меня очень радует. Итак о столе. Пусть мы будем иметь «кока-кола». Но что ты скажешь о хорошей рюмке коньяку?

— Отличная мысль,— согласился я.— Но она бесплодна, как лунные долины.

— Ничуть.— Руис сбросил ноги со спинки кресла и

сел.— У меня в ракете остался изрядный запас всего этого... Коньяк-экстра! Как бы перетащить его сюда?

— Бутылки, наверное, разорвало,— высказал я предположение.— Безвоздушное пространство... А потом — карантин, дезинфекция.

— Предусмотрено, и все сделано по особому заказу,— уверял Дин.— Ничего не случилось. А что касается дезинфекции — ну пусть эти драгоценные сосуды обмоют снаружи, коньяк от этого не испортится. Иди к шефу...

— Пустая затея,— сказал я.— Вдвоем нам идти не разрешат. Кайбол опасается, что мы заберемся в «Сириус» и улетим. Но делу может помочь Тэл.

— Ура! — Дин вскочил.— Я о нем и не подумал. Он свойский парень. Увидеть бы его поскорее!

Раздался тихий мелодичный звон. В круглой ручке возле неразличимой двери вспыхнул красноватый свет. Неужели Тэл? Легок на помине...

Вошла Ильмана. Дин поспешно отвесил ей низкий поклон, но она даже не посмотрела на него.

— Николай, вас приглашает к себе магистр.

4

Я ошибался. Магистр не хотел беседовать с Дином Руисом совсем не потому, что сам отлично знал положение дел на Земле. Кайбол сказал мне:

— Не понимаю этого молодого человека, не верю ему, и все же не хочу проделывать той процедуры, которую пришлось перенести вам. Она насторожит Руиса, и наше дело осложнится.— Кайбол говорил об электроэнцефалографии.— Мне Руис не нужен, но его никуда не денешь. Вы наш союзник, и я буду разговаривать только с вами. Руиса считают погибшим. Кроме одного человека. Через каждые два часа с Земли вызывают «Сириус». Тэл и я запомнили слово «Киджи». Вы не знаете, что такое «Киджи»?

— Нет.— Я и в самом деле не знал, фамилия это, город или условный позывной? — Вообще никогда не слышал такого слова — Киджи.

— Руис должен знать.

Затем Кайбол сообщил новости. В Советском Союзе объявлен конкурс на проект лучшего памятника космонавту Стебелькову. «Атлантик-компани» накануне ката-

строфы: выяснилось, что подземный город даже не строился, но взносы назад не возвращаются, и президенту компании грозят большие неприятности. Дин Руис, вероятно, хотел поправить денежные дела отца и предпринял этот рискованный полет, рассчитывая на большое вознаграждение.

— Я буду информировать вас обо всем существенном, что произойдет на Земле,— сказал Кайбол.— И мы вместе решим, что следует предпринять.

— Благодарю за доверие, магистр,— я поклонился.— Я понимаю, как надо вести себя с Дином Руисом. Вообще-то он производит впечатление бесхитростного парня. Он считает, что здесь можно отлично отдохнуть.

— Если бы это было так,— сказал Кайбол.— Прибыл он, разумеется, не отдыхать. Но вполне возможно, что полет его был пробным, и этот рейс не является началом операции. Пусть Руис веселится и не задумывается над тем, что волнует нас,— добавил магистр.— Он ничего не должен знать и подозревать. Вам надо дружить.

Когда я вернулся в свою комнату, Руис был встревожен.

— В чем дело, Ник? Шеф сердится?

— Не очень, но речь шла о тебе. Все в порядке! Но ты должен держать себя в рамках приличия. Видишь ли, я отвечаю за тебя перед магистром. Ты не думай, что он сухарь. Он понимает, что нам скучновато здесь. Ты парень веселого нрава. И магистр сказал: «Пусть отдыхает, веселится».

— Честное слово? А как насчет этого?..— Дин выразительно щелкнул пальцами.

— Надеюсь, что магистр разрешит тебе и Тэлу сходить к «Сириусу».

Руис, насвистывая какой-то мотивчик, начал кружиться по комнате.

— Ты настоящий друг, слышишь, Ник? Скорее бы показался Тэл! Знаешь, что я подумал? Ведь они слушают Землю?

— Конечно. Все станции слушают.

— Я уверен, что у Тэла есть магнитофонная запись самых модных новинок.

— Пожалуй.

Наблюдая за выражением лица Дина, я неожиданно спросил:

— А скажи, Дин, что такое «Киджи»?

Веселый задор сразу пропал у Руиса. Он потупился.

— Не понимаю, о чем ты спрашиваешь? Откуда ты взял это слово?

— Ты во сне повторял: «Киджи, Сириус»... «Сириус» — это ясно, а что означает — Киджи?

— Понятия не имею, клянусь честью! Во сне не думают. Взбредет же в голову такое — Киджи! Хм...— Дин явно был смущен.

— Я подумал, это имя твоей девушки.

— Не Киджи, а Ижи! — обрадовался Дин.— Вообще, у меня много девушек, а эту я давно забыл. Ижи! Беленькая, с голубыми глазами... Ты, Ник, не веришь снам?

— Нет. Ни в сон, ни в чох, говоря по-русски.

— Странно, что в первый сон на Луне я увидел Ижи, которую давно забыл. Это плохой сон, Ник.

Дин опечалился — это было видно,— и я подумал, что он говорит правду. Я успокоил Дина:

— Не расстраивайся. Приснятся и другие.

Снова раздался мелодичный звон.

— Теперь-то уж наверняка Тэл.

Это был действительно он.

5

Мы добрались до «Сириуса» без приключений. Ракета возвышалась аккуратно обточенной каменной глыбой, и Дин, наверно, подумал, что все в ней мертво, не заработает ни один механизм, и ее нельзя поднять вверх. Он затосковал.

— Послушай, Тэл,— сказал он с горечью в голосе.— Какого черта тебе понадобилось испортить мою радиостанцию?

— Приказ магистра,— тихо ответил Тэл.— Я приложил руку не только к радиостанции. Мы не знали, что ты такой славный парень. Ожидали, что прилетит какое-нибудь дрянцо, сообщит, что единственный спутник Земли оккупирован чужаками, и сюда, чего доброго, швырнут атомную бомбу. Мы знаем эти шутки.

— А исправить можно будет?

— Сейчас она безнадежна, как ваш «Империал» — была, я слышал, у вас такая ракета...

Я остался внизу, они поднялись в ракету. Снова послышался грустный голос Дина.

— Дрянь дело.

— А зачем тебе радиостанция и ракета? — поинтересовался Тэл.

— Не собираюсь же я подыхать здесь. И вы, придет время, улетите отсюда. А «Сириус» доставит нас с Ником на Землю.

— Что верно, то верно,— согласился Тэл.— Всему придет время. Если ты заботишься о Нике, то еще раз повторяю, придет время, и вы оба вернетесь на Землю. Помни, Дин, твой друг спас мне жизнь.

— Случись что — и я поступил бы так же,— быстро ответил Дин.

— Я не сомневаюсь в этом.

Они взяли по железной коробке и, толкаясь, стали выбираться с неудобным для переноски грузом.

— Досадно, что мы в скафандрах и нельзя сделать глоток,— пожалел Дин.— Дорога стала бы веселее.

— Не представляю себе действия этих напитков,— сказал Тэл.— Но о внешних проявлениях знаю... Просто любопытно.

— Почувствуешь,— рассмеялся Дин.— Это божественные напитки.

Мы тащили железные ящики попеременно. Дин был весел. Земля холодно улыбалась. Звезды прятались за нее и бежали в сторону, но черный занавес неба не пускал их, и они заворачивали по кругу.

Впереди показалась широко раскинувшаяся корона кратера. Коробки не казались тяжелыми, но угловатые, без ручек, были очень неудобны для переноски. К тому же нам мешали скафандры, а неровная в расщелине дорога была и так нелегкой. Мы облегченно вздохнули, когда за поворотом, совсем рядом, вспыхнул яркий глаз прожектора.

— Ну и работка выпала нам! — сказал Тэл.

— Ничего,— кряхтел Дин, передвигая железную коробку с одного плеча на другое.— Зато уж повеселимся! Все плохое забудешь, а эта дорога покажется прогулкой.

Втащив коробки в тамбур, мы вскрыли их и пустые выбросили вон, а бутылки обмыли раствором, который принес Тэл.

В комнате Руис с гордостью показывал темные раскрашенные сосуды из прочной пластмассы с двойными стенками и расхваливал технику. Он тут же открыл один из сосудов с коньяком.

— Ну, за встречу и дружбу! Тэл, глотай и не дыши, будь мужчиной!

Тэл смущенно и несмело поднял стаканчик — ему было просто любопытно.

Жидкости на Луне текут очень медленно. Тэл задыхался, глотка горела, ее перехватывали спазмы, организм протестовал и выталкивал пахучую тошнотворную жидкость. Но, подбадриваемый Дином, он храбро перенес самоистязание и сделал несколько глотков. Слезы катились из его огненных глаз. Он побледнел еще больше и долго не мог вымолвить слова.

— Вы... ты, Дин... Это отрава! — наконец, передохнул он.— Я умру. Позовите скорее Ильману!

— Ничего не бойся! — хохотал Дин,— ты просто не привык, вот и все...

Тэл переборол отвращение и скоро почувствовал себя совершенно другим. Блаженная задумчивая улыбка появилась на его лице. Он изучал на себе действие алкоголя. Оно оказалось нестрашным, даже приятным. Сердце билось радостно и часто. Мысли о дружбе с нами перепутывались с досадными мыслями об Ильмане. Ему хотелось сказать что-то весомое, сделать что-то хорошее для друзей и обидное для нее...

Пожалуй, так же чувствовал себя когда-то и дикарь тихоокеанских островов, впервые хлебнувший крепкого моряцкого рома.

6

Мы с Дином спали в одной комнате, но большую часть остального времени он проводил с Тэлом, уходя, он захватывал бутылку. Это была непонятная дружба, потому что наедине со мной Дин говорил об альвинах совсем другое. Он презирал их за красные глаза и бесцветные лица, за ненужный аскетизм и неумение жить с комфортом. А ведь они наверняка богачи! Дин отдавал должное только их технике. Руис не грустил о своей родине и непрочь был погостить на Луне подольше. Причину этого он объяснил очень просто:

— Ты знаешь, почему я поспешил сообщить по радио, что удачно прилунился, хотя еще не ступил ногой на эту холодную дрянь? Догадываешься, Ник?

— Не совсем,— признался я.

— Ты — наивный парень, вот что я тебе скажу. После этого сообщения на мой текущий счет сразу же перевели солидную сумму. Но я не дурак, чтобы деньги лежали так себе. Я доверил распоряжаться ими своему отцу. Он деловой человек и пустит их в оборот. Пока я здесь, акции принесут мне порядочный довесок к капиталу. Видишь, время работает на мой карман!—и Дин, весьма довольный, закинул ноги на спинку кресла.

Я знал о катастрофическом положении «Атлантик-компани», но не сказал об этом Руису. И о том, что он ловко распорядился своими деньгами, тоже словом не обмолвился. Меня это ничуть не интересовало. Я был доволен, что ум Руиса был занят деньгами, воспоминаниями о девушках, что Дин никогда не спрашивал об истинной причине гибели моего корабля и о делах альвинов. Он казался примитивным и простодушным парнем. Слава и богатство уже были завоеваны Дином. Что нужно ему еще для полноты счастья? Вернуться на Зем-

лю иетрудно. «Сириус» — иадежная ракета, Дин убедился в этом. На все остальиое ему иаплевать.

Когда пришла Ильмана и сказала, что магистр приглашает меня к себе, Руис, казалось, ие почувствовал зависти и отнесся к этому почти равнодушно.

Я увидел в кабинете магистра тускло светящийся экран, а на экраие — ракету, по всей вероятности, огромных размеров, похожую иа дирижабль. Пожалуй, это была та самая ракета, которую я видел в глубине расщелины и которая предназначалась для Земли. Темнели рваные стремиины, ракета лежала между ними, косо приподняв тупой нос. Кайбол протянул руку к пульту управления и тронул пальцами кружок, в котором переливалось желтое пламя. Ракета иа экране ожила, дрогнула и стала выше задирать тупой нос.

— Что вы делаете?! — не выдержал я.

— Проверка,— Кайбол отнял руку от пульта и выключил экран.

— Следовательно, опасность усилилась? — я старался не выказывать всей тревоги, охватившей меня. Надвигался роковой момент — это ясно.— Но мы с вами договорились...

— Я помню и не собираюсь нарушить договор.— Кайбол сидел в сумраке, еле видимый; ясно различались только его глаза.— Послушайте!

Он включил запись московской передачи. В начале ничего особенного не было. Затем передали сообщения из двух крупных капиталистических стран: там начались массовые аресты коммунистов.

— Что это значит? — спросил Кайбол.

— Пожалуй, я смогу ответить.— Я говорил уверенно.— Империалисты, прежде чем начать войну, хотят расправиться с борцами за мир, прежде всего с коммунистами. Это мы знаем из истории. Когда-то главарь фашистов Гитлер поступил точно так же.

Глаза Кайбола потухли, ои прикрыл их, без слов выражая свое согласие с моей мыслью. Потом он надел очки и добавил в кабинете освещение. Помолчав, ои спросил:

— А законы о свободе?..

— Во время войны законы безмолвствуют. Так говорил еще Цицерон — был в древности на Земле такой философ...

— Чем занимается Дин Руис?

— Он подружился с Тэлом. Думается, они вместе слушают радио.

— Знаю. Только музыку... Я хотел бы поговорить с ним.

Я позвал Дина. Руис очень обрадовался приглашению магистра.

— Хэллоу, сэр! — крикнул он, открыв дверь.— Как дела? У вас не кабинет, а целая лаборатория.— Дин оглядывался вокруг.— Какой фирмы оборудование? Мне нравится эта штука,— он побарабанил пальцами по прозрачной крышке стола.— Представьте, сидит девочка, и можно видеть ее ножки.— И тут же забыл о столе, показал рукой на стены и потолок.— Во сколько обошлась вам эта хижина? Когда вам вздумается улететь отсюда, продайте ее мне. Я дам хорошие деньги.

Руис вертелся и тараторил. Кайбол смотрел на него с недоумением. Я едва сдерживал смех.

— Я уже сторговал этот дом. Ты опоздал, Дин.

Руис повертел стриженой головой, поглядывая то на магистра, то на меня.

— Жаль. Вы скоро отбываете? Очень жаль. Мне хотелось пожить здесь. Но я знаю: ничто не вечно под Луной, то есть на Луне под Землей. Сэр, продайте этот дом лучше мне. Я открою здесь курорт с лунными ваннами. Зачем русским такие дома? Вы знаете, сэр, они там живут в деревянных избах и цыганских шатрах.

— Иногда деревянные дома оказываются лучше небоскребов,— вставил наконец слово Кайбол.

— Что вы, сэр! Вы шутите. Давайте поговорим как деловые люди.

— Хорошо,— согласился магистр.— Но у меня есть вопрос. Скажите, когда к вам приезжает иностранец, он обязан уважать ваши законы?

— О, да! — последовал быстрый ответ Дина.— Наши законы — самые справедливые в мире. К нам приезжает много иностранцев, и они сами говорят это.

— Следовательно, и вы должны уважать и соблюдать порядок в этом доме. Он — отдельное маленькое государство.

— Сэр? — обиделся Руис.— Вы намекаете, что я...

— Да-да, Скажите, у вас остался еще этот шальной напиток?

— Есть немного. Могу вам презентовать пару бутылок.

— Вылейте его весь до капли, а бутылки выбросьте,— уже строго сказал магистр.

— Сэр! — взмолился Дин и прижал руки к груди.— Как можно! Да ни один мой соотечественник, если у него мозги в порядке, не сделает этого. Нет, сэр, извините, но вы не деловой человек. Поймите одно и самое главное — если я вылью коньяк на помойку и там,— Руис указал рукой куда-то в сторону,— узнают об этом, фирма «Джон и Джонни» погорит. Это она изготовляет такой замечательный коньяк. Мой отец вложил в нее часть моего капитала. Я пил этот коньяк в пути на Луну, расхваливал в радиопередачах и блестяще рекламировал. Сэр, неужели вы хотите моего разорения? Когда я вернусь домой,— а это ведь будет, не так ли? — и там все узнают, что мой коньяк пили и хвалили люди из другого мира, фирма «Джон и Джонни» будет процветать и мне обеспечены приличные дивиденты. Понимаете, в чем дело, сэр?

Кайбол понял. «Что с ним сделаешь? Он сын своей страны...».

— Тэл прав,— сказал я.— Дин — славный парень.

И это понял магистр: русский друг хотел напомнить о Тэле...

— Согласен с вами, мистер Руис. Есть только одна просьба: не угощайте больше Тэла своим напитком. Ему вредно.

Магистр убавил свет. Аудиенция окончилась.

— На каких условиях ты приобретаешь этот дом? — деловито осведомился Руис, когда мы вернулись в свою комнату.

— Условия еще окончательно не выработаны,— в тон ему ответил я.— Но в основе, в принципе, мы договорились. Я имею больше прав, чем ты. Я вперед тебя появился здесь.

— А сделка оформлена?

— Как?

— Как оформляют! — пожал плечами Дин.— На бумаге, конечно.

— Нет еще.

— О! — воскликнул Дин.— Значит...— И спохватился, умолк внезапно, как после слов, сказанных недавно

об Ильмане: «Если бы эта женщина попала в руки ловких художников и режиссеров, она быстро бы сделала миллион...».

7

В доме альвинов, изолированном от мертвого лунного мира непроницаемой оболочкой — будто в капсуле,— продолжалась жизнь. Никто не выходил за пределы этой оболочки, время тянулось однообразно.

Кайбол жил затворником, показывался только за столом, суровый и непроницаемый. Он не приглашал, как раньше, для информации о земных делах. Уединение магистра, его молчание усиливали у меня тревогу. Не раз я брал в руки фотокарточку матери, смотрел на дорогие незабываемые черты лица — и чувствовал себя не столь одиноким. Но по-прежнему я был до обиды беспомощен. Как я ни мучился, а приходил к одной мысли: надо ждать, а потом действовать по обстоятельствам.

...Я не знаю, как это произошло. Вероятно, Руис, бывая у Тэла в радиорубке, интересовался не только модными песенками. Он приглядывался к рации и многое выведал у доверчивого альвина. Очевидно, Дин воспользовался тем, что Тэл заснул или вышел из комнаты на несколько минут...

Меня вызвал магистр. В его кабинете находились встревоженная Ильмана и совершенно растерявшийся Тэл. Кайбол включил магнитофон, и я услышал знакомый голос Дина:

«Повторяю: селенографическая широта плюс тридцать, долгота около нуля. Жду. Включу прожектор...».

Ильмана не успела перехватить и записать всю передачу, но было ясно: Дин сообщил на Землю о себе, об альвинах, и сюда полетят космические корабли.

Кайбол и Ильмана ждали, что скажет Тэл. Но он молчал. Тогда магистр повторил обрывок передачи.

Тэл в отчаянии заговорил срывающимся голосом, он смотрел на Ильману, и я угадал тоску в его взгляде.

Кайбол слушал, болезненно наморщив лоб. Что же теперь делать? Если сообщение Руиса принято, надо действовать без промедления...

Сказав что-то на своем языке, магистр отпустил Тэла. Потом он заговорил по-русски:

— Я надеюсь, на Земле не услышали Дина Руиса.

Это была случайная передача. Все же мы проверим... Работу Тэла будете выполнять вы.

Это было большое доверие, и я поблагодарил магистра.

* *
*

Работа заключалась в том, что я должен был слушать главные станции Америки и Европы, и важные передачи записывать на пленку. Тэл быстро ввел меня в курс дела. Я взял блокнот и карандаш, записал названия станций, волны и время, когда начинались передачи новостей дня.

— Что с тобой случилось, Тэл? — спросил я.

— Буду отдыхать.

На этом разговор кончился. Теперь я встречал Тэла лишь за столом. Тэл и Дин не глядели друг на друга. Нетрудно было догадаться, что случилось с Тэлом, но всего я пока не знал. Руиса будто подменили, он стал молчалив, замкнут. Я не донимал его расспросами. Да и виделись мы редко: большую часть времени я проводил в радиорубке, там же и отдыхал.

События на Земле развивались угрожающе. Сообщения были кратки, комментарии, как обычно, пространны, но они ничего не добавляли к главному.

Слушая голоса Земли, я видел прежде всего тучи, черные и клубящиеся, затем высокие вспышки грибастых облаков, они оседали, расползались, и потом — всю Землю окутало сплошное пылевидное «желтое облако»...

Среди множества имен вдруг появилось имя Руиса — генерала и президента «Атлантик-компани». Пат Руис осудил нерешительность правительств Запада и заявил, что он один с группой верных ему людей способен изменить мир и уничтожить всех, кто не подчинится ему. Радио передало страшную новость. Руисом подготовлена целая эскадра космических кораблей для полета на Луну. Он строил под землей не город, а вот эти корабли. Они доставят на Луну ракетное оружие, ядерные заряды, обслуживающий персонал вместе со штабом. Будет бомбардировка Земли из космоса. Смертельная опасность угрожает всем государствам, всем людям Земли.

Кайбол прослушал записанные мною радиопередачи и сказал:

— Я ошибся. Передача Дина Руиса принята. Тэл за-

служивает иного наказания, но теперь не в этом дело. Я не допущу больше ошибки,— и он бросил быстрый, как молния, взгляд на пульт с большой огненной ручкой.— Ваше слово?

Я понял, Кайбол не хотел больше медлить.

Легко подписать приговор ядерной бомбе и всему оружию. Но тяжело выносить смертельный приговор всему хорошему и полезному, что создал человек на Земле, во что вложен гений столетий — он остался в удивительных машинах, приборах, различных сооружениях.

Я медлил. Магистр ждал, скрестив руки, глаза его горели нетерпением и беспокойством.

— Вы все-таки колеблетесь,— упрекнул меня Кайбол.— Я вижу — вы очень молоды.

— Я не располагаю достоверной информацией, чтобы принять решение. Нельзя положиться только на радио. Не посмотреть ли нам своими глазами?

— Смотрел,— сказал Кайбол нетерпеливо.— Видел полигоны, ракетные установки, дежурные команды. Вас интересует это?

— Не только это,— сказал я.— Что происходит в крупнейших городах капиталистического мира, что делает народ?

— Вы же знаете: войну может начать и один человек. Достаточно сбросить одну атомную бомбу.

— И все же я прошу...

Магистр включил экран. Земля сорвалась и полетела на нас, увеличиваясь в размерах. Расползались точки городов. Я увидел улицы, запруженные людьми, они несли плакаты с суровым приговором поджигателям войны. И если солдаты расступались перед грозным шествием народа, это многое значило.

— Вот в чьих руках судьба мира,— сказал я.

— Но один или группа сумасшедших может принести непоправимые беды,— повторил Кайбол.— Я никак не могу найти, где же прячется компания Руиса. Вероятно, в глубине Земли, туда заглянуть нельзя. Вот почему я настаиваю...

— Если бы это касалось только оружия, я бы тотчас согласился: пусть оно исчезнет! Вы справедливо наказали рамуинов, но на Земле другие обстоятельства. Вы не верите в силу моих соотечественников, это обидно. Мир победит войну, и поэтому не нужно «желтого облака».

Мы спорили пока не открылась дверь. В кабинет вбежала Ильмана. И я по ее восторженно-радостному блеску глаз сразу понял: произошло то, во что верилось.

— Сообщение Москвы! Я успела записать,— быстро проговорила Ильмана.— Очень важное... Слушайте!

* *
*

Я чувствовал себя самым счастливым человеком Земли. Там люди не знали всего, что их ожидало, и свое счастье определяли очень неполно.

Луна принимала с Земли радостные вести. Капиталистический стан потрясали такие события, которым его политики не хотели давать подлинного названия. Но как ни назови, это не имело значения. Революция сама устанавливала новые понятия и названия.

Кайбол сказал: еще немного времени, и экспедиция покинет Луну. Однако устанавливать связь с Землей пока не разрешал. Он опасался, что сообщники Руиса, имея космические корабли, попытаются бежать и укрыться на Луне. Вместе с тем магистр поручил Гросу и Тэлу исправить рацию на «Сириусе» и приготовить ракету к старту. Скоро я и Дин сможем вернуться на Землю.

Но Дин, кажется, не радовался этому. Я не рассказал ему, какую роль играл в последних событиях его отец. Зачем? Дин молод, у него своя дорога в жизни, он вернется на родину героем.

— Дин, у тебя не осталось что-нибудь в бутылках? — спросил я шутливо.— По такому случаю я готов выпить.

— Продай мне этот дом, тогда получишь,— Руис постучал о стену.— Надежно сработано.

— У тебя нет таких денег, чтобы купить,— рассмеялся я, полагая, что Дин шутит.

— Как нет! Я же говорил тебе...

— Все изменилось, дружище. Отныне на Земле не будет миллионеров.

— Мои деньги никто не посмеет тронуть.

— Закон для всех одинаков. Да и зачем тебе много денег? Будешь работать, летать...

Дин хмыкнул и отвернулся. Разговор, начатый с шутки, получился натянутым и мог привести к ссоре. А я этого не хотел — нам вместе предстояло возвращаться на Землю, и Руис был хозяином «Сириуса».

После обеда Грос и Тэл отправились к «Сириусу». Дин мог бы пойти с ними на правах хозяина ракеты, но он остался. Я был доволен этим. После того как он обманул Тэла и всех нас, я не мог положиться на его честность. Он смог бы и теперь обмануть Гроса и Тэла и один улизнуть на «Сириусе». Впрочем, теперь это не страшно. Как только я сообщу о себе на Землю, сюда сразу же прилетит не один советский корабль.

8

Я сидел в комнате и мысленно диктовал отчет о последних событиях. Дин знал, как я это делаю, и нередко посмеивался надо мной. Подобные записи Руис считал пустяками. Сейчас он мешал мне работать. Он беспокойно ходил по комнате, насвистывая что-то.

Теперь во всем палаццо альвинов заметно нарушился строгий порядок — так бывает всюду перед отъездом, когда люди готовятся навсегда покинуть обжитое место, оно кажется привычным, дорогим сердцу и все же порядком надоевшим. Альвины перетаскивали из комнаты в комнату какие-то коробки и ненужное выбрасывали в расщелину; трое, расположившись в круглом зале, осматривали скафандры. Откуда-то появилась пыль, которой здесь никогда не было. И остро чувствовался запах жилья. Все рации были свернуты, но работали те, что находились в главной лаборатории Кайбола.

Вошла Ильмана, ее розовые глаза смотрели с теплотой и грустью. Она сказала, что магистр хочет видеть меня. Дин продолжал ходить и свистеть, Ильману он как будто и не заметил. Я пошел, даже не сняв магнитофона. В кабинете магистра гремело радио — передавали последние известия. Там, на Земле, все шло хорошо.

— Ну что ж,—сказал магистр,— теперь вам предоставляется право вызвать Москву. Через два часа мы улетаем. Вы остаетесь здесь хозяином. Эта радиостанция в вашем распоряжении.

Я поблагодарил Кайбола за все.

Мы стояли и улыбались друг другу — два человека из разных миров, ставшие близкими.

— Время идет. Вызывайте Москву,— сказал Кайбол.— Я тоже хочу передать вашим соотечественникам...— он не докончил. В дверях появился Дин Руис.

Меня и Кайбола удивил внезапный, без приглашения вход к магистру. Даже я никогда не позволял себе этого, и никто из альвинов, кроме Ильманы, не заходил запросто к магистру. Правда, перед отъездом порядок в доме нарушился, Дин тоже мог пренебречь им. Но для чего? У Дина — решительный взгляд широко открытых глаз. Лицо — серое, губы сжаты.

Дверь захлопнулась. Он резко поднял руку, и я увидел, что Руис держит автоматический пистолет, черный, с длинным магазином, уродливо торчащим вниз, как сук обуглившегося деревянного обрубка, выхваченного из костра. А Кайбол наверняка даже не понял, что это у него в руке.

Как же удалось Руису незаметно принести с собой оружие? Конечно, он захватил пистолет при походе к «Сириусу» и прятал где-нибудь, скорее всего в шкафчике или под постелью.

Зачем он, отправляясь на Луну, взял с собой оружие? Он не ожидал здесь встретить не только людей, но вообще никакого живого существа. У меня и мысли не было об оружии. Альвины тоже не имели его, исключая снаряды с «желтым облаком», может быть, взрывчатки. Еще я видел у Гроса что-то вроде лучевого аппарата, действующего на близком расстоянии. Но все вещи, которые не понадобятся альвинам на обратном пути, были по распоряжению магистра выброшены в расщелину или уничтожены — это я хорошо знал.

Дин Руис захватил автоматический пистолет, вероятно, по привычке — так выходит на улицу хулиган, ощупывая в кармане складной нож с пружиной. Или он сделал это, чтобы не чувствовать себя беспомощным в рискованном полете и во время краткого пребывания на Луне? Трусливый человек, оказавшись в пустыне, где ему ничто не угрожает, кроме смерти от голода, на какое-то время становится храбрым при одном сознании, что он не с голыми руками...

Мысли, взметнувшиеся в моей голове вихрем, быстро улеглись, и странно — подумалось почему-то лишь о магнитофоне...— Хорошо что я оставил его включенным...

В кого хотел Дин пустить первую пулю, не было времени разгадывать. Только бросок вперед, рукопашная схватка может обезоружить его...

Выстрел остановил меня на полпути... Черный дымок

и кисловатый с гарью запах. Не от этого ли запаха закружилась голова?.. Я вижу белые пульты с черными потухшими зрачками регуляторов и вверху покатую крышу. По шее течет горячая струя. Черный пистолет лежит так близко от меня, что можно достать рукой. Надо перевернуться через голову, упасть на пистолет, прижать его спиной...

Я лежу на спине, подо мной пистолет. Дин стоит рядом, вытаращив глаза. Он удивлен случившимся. Слабость лунного притяжения подстроила ему неожиданность. Отдача выстрела оказалась такой силы, что оружие вылетело из рук.

Кайбол выбежал за дверь, крича что-то на своем языке. Дверь захлопнулась, и наступила тишина.

Мы остались вдвоем — я и Дин Руис. Два человека с одной планеты. Дин сжал кулаки, стиснул зубы и отвел ногу для удара. Хватит ли силы и ловкости перехватить ногу?

Хватило... Мы оба лежим, и четыре руки крепко вцепились в оружие.

Если бы не рана и кровь, я легко бы овладел пистолетом — я был сильнее Дина. Но — кружится голова, и трудно выдержать длительную борьбу.

Дин все-таки ударил меня ногой...

Приоткрылась дверь — и сразу же три выстрела. Пули засели в толстой двери, оставив сверху белые звездочки.

Человек с огнестрельным оружием страшен целому десятку людей, если у них в руках ничего нет. Дин теперь может перестрелять всех и прежде всего покончит со мной. Я жду этого. Подняться нет сил и нет сил даже повернуть голову, чтобы посмотреть врагу в глаза.

Руис почему-то медлит.

Я перевалился на другой бок — Дин стоит у пульта. Он держит пистолет наготове и лихорадочно отыскивает что-то глазами. Что он хочет сделать?

Руис глянул искоса на меня.

— О, ты еще жив? — в голосе усмешка.— Вспомни, как ты сказал: на Земле не будет миллионеров... А я ответил: никто не посмеет тронуть моих денег. Никто ничего не получит от Руисов. Все уничтожу! Пусть все исчезнет на Земле, пусть все ходят в звериных шкурах, живут в пещерах!

Так вот что задумал Руис! Он узнал, что такое «желтое облако», знал, что стоит повернуть одну из прозрачных ручек на пульте — ту, в которой переливается оранжевое пламя, и огромный снаряд выплывет из расщелины в кратере. Снаряд понесется к Земле, окутает ее «желтым облаком»; разрушатся металлы, не будет машин, приборов, связи, исчезнет двадцатый век, и люди вернутся в далекое прошлое.

— Слушай,— злорадствует Руис.— Я еще не все сказал. Я узнал секрет «желтого облака»... Не вздыхай, не разжалобишь меня. Мне жаль одного: не удалось передать секрет отцу. Кое-что передал, но не все — помешала эта красноглазая... Ты думал, Дин Руис — дурачок, обыкновенный парень, любитель выпить, поболтать. Я окончил специальный курс...

«Что же теперь делать, как помешать ему? Слова тут бесполезны, он одержим мыслью и жаждой мстить. И все же надо остановить его, надо победить, шагнуть через невозможное...

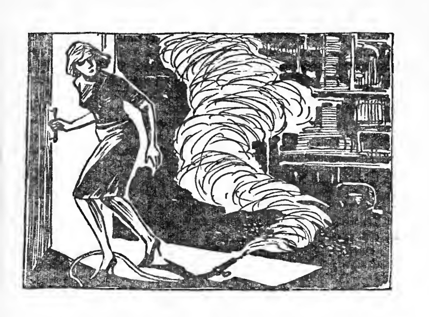
— Слушай дальше, пока не наступит конец, слушай внимательно, если хватит сил, кем скоро будет Дин Руис. Когда на Земле все исчезнет и люди останутся с голыми руками, беспомощные, как дети, тогда, черт возьми, я вернусь к ним.— Он помахал пистолетом.— Единственный по-настоящему вооруженный человек! Что мне их дубины и каменные топоры? Все будут бояться меня, для всех я — единственная и самая сильная, самая страшная власть. Понял? Ну, надо кончать эту историю!

Кажется, снова приоткрылась дверь — Дин отвел руку от пульта. Я с трудом приподнимаю голову, чтобы увидеть друзей. Альвины не решаются войти. Дин не стал стрелять наугад, он приберегает патроны.

Я лежу против двери и хорошо вижу в глубине коридора лицо Ильманы. Она порывается войти, очевидно, надеясь, что в женщину Руис стрелять не будет. Альвины удерживают, не пускают ее. Дин не может видеть Ильманы: пульт стоит ближе к стене, и Руису приходится смотреть наискосок.

Шагнуть через невозможное... Почему — невозможное? При виде Ильманы мне вспомнилось то, чего наверное не знал Руис или забыл, распалясь ожесточением.

Я зажал шею левой рукой, напряг силы.

БУМЕРАНГ

1

С гор сползли тяжелые тучи. Дождя пока не было. В этот вечер на улицах города не чувствовалось обычного оживления, пустовали театры и кафе. Люди слушали радио, и долго, до глубокой ночи светились окна домов.

Валентин Юльевич лег спать поздно, он забылся коротким, тяжелым сном и проснулся от болей в спине и от сосущей сердце тоски. Боль усиливалась, она сдавила всю грудь, и трудно стало дышать.

Он не зажег света. За окном монотонно гудел лес, как большой и далекий без ударов колокол. В жалюзи брызгали редкие капли дождя, и как притаившийся зверь, сдержанно и протяжно вздыхал ветер.

Эта ночь предвещала скорое наступление осени с холодной сыростью и длинными мучительными ночами.

В последние годы Валентин Юльевич каждую осень переживал очень тяжело. Он видел, как умирает природа. Оголялись деревья, вокруг становилось черно, а рядом вздымались белые горы — там рано выпадал снег и не таял. Валентин Юльевич всю осень жил на границе черного с белым, и ему казалось, что эта роковая граница проходит через его сердце — потому и боли в нем и сосущая тоска. Он радовался, когда утром парк вдруг оказывался запорошенным снегом, и надевал лыжи. Тоска проходила.

Валентин Юльевич чувствовал: эта осень будет для него последней. Услышанное по радио подействовало страшнее самого тяжелого приступа стенокардии. В конечном счете, все это к одному — он испытывал двойную тяжесть на сердце.

Валентин Юльевич приподнялся в кровати и включил настольную лампу. Приняв лекарство, он лег на спину и натянул одеяло до подбородка.

Тень от абажура закрыла потолок, там была пустота. Лампа освещала торчащие вверх ступни ног и угол возле двери. Узкая цветная дорожка от кровати до двери казалась темной с желтыми пятнами, как кожа саламандры.

Боль не утихала. Под ложечкой сосало и щемило. Под вздохи ветра за окном кровать быстро поднималась и проваливалась в бездну, сердце замирало. Иногда оно словно обрывалось.

Валентин Юльевич подумал, что вот так, в одиночестве, никому не нужный, он и умрет. Эта мысль появилась, когда он посмотрел на свои вытянутые ноги с задранными вверх ступнями. Страх смерти был сильнее боли. Этот страх исходил не из сжимающегося в тоске сердца. Его вызвал вид собственного тела, распластанного на кровати. Валентин Юльевич видел себя всего — от головы до ног, ему показалось, что он лежит на смертном одре и рядом горит свеча. Ноги одеревенели, руки безвольно простерлись вдоль тела, подбородок выставился, нос заострился и у прикрытых глаз легли голубоватые тени. Лицо стало восковым, усы поредели, а на щеках за одну ночь появилась короткая щетина, словно он не брился целую неделю.

Он гнал от себя страшное видение, но мысль о смерти не отступала, открывая новые картины. Валентин Юлье-

вич увидел, как везут его в черном катафалке — в углах черные точеные стойки, они поддерживают прямоугольник крыши, по краям свисает бахрома. Лошадьми правит садовник Курт, он сидит, выставив, как пушку, свою негнущуюся деревянную ногу. Где-то рядом — Эльза. Она не плачет, но изредка для приличия подносит платок к сухим глазам; лицо ее, как всегда, усталое и скорбное. Больше он никого не узнал. По слякотной дороге шли какие-то люди, равнодушные, безглазые, с открытыми ртами. Они отставали, терялись. Катафалк дотащился до кладбища. Возле вырытой могилы ждал Томас с лопатой в руках. Ботинки его разбухли, они заляпаны глиной. Он смотрит угрюмо. «Ты обманул меня,— говорит его взгляд,— не вылечил, и я остался немым навсегда. Ты теперь тоже немой. Сейчас я закопаю тебя этой лопатой и все — конец тебе. А я, хоть и несчастный, но еще долго буду жить, потому что я молодой и здоровый». Он очень сильный, этот Томас, лицом совсем юноша, не скажешь, что ему тридцать лет.

Никого нет на кладбище, только Томас. Куда-то исчезли старый Курт и его жена. Кто будет провожать Валентина Юльевича Шкубина в последний путь? Кого он вылечил, кому сделал добро? А ведь кажется старался сделать добро. Но больные сами не хотели лечиться — это он видел, старались не принимать лекарств. В клинике они были обеспечены бесплатным питанием, уходом. Выписанные из нее, они, хотя и здоровые, но без работы, умерли бы от голода, попали бы в тюрьму — погибли бы скорее, чем от болезней, с которыми жили долгие годы.

Наука, опыты... Валентин Юльевич вначале постоянно сталкивался с отцом, а потом много лет работал на Руиса. Каким страшным человеком он оказался!

Жизнь прожита даром. Никто не скажет над могилой доброго слова. Нет ни жены, ни детей. Нет родины! Он никому не нужен. Только Томас... Сейчас он подойдет, закроет гроб и плотно прибьет крышку. Он, сильный, понесет гроб один, и неуклюжий, уронит его. Гроб упадет в могилу торчком и раскроется. Но Томас ничего не поправит и так закопает...

Вот он подходит с угрюмым и брезгливым выражением лица. Засучил рукава на длинных руках...

Люди, где вы? Неужели никто не скажет прощаль-

ного слова? Какая страшная судьба — один, последний и тот немой!.. Постой же ты, молчаливый мститель, не закрывай! Надо попытаться, успеть сделать что-то хорошее, доброе...

Валентин Юльевич откинул одеяло и сел в кровати, со стоном терзая на груди рубашку. Боль жила в нем, расширялась и душила, но не о ней он думал. Лампа, прикрытая абажуром, полуосвещенная комната, мягкие туфли возле кровати, стакан на столике, тикающие часы, шум ветра и гудение леса — все это он видел и слышал, но это не могло отогнать страха скорой смерти. Она была где-то рядом, невидимая и неотступная, она чувствовалась холодеющими ногами и руками.

Валентин Юльевич тяжело поднялся, сунул непослушные ноги в туфли, разыскал халат и, подгоняемый страхом, выбрался в коридор. Он робко постучал в дверь комнаты, где жили садовник и служанка.

— Фрау Эльза, фрау Эльза!

Показалась служанка в помятом чепце и в какой-то странной одежде без рукавов.

— Что случилось, господин доктор?

Валентину Юльевичу стыдно было жаловаться на свою болезнь полуграмотной старухе. Он сказал:

— Я, кажется, простудился. Не могу уснуть. Не согреете ли чаю?

Эльза пошла на кухню и зажгла газ. Валентин Юльевич последовал за ней и присел возле плиты. Скоро чай был готов.

— Не выпьете ли и вы чашечку, фрау Эльза?

— Кажется, не время,— сказала старуха, кутаясь в свое ночное тряпье.— Разве только вместе с вами.

— Берите и себе варенье, оно полезно,— на душе Валентина Юльевича стало теплее.

— Благодарю. Я так и сделаю.

— Берите побольше, не стесняйтесь. Мы свои люди.

Эльза выпила две чашки и разоткровенничалась.

— Что я думаю, то и скажу вам, господин доктор, не обижайтесь на старого человека. Жениться бы вам надо.

— Жениться! — удивился Валентин Юльевич и подумал: «Вот глупая старуха».

— Скучно жить одному.

— Вы правы. Но я уже не молод, если не сказать большего.

— Пока не поздно. Вот я приглядываюсь к фройляйн Инге. Какая она славная!

«Глупая, глупая, скажет же такое! — думал Валентин Юльевич.— Фройляйн Инга и я... Глупо, смешно».

И все-таки ему стало легче. Он пошел к себе и, не ложась, стал думать о лаборантке, но не в той связи, о чем говорила фрау Эльза. Старуха сказала правильные слова: «Пока не поздно», однако Валентин Юльевич отнес их совсем к другому. Они остро напомнили о том, что передавалось вчера по радио. «Шагнуть через невозможное»,— так думал истекающий кровью Стебельков, и невзоможное оказалось возможным.

До рассвета просидел Валентин Юльевич, размышляя над тем, что еще не поздно сделать. Он достал чек Руиса: Шкубин пока не предъявлял его в банке; чек действителен в течение 10 дней — это установлено давно международной конвенцией. Надо прежде всего вернуть чек.

Валентин Юльевич позвал санитара Томаса. Чек был вложен в конверт.

— Пойди к господину Руису и отдай ему это в руки. Непременно в руки,— напомнил Валентин Юльевич.

Потом он подошел к окну. Вставал ясный день. Зеленые кроны, омытые дождем, светились, и через открытую форточку пахло влагой и гнилью. Вдали сверкали алмазные вершины гор, они учили человека постоянству и высокой гордости. Ничего этого до сих пор не было в душе Валентина Юльевича.

Подумав, он взял телефонную трубку и позвонил профессору Дольцу.

2

Стебельков погиб. Есть электронный мозг, модель, машина и больше ничего. Машина мертва от своего рождения. Семнадцать лет ожидания, надежд, поисков. И — ничего.

Радио передавало еще что-то, но Инга слушала плохо: мешали противоречивые мысли.

«Нет,— сказала она себе,— осталось очень многое. Был совершен бессмертный подвиг, и хоть поздно, а все-таки узнали о нем люди, будущие поколения обязаны своей жизнью Стебелькову».

Каким маленьким, будничным показалось ей все, что

было вокруг! Дом Шкубина — тесная коробка с множеством перегородок. Слабо белеющие горы за окном — холмики, освещенные невидимой луной. Все люди здесь — состарившиеся лилипутики. Себя она увидела словно в перевернутом бинокле — совсем маленькой девчонкой, которая в жизни еще ничего не успела сделать.

Она посмотрела в зеркало и удивилась: в ней произошла какая-то перемена за эти несколько дней. Перемена была не только в том, что обозначались скулы и ключицы и глаза стали большими. Во всей фигуре угадывалась необыкновенная легкость, и Инга чувствовала себя способной подняться и улететь куда-то далеко, далеко...

Нужно идти, немедленно идти. Она выключила свет и приоткрыла дверь. В коридоре было тихо. Инга повернула ключ и осторожно, на носках прошла по коридору.

Ночь брызгала редкими каплями дождя. Это была удивительная ночь! Тучи клубились, и, озаряя волнистые края их, где-то гуляла по небу осторожная луна. Деревья стояли черные, молчаливые, был слышен только однообразный шум дождя.

Через ворота выйти нельзя. Что такое ворота, охраняемые полусонным сторожем, и железная ограда? Инга готова была преодолеть, кажется, любую преграду.

Когда глаза немного привыкли к темноте, она разглядела серую дорожку, ведущую в глубь леса, к горам.

Инга прошла немного и услышала шум водопада. Однажды прогуливаясь по этой дорожке, она видела горы и водопад. Для кого-то эти почти отвесные скалы, являющиеся южной границей владений Шкубина, неприступны. Инга верила в свои силы и ловкость. Экспедиции в в тайгу и пустыни сделали ее выносливой, а работа в горах Памира была одновременно и школой альпинизма.

Косматая лавина водопада грохотала справа, ударяясь о камни, она кипела — тут словно полыхало серое пламя, из-под него вода текла бурлящими струями. Инга сняла туфли и, прыгая с камня на камень, перешла речку. Вода была холодная, как лед.

Запомнилось, что слева, там, где кирпичная ограда с высокой железной решеткой, выставившей вверх острые пики, врезается в отвесную скалу, упало дерево, непонятно как выросшее на голых камнях, до вершины его можно дотянуться рукой. Цепляясь за ветви, Инга поднялась по влажной скользкой круче метров на семь.

Выше в скале была косая трещина. Надо добраться до нее и по ней спуститься вниз. Упираясь ногами о корни дерева, Инга нащупала вверху острый край трещины. Подняться было нетрудно. Трещина оказалась неширокой. Инга повернулась спиной к скале, ноги упирались в острый каменный гребень. Кругом было темно, и внизу темно — не видно ни камней, ни железных копий решетки, лишь смутно белела серая шумливая полоска рски.

Начался осторожный медленный спуск. Руки скользили по гладким, отполированным дождями камням, а ноги всюду натыкались на острие — как по зазубренному ножу шла Инга. Где-то должна же трещина выйти вниз! Уже совсем рядом видны верхушки деревьев. Но вот трещина, сузившись, пошла вверх. А дальше? Дальше она исчезла. Что же делать? На ступнях, кажется, нет живого места, стоять невыносимо больно. Инга ухватилась руками за гребень, спустила ноги, вытянулась во весь рост. Внизу — никакой опоры. Будь что будет...

Внизу оказалась мягкая земля, покрытая густой травой. И недалеко шумела речка. Можно умыться и освежиться. Платье было не для таких прогулок, но грязь можно смыть водой: идет дождь, не сильный, мелкий, но частый, стоит ли придавать этому значение? А вот ноги! Они не были поранены, и все же ступать больно.

Город казался безлюдным. Ни один человек не повстречался. В вестибюле «Эдельвейса» дремал старичок портье. Он протер глаза. Когда Инга назвала имя Киджи, старичок хитровато улыбнулся, разрешил пройти в номер. Инге было совершенно безразлично, что он подумал о ней.

Киджи догадался, каким путем Инга добралась сюда. Он вышел и позвал портье. Старик, потирая руки, залебезил:

— Вина или чего-нибудь покрепче? Хоть и поздно, но я достану...

— Чаю или кофе,— сказал Киджи.— Только горячего и поскорее...

Вернувшись, он снял с Инги мокрые туфли и принялся растирать ноги. А она рассказывала, что и как, по ее мнению, надо сделать.

Прежде всего — никакого шума. Надо пойти к профессору Дольцу — пусть будет создана авторитетная

комиссия из представителей Красного Креста. Только комитет Красного Креста имеет право на беспрепятственный вход на территорию Шкубина. Дольц пользуется здесь уважением, и сделает все возможное. Шкубин не такой преступник, чтобы говорить о нем в местной полиции — на это и Дольц не пойдет. Тут надо действовать тактичнее, в рамках международной законности. Руис, конечно, опасен, но он без Шкубина ничего не сделает. Руисом должна заняться полиция. Киджи надо позвонить в местное полицейское управление, пусть он, как корреспондент, выразит недоумение, почему разоблаченный перед всем миром преступник находит спокойный приют в этом городе? Если Руиса не арестуют, то, во всяком случае, возьмут под надзор.

Киджи во всем соглашался. После неудачного визита к Руису он понял, что поторопился тогда и действовал опрометчиво, об этом не хотелось вспоминать.

Инга забралась с ногами на диван. Киджи сел рядом. Они долго обсуждали свой план. Нужно переговорить с Новосельским. Побывав у Дольца, а затем в полиции, Киджи возьмет машину. Тут недалеко граница, за которой социалистическая страна. Киджи сможет свободно поговорить не только с Новосельским, но и со своей редакцией.

— Вам нельзя возвращаться к Шкубину, это опасно,— сказал Киджи, не отрывая от Инги взгляда. В его удивительных глазах — черных с золотистыми искорками — было столько теплоты!

— Я непременно вернусь, Лео. Пойду той же дорогой и там буду ждать комиссию.

Обратный путь был много легче, тьма уже рассеялась и хорошо различались внизу камни и острые пики решетки...

3

— Хозяин нездоров,— сказала Эльза и покачала головой.— Он не выходит из кабинета. С ним что-то неладно.

— Надо вызвать врача.

— Господин Шкубин сам врач. Он, знаю, не захочет никого видеть. Но вас он спрашивал.

— Я гуляла в лесу и в горах,— сказала Инга.

— Пройдите к нему.

Шкубин сидел в кабинете у раскрытого окна, ноги его были прикрыты пледом. Руки обвисли, голова склонилась на плечо. Когда Инга вошла, он не шевельнулся. Инга осторожно приблизилась и заглянула ему в лицо, оно было желтым. Шкубин открыл глаза, тускло посмотрел, не двинув головой, и снова закрыл:

«Мементо мори *)»,— пробормотал он, как во сне.

Инга резко повернулась, она хотела позвать фрау Эльзу.

— Не надо,— сказал Шкубин.— Не уходите. Я немного отдохну, и мы поговорим. Я только что принял лекарство...

Прошло несколько минут. Шкубин открыл глаза, подобрал руки, устало потер лоб и еле заметно улыбнулся.

— Фройляйн! Хм... Как много наивного в жизни, которая мудра в своей простоте. Господин доктор. Что такое господин? Слово вежливости или?.. Как вы думаете?

Инга не знала, что сказать. Кажется, он бредил.

— Мы сегодня, очевидно, не будем работать, и я могу быть свободна? — спросила она.

— Я опять не спал ночь. И кроме того, просто болен. Работа? Для чего? Впрочем, есть одно дело, и я прошу вас помочь... Но не сейчас. Надо отдохнуть. Какой удивительный день! Смотрите — белка!

Под окном, среди дубов рос орешник. В ветвях его мелькнул рыжий огонек. Шкубин заметно оживился.

Они молча следили за белкой. Огненно рыжий зверек показался совсем близко. Он обхватил лапками орешек в зеленой кожуре и пытался сорвать. Плод держался крепко. Белка ударила лапками, но не сбила ореха. Пришлось перекусить веточку зубами. Орех упал у стены напротив окна.

Шкубин потянулся, упираясь руками о кресло. Белка, конечно, заметила человека. Интересно, осмелится ли она подойти близко? Инга смотрела то на орех, то на Шкубина. Если человек наедине с природой меняется, чувствуя ее красоту, и словно детское любопытство шевельнуло его душу,— значит он не очерствел совсем и осталось еще что-то хорошее в его сердце.

Белка спустилась по стволу, юркнула в сторону, снова появилась. Она искала орешек и увидела его. Нужно было подойти ближе к людям, и она решилась на этот

* Помни о смерти (*лат.*)

рискованный шаг. Белка метнулась вперед и замерла, сверкая глазками. До орешка оставался один прыжок. Инга замерла. Ей хотелось, чтобы белка не испугалась, чтобы Шкубин шумным вздохом или движением руки не отогнал ее. Но и Шкубин затаил дыхание. Белка подскочила, схватила свою добычу и вот уже мелькнула узким пламенем вверх. В ветвях прошелестело и замерло.

— Смелая! — тихо сказала Инга.

— Смелость необходима.— Валентин Юльевич опустил голову.— Белка делает запасы для своей семьи.

— Смелыми бывают не только для своей семьи, но и для других...

Шкубин поднял голову и посмотрел на нее маленькими глазами. Видно было, что он боролся с усталостью и болью.

Шкубин тяжело опустился в кресло и вдруг сказал по-русски.

— Садитесь, Инга Ивановна, побеседуем, может быть, в последний раз.

— Простите, но... меня зовут немножко иначе,— забывшись, она ответила тоже по-русски.

— Ну, не Ивановна, так Петровна или Михайловна,— Шкубин потянулся в сторону, достал лекарство, положил таблетку в рот и запил водой.— Знаю одно — вы не фройляйн. И пожалуйста, не называйте меня господином доктором, а зовите Валентином Юльевичем, если угодно.

Инга была совершенно сбита с толку.

— Но это так странно... Что с вами произошло?

— То, что должно было произойти много раньше, Инга Ивановна.

— Михайловна,— поправила Инга.

— Спасибо.— Валентин Юльевич откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.— Но лучше поздно, чем никогда. Ведь мы с вами встретились только четыре дня назад.

«Только четыре дня,— подумала Инга.— А какие события!..»

— Я редко вижу людей, плохо знаю их,— продолжал, что-то вспоминая, Шкубин.— Меня мальчишкой взяли за руку и увели из тех мест, которые я любил и теперь вспоминаю, как давний сон. Повели по дороге, где по

обеим сторонам росли злые колючки, царапавшие душу, а впереди... Мне говорили, что впереди свободный мир, счастье. Я рос, но руку мою не отпускали: ее брал то один, то другой. Я подчинялся, и никогда не боролся против обстоятельств. Я изучал науки, и очень поздно спохватился, увидев, что впереди — бездна...

Вы, случайно, не знаете профессора Новосельского? Я слышал только фамилию.

— Знаю.

— Сколько ему лет?

— Столько же, сколько и мне. Мы были однокурсниками в университете....

— Вот как!—в голосе Шкубина чувствовалось сожаление.— Да, жизнь моя прошла, как ненужный, усилившийся дождь в ненастную погоду.

«Он не так виноват, как прямолинейно и резко рассудил Лео Киджи,— думала Инга.— Виноваты другие... Если бы он остался у нас, тот мальчишка, которого взяли за руку и увели, любознательный, способный, он стал бы большим человеком».

— Я спохватился и понял, что один, по натуре инертный, не смогу повернуть. И впервые более внимательно присмотрелся к человеку, от которого ждал помощи.— Шкубин глянул на Ингу с грустной улыбкой, кивнул ей головой и опять закрыл глаза.— В другое время я остался бы безразличен. Кто вы и откуда? На этот раз обстоятельства сложились лучше, и мне нужно было воспользоваться ими. Мне необходим был человек, который сам смог бы предотвратить беду. Я не верил в свои силы. Сегодня я разговаривал о вас с профессором Дольцем.

— Как же вы могли согласиться служить Руису? — воскликнула Инга.

— Трагедия таких людей, как я, в том, что возле них не было друзей, как вы,— это я хорошо понял, хотя и очень поздно. Связь с Патом Руисом — длинная история,— вздохнул Валентин Юльевич.— Не хочется вспоминать. У меня остались силы только для одного дела... Я вам верю, вы имеете основание не верить мне, но, надеюсь, поможете мне произвести земные расчеты...

— Что вы задумали? -- строго спросила Инга.

— Нет, не с собой покончить... Это придет само собой, скоро.—Валентин Юльевич говорил спокойно, с тихой улыбкой.— Я врач и знаю. Вмешательства не потре-

буется... Уиичтожу все, чего достиг, ибо это не нужно людям, а ученый обязаи служить только им.

Он проглотил еще одну таблетку, вытер блединое вспотевшее лицо.

Иига встала.

— Что нужио сделать?

— Пойдите с фрау Эльзой вииз, в лабораторию, закройте плотно все окиа. Если окажутся щели, заклейте бумагой. Затем пошлите фрау Эльзу иаверх — здесь нужно закрыть вытяжиую трубу,— и сами отверните кран на шлаиге баллоиа, поиимаете? Сделав это, быстро выйдите из лаборатории и закройте дверь. Под ней остается щель — закройте чем-иибудь... Не задерживайтесь лишней минуты, хотя это и безвредно для человека. Часы снимите и оставьте здесь.

— Мие непонятио, что вы хотите этим доказать? — спросила Инга, подумав, а ие лучше ли до комиссии ничего не трогать? Предстоящее дело ее разочаровывало: совсем не к такому подвигу готовила оиа себя.

— Скоро появится Руис. Ои иепременно приедет. Надо спешить. Позовите сюда фрау Эльзу.

Явилась служаика, получила наставления хозяииа, и вместе с ией Иига спустилась в цокольный этаж. Там поблескивали приборы, и было жалко уиичтожать их, но Иига помиила, что все оии были приспособлеиы для одиой цели — создать такое, что могло бы уничтожить создаииое.

Створки окои были хорошо пригиаиы, и не требовалось заклеивать их в местах соедииеиия. Разбившееся при иедавнем землетрясении стекло было тогда же заменено новым. Иига виимательно осмотрела столы, полки — ие забыл ли Шкубин что из своих вещей. Оиа увидела электрониый микроскоп — иужиый для врача прибор — и попросила фрау Эльзу отнести его в кабинет доктора. Когда служанка вышла, Инга размотала шланг от баллона и отвериула краи. Из шланга с легким шипеиием вырвалась струя желтого газа, он расползался в воздухе. Инга быстро вышла, захлопнула дверь и закрыла иа ключ. В углу лежала тряпка, которой служанка протирала полы. Инга растяиула влажиую тряпку и прикрыла щель внизу между дверью и полом. Потом она поднялась к Шкубину и отдала ему ключ.

— Вот ваши часы,— сказал Валентин Юльевич, Он

сидел, все так же откинувшись на спинку кресла, и левой рукой держался за сердце, он словно боялся сделать лишнее движение.— Сейчас девять тридцать... Через полчаса с одним делом будет покончено. Вот вам другой ключ, откройте шкатулку, ту, что стоит под столом. Там лежит сверток бумаги в темной обертке.

Инга открыла небольшой металлический ящик, достала свернутый в трубку плотный лист бумаги.

— Это, пожалуй, самое главное,— сказал Валентин Юльевич.— Посмотрите!

Она увидела цифры, буквенные обозначения, краткие записи, которые трудно было понять. Весь лист бумаги был исписан, беспорядочно, наспех.

— Это дал мне Руис семнадцать лет назад, и с тех пор я старался расшифровать, не подозревая, что тут заложен секрет «желтого облака». По его словам, это передал ему один из ученых. Какая злая неправда! Посмотрите подпись внизу справа.

Инга с трудом прочитала: «Принял Киджи». То была подпись отца Лео. Вот из-за этого он и погиб!..

— Единственный экземпляр,— продолжал Валентин Юльевич, не замечая волнения Инги Михайловны.— Ни одна голова не удержит в памяти этих сложных, во многом путанных, неправильно записанных формул и расчетов. Мне потребовалось семнадцать лет, чтобы свести концы с концами и то благодаря тому, что пришлось заняться анализами космической пыли... Мы сожжем бумагу, а то, что осталось здесь,— он тронул пальцами правой руки лоб,— умрет вместе со мной.

Инга взяла спички, подошла к камину, чиркнула и тут же погасила вспыхнувшую спичку.

— Я думал, вы решительнее,— заметил Валентин Юльевич.— Или вы считаете, что уничтожать не нужно?

— Позвольте мне отрезать уголок с подписью, ее надо сохранить.

— Вы правы. Зачем уничтожать имя человека, погибшего от руки Руиса.

Отрезав ножницами треугольник с подписью отца Лео, Инга подожгла лист и бросила в камин. Плотная, свившаяся в трубку бумага горела медленно, они молча смотрели в камин, пока там белое не стало черным и не распалось, превратившись в кучку золы, похожую на сажу.

— Все,— сказал Валентин Юльевич.— Теперь все. Взгляните, сколько времени?

— Десять часов.

— Можно открыть вытяжную трубу. Из нижнего этажа она проходит справа у камина. Будьте добры, Инга Михайловна... Пусть остатки постепенно улетучатся в воздух. Они не причинят вреда — рассеются в огромном пространстве.

Труба была открыта. Инга сказала:

— Вам необходим врач.

— Ни в коем случае,— резко сказал Валентин Юльевич.— Я сам врач. В конце концов, это мое личное дело. У меня к вам есть только одна просьба.

— Пожалуйста.

— Я догадываюсь, что вы эти дни не сидели сложа руки и не ждали, что же я предприму сам. И все же мне хотелось бы, пока я жив, пусть никто не знает...

Он не договорил: в кабинет заглянула фрау Эльза.

— Приехал господин Руис.

— Где он?

— На веранде.

— Я его жду,— сказал Шкубин и попросил Ингу:— Подождите пока в своей комнате. После мы еще поговорим.

Инга вышла, хотя она не прочь была послушать разговор Руиса и Шкубина.

4

Когда кончилась радиопередача, первой мыслью Руиса было скрыться у Шкубина за железной оградой «Ордена». И он стал лихорадочно укладывать чемодан. Была уже ночь. Руис сообразил, что внезапный отъезд его из отеля могут расценить как паническое бегство и признание в преступлениях, которые раскрылись только теперь. Дальнейшие размышления привели к вопросу: а могут ли его судить, если прошло семнадцать лет? По законам не могли.

Руис немного успокоился и остался в отеле. А рано утром появился немой посланец Шкубина и передал конверт — в нем был чек. Значит, Шкубин, перепуган, он отказывается работать для Руиса. Единственная опора и надежда... Это был второй удар. Надо непременно

уговорить Шкубина, пригрозить, заплатить вперед — все сделать, чтобы он продолжал работу. Подземный завод на его территории должен быть построен.

Руис вошел в кабинет Шкубина, собрав нервы, стараясь показать, что ничего существенного не произошло.

— Эти комми, ах, эти комми! Здорово они научились делать пропаганду, не так ли, мистер Шкубин? Но кто может поверить? — Он говорил больше с восхищением, нежели с возмущением.

Шкубин полулежал в кресле, словно разбитый параличом, он не встал и лишь вяло протянул руку.

— Вы не верите, мистер Руис?

— Как можно верить, если я знаю, чьих рук это дело. Передача подготовлена корреспондентами. Главную роль тут играет Лео Киджи, сын моего радиста, который погиб по нелепой случайности. Мотивы, побуждающие его на это, ясны. Позавчера, за день до радиопередачи, он явился ко мне в номер и прокрутил на своем магнитофоне заранее приготовленную запись, которую потом запустили в эфир. Я позвал полицию, и корреспондента едва не спустили с лестницы вниз головой. Вот вам доказательства, что это всего-навсего пропаганда. Напрасно вы испугались и послали чек. Или я оказался скуповат?

— Я болен,— тихо сказал Шкубин.

— Вы просто устали, дорогой друг,— смягчил голос Руис.— Вам нужно отдохнуть несколько дней. Пусть уляжется вся эта суматоха. Кстати, и мне не лишне переехать к вам. Пожалуй, найдутся здесь такие, кто начнет преследовать меня.

— Любой из моих коттеджей — в вашем распоряжении.

— Благодарю вас. Иного я не мог ожидать.

Шкубин посмотрел на Руиса усталым взглядом, отвернулся, достал таблетку и проглотил ее.

— Так вы полагаете, что все это выдумка, ложь? Не было ни альвинов, ни «желтого облака»? — спросил он.

— Уверен, дорогой друг.

— А откуда этот Лео Киджи мог узнать о формулах?

— Отец его знал моего ученого, который умер. Ученый диктовал их перед своей смертью, а Киджи записывал.

— Но я еще жив, мистер Руис, я проделал подобный

опыт, и это не мое открытие,— голос Шкубина заметно окреп.

— Лабораторный опыт, кусочек металла, щепотка пыли...— пожимал плечами Руис.— Как далеко это от того, что рассказано по радио.

Шкубин медленным движением достал из кармана ключ и протянул его Руису.

— Сэр, пойдите в лабораторию. Я не могу вас сопровождать. Пойдите и взгляните — там поставлен другой опыт. Я обещал вам тонны, горы подобной пыли. Гор вы не найдете, но кое-что интересное увидите.

— Надо посмотреть.— Руис взял ключ.— Это должно быть интересно,— сказал он задумчиво.— Очень интересно.

Руис спустился вниз. Он вложил ключ в замочную скважину, сильно сдавил его пальцами, чтобы повернуть — замок, помнится, был тугой. Но ключ повернулся легко и в двери что-то неприятно хрустнуло, словно песок на зубах. Руис потянул за ручку — высокая дверь сорвалась и грохнулась на пол, чуть не прихлопнув его. Из лаборатории в лицо Руису пахнуло густой пылью. Там было темно. Руис пощупал рукой справа на стене — электровыключатель не работал. В темноте, больно стукаясь сухими ногами о стулья и края столов, он подошел к первому окну и дернул за шнур, чтобы открыть штору, штора упала вместе с деревянным карнизом.

Солнечный свет показал картину ужасной запущенности. Фрау Эльза, вероятно, несколько дней не появлялась здесь с мокрой тряпкой. Всюду была пыль — на столах и на полу — серая пыль ровными пологими кучками и словно просеянная сквозь частое сито. Руис присмотрелся. Ему показалось, что знакомые приборы стали иными. Стеклянные баллоны и колбы валялись опрокинутыми, и что-то исчезло из лаборатории, на столах стало свободнее. Но исчезли не какие-нибудь, а лишь металлические предметы. Пришла страшная догадка: вот какой опыт поставил Шкубин!

Руис похолодел. Он дико глянул на дальнюю стену. Ее закрывала тьма, свет единственного открытого окна не проникал туда. Руис, откидывая шторы на окнах, с хрустом раздавливая попадавшие под ноги стеклянные колбы, пошел в глубь лаборатории. Вдруг он остановился и вскрикнул.

Железной стены, отгораживавшей тайник, не было. На полу рыхлым валиком лежала такая же, как и всюду, серая пыль.

Спотыкаясь и размахивая руками, он кинулся в угол, где был сейф, в виде люка опущенный глубоко в землю. Сейфа тоже не было. Зияла круглая дыра, полузасыпанная всяким хламом.

Он сунулся в яму руками и головой и начал лихорадочно рыться в сыпучей сухой грязи. Он кашлял, задыхался, и все глубже свисал в яму. Руки его не нащупали ни одного слитка, ни одной монеты. Была только удушливая рыхлая пыль.

Золото исчезло.

Руис сел возле ямы на грязный пол, повел вокруг вытаращенными глазами, вспомнил что-то и улыбнулся. Он захихикал и погрозил кому-то пальцем. Потом быстро стал набирать себе в карманы пыль из круглого колодца, набрал ее целые пригоршни и, не разнимая ладоней, пошел из лаборатории. Возле лестницы, ведущей на веранду, стояло зеркало. Руис увидел нищего старика, грязного с головы до ног, он шел навстречу и протягивал руки.

— Не дам тебе золота,— сказал Руис, прижимая пригорошни к груди, и пошел по лестнице — нищий посторонился и повернулся спиной.

На веранде взгляд Руиса уперся в стеклянный ящик. Оттуда смотрела на него пятнистая саламандра. Отвратительное существо разбухало, росло, оно заполнило собой весь ящик — сейчас разломит его и шлепнется на пол. Руис взвизгнул и, сгорбившись, побежал по коридору.

В кабинете Шкубина было светло и чисто. Шкубин сидел в кресле, вытянув ноги и держась рукой за сердце.

— Я богат,— крикнул Руис.— Вот вам золото! — и высыпал на стол пригорошни пыли.— У меня много золота. Мы построим завод, и тогда я уничтожу все.

Он выворотил карманы, упал на диван и принялся хохотать и кашлять.

* * *

Валентин Юльевич крикнул Томаса. Немой парень с длинными сильными руками и с голубыми глазами удив-

ленно посмотрел на преобразившегося почтенного господина.

— Он серьезно заболел,— сказал Шкубин.— И показал рукой на голову.— У него здесь... Отведите его в клинику и закройте в отдельную палату.

Санитар нерешительно подошел к Руису. Старик вскочил и принялся собирать пыль со стола и прятать ее в карманы.

— Не церемоньтесь с ним, Томас. Это опасный больной.

Томас сгреб Руиса в охапку и поволок к двери. Из карманов сумасшедшего сыпалась серая пыль.

Передавали, вне программы, двухсторонний разговор со «Стебельковым», и Инга не отходила от репродуктора.

— Я видел, как меня хоронили,— рассказывал «Стебельков»,— видел себя в прозрачном бруске. Мне дали знать, что в этом бруске я был перевезен с Луны на Альву. Потом я был на Ларсе и там видел космический корабль, названный моим именем — «Никаст». «Аст» на языке альвинов — «стебель». Корабль полетел в сторону звезды, ее альвины называют Салли. У Салли есть планета с разумными существами, они мало похожи на землян и альвинов. Туда улетел Тэл, он не может жить на Альве и хочет до самой смерти быть космонавтом.

Вместе с Кайболом и Ильманой я был на соседней с Альвой планете Рам и видел Брай Лута. Я покажу вам кинопрограмму, и вы увидите, как живут рамуины, как впервые они выплавили металл.

— Куда девался корабль Руиса?—спросили у «Стебелькова».— Наши экспедиции не обнаружили никаких следов.

Он не сразу ответил. Прошла минута, две, потом заговорил женский голос, Инга догадалась, что это была запись рассказа Ильманы.

...— Мы были в замешательстве и ничего не могли предпринять, чтобы обезвредить Руиса и спасти Николая. Я решилась войти в лабораторию и попытаться образумить дикаря с огнестрельным оружием, но отец не пустил меня. Я слышала голос Николая — он требовал лишить их обоих воздуха... Мы понимали: он шел на

смерть. У меня не поднялась бы рука нажать кнопку, и никто из нас не решился бы на это, но отец сказал, что иного выхода нет. Ненужные, страшные, ничем неоправданные бедствия придется пережить землянам, если победит Руис! Отец сам нажал кнопку.

Мы знали, что произошло там, за дверью и за стеной, и стояли в молчании. Альвины не умеют плакать, у них не бывает слез. Они держатся за руки и молчат. Мы безмолвно смотрели друг на друга: одного очень близкого уже не было среди нас, но мы об этом не говорили.

Отец вторично нажал аварийную кнопку. Потом был пущен воздух. Мы тихо вошли в лабораторию, в которой разыгралась страшная лунная трагедия.

Стриженые головы Николая и Дина были очень похожи одна на другую, но лица были разные. На бледном юношеском лице Стебелькова запечатлелось тихое спокойствие, подобное вечному спокойствию немигающих в космосе звезд. У Руиса вытекли глаза, кровь свернулась в ушах и на губах, с лица еще не сошел ужас смерти. Он был страшен.

Отец нагнулся и прикрыл рану на шее Стебелькова.

«Он прав был, этот славный молодой человек,— тихо сказал отец.— В таких случаях не надо дорожить своей жизнью. Наши предки знали это, но мы давно забыли... Он был готов умереть вот так...— Помолчав, отец обратился ко всем нам.— Мы не можем оставить его тело здесь. Он спас наши жизни, и пусть Альва узнает о подвиге человека Уллы. Мы возьмем его с собой и похороним на родине как лучшего друга Альвы. А этого,— указал отец на Дина,— отнести в ракету «Сириус» и запустить в космос. Пусть она носится там, как пылинка, минуя планеты и звезды,— убийце не только на родине, нигде нет места. Когда Тэл вернется, пусть сделает это... Пусть он навсегда запомнит, что не всякий может быть другом».

Я спросила: а кто расскажет землякам о Николае? Там должны узнать правду.

«Расскажет сам Стебельков»,— ответил отец.

И после этого мы отправились на родную Альву. В глубокой трещине у нас был небольшой корабль. На нем мы перелетели на обратную сторону Луны, здесь нас ждал межзвездный экспресс. Когда мы поднялись, несколько взрывов сверкнуло в расщелине, края ее обру-

шились, она исчезла, похоронив все, что мы оставили тут. И в тот же миг взлетел подготовленный Тэлом к старту «Сириус» с телом Дина Руиса. Поднятая его двигателями пыль улеглась и запорошила следы. Наверно, все на Луне стало как прежде, будто и не появлялись здесь гости с далекой планеты...

Снова заговорил «Стебельков», Инга слушала долго, пока не кончилась передача.

Во всем доме стояла какая-то настороженная, боязливая тишина. Инга заглянула в кабинет Шкубина — никого. Показалась Эльза, она шла на цыпочках и вытирала лицо рукой.

— Где господин Шкубин?

— С ним очень плохо,— Эльза, кажется, плакала или делала вид, что плачет.— Он в своей спальне. Без сознания. Мы вызвали из города доктора. Доктор сказал, что надежды мало.

— А господин Руис, гость хозяина?

— Из-за него-то все и произошло. Руис сошел с ума, это очень тяжело подействовало на нашего хозяина. Руиса отвели в клинику, его стережет Томас.

Нет, не от этого, как рассказывает Эльза, слег в постель Шкубин. Да и все здесь произошло и заканчивается не так, как предполагала Инга.

— Что вам говорил хозяин, пока он был в сознании? — спросил она.

— Он приказал убрать все в лаборатории, чтобы ничего, ни пылинки не осталось. Я позвала из клиники санитарок.

Инга заглянула в лабораторию. Три девушки-санитарки в синих халатах выбрасывали битое стекло, уцелевшие колбы, баллоны, деревянные стойки — весь хлам и сор—в открытые окна. Под окном стояла тележка, прицепленная к садовому трактору. Курт лопатой кидал в нее все то, что было выброшено из лаборатории. Девушки принесли ведра с водой и стали мыть пол, он сразу же заблестел в лучах солнца. Скоро и следа не останется от того, что было в цокольном этаже.

Инга вышла из дома. У входа стояла машина с красным крестом — машина доктора. Хоть что-то и делалось в этом доме, двигались люди, слышались их шаги, но никто не разговаривал. Необыкновенно громко, заглушая сдержанные звуки, фыркнул и зарокотал трактор.

Курт выехал на узкую дорожку, которая вела в сторону гор. За трактором тащилась повозка, доверху нагруженная всяким хламом. Садовник вез этот хлам на свалку. Отъехав немного, Курт остановил трактор: тележка задела осью за небольшое хилое деревцо, высунувшееся из ровного ряда других деревьев, могучих и красивых. Садовник не захотел сдавать назад, чтобы отцепиться. Он сошел с трактора с короткой пилой в руке, глянул в сторону хозяйского дома и склонился к дереву. Скоро дерево дрогнуло и, шумно вздохнув, упало. Курт прицепил его сзади к тележке и поехал. Дерево поволоклось, захватив, как метлой, собственные опавшие листья.

Делать в этом доме было больше нечего. Надо ли ждать комиссии? Она здесь ничего не увидит. Руиса допрашивать бесполезно, и судить его в таком состоянии не будут. И никто не станет тревожить смертельно больного Шкубина.

Инга взяла свой чемодан, простилась с Эльзой, сказав, что возвращается пока к профессору Дольцу, и вышла из дома, в котором провела четверо суток — это очень мало, но, может быть, и немало: не всегда и не только дни и ночи отсчитывают ступеньки жизни.

У ворот ее ждал Лео Киджи.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ванюшин Василий Федорович

ЖЕЛТОЕ ОБЛАКО

Научно-фантастический роман
Алма-Ата, Казгослитиздат, 1963.
208 с. Р 2 (В 17).

* *

Редактор Л. Золотова.
Оформление художника Н. Гаева.
Худож. редактор В. Ткаченко.
Технич. редактор П. Вальчук.
Корректор В. Масленникова.

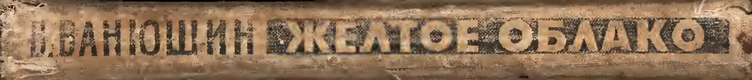
* *

Сдано в набор 15/VI-63 г. Изд. № 116.
Подписано к печати 10/VIII-63 г.
УГ04955. Бумага 84×108 1/32—6,5 печ.
л. 10,92 усл. п. л. (Уч.-издат. 11,28
листа). Тираж 210000 экз.
Цена 49 коп.

* *

Алма-Ата, Полиграфкомбинат
Главиздата Министерства культуры
КазССР. Заказ № 1162.

И. ВАНЮШИН
ЖЕЛТОЕ ОБЛАКО